

Норбер Кастере

Зов бездны

Предисловие

Мне было всего пять лет, когда я впервые увидел пещеру. Легко представить мое изумление!

Нас вел молодой крестьянин, держа в руках соломенный факел, от которого было больше копоти, чем света. Я с трудом различал зал с покатым, неровным полом. Мать держала меня за руку.

— Смотри, — сказала она мне, — там, в глубине, вечный мрак.

Я вытаращил глаза. Слова «вечный мрак» оставили в детском воображении глубокий и неизгладимый след. Да, я действительно считаю, что это посещение наложило отпечаток на всю мою жизнь: с тех пор я постоянно слышу «зов бездны».

Двадцатью годами позже, в 1923 году, в неизвестной тогда еще и неисследованной пещере Монтеспан я открыл самые древние статуи мира. Еще двадцать лет спустя, в 1943 году, я пошел на приступ Хенн-Морт, самой глубокой тогда пропасти Франции. А еще через десять лет, в 1953 году, я спустился на дно пропасти Пьер-Сен-Мартен, которая в то время считалась самой глубокой в мире.

Предлагая читателю новую книгу наблюдений, рассказов и воспоминаний о подземных исследованиях, я не буду повторять всего, о чем уже писал в разных вариантах в десяти предыдущих книгах. Вместо того чтобы оправдывать и объяснять мою полувекую профессию исследователя подземных глубин, скажу честно и откровенно: с давних пор и всю мою жизнь я слышал «зов бездны» и откликался на него душой и телом — иначе я просто не мог жить. Порой мне хотелось быть поэтом, воспеть в стихах пещеры, подземные пропасти и их таинственное эхо. Мне казалось, что спелеологии не хватало высшего признания — гимна на божественном языке поэзии.

Но теперь это сделано, причем сделано рукой мастера, который, насколько я знаю, впервые описал в стихах гроты и бездны, подземные реки и сталактиты, летучих мышей и пещерных медведей, доисторического человека и все чары подземного мира.

Мой друг и коллега Ральф Парро, литературный критик отдела искусства газеты «Западная Франция» в Лорьене, влюблен в спелеологию. Его перо, воодушевленное страстью к мрачным обитателям и вдохновленное разумом, создало для спелеологов их евангелие — евангелие вечной ночи. Поэма Ральфа Парро «Мрак и Молчание» заслуживает признания всех путешественников по подземельям и всех просвещенных людей. Современный Орфей, он бродил по мрачным галереям многочисленных пещер в Альпах и Пиренеях, от Веркора до Ардеша и Дордони. В своем вступи-

тельном стихотворении «Пещеры» он берет нас за руку и вводит в свои владения.

Есть под землей места, где, как на горных пиках,
Вдруг понимаешь всю тщету людских страстей
И видишь, как ты мал в сравнении с великой
Загадкой вечной тьмы и грозных пропастей.
Там ночи нет конца; в пещерах, в переходах,
Где некогда поток бурлящий грохотал,
Теперь безмолвно все, лишь каменные своды
Возносят в темноту торжественный хорал.
Подземная река нашла в нем своего правдивого и
вдохновенного певца:
То дремлет, затаясь в тиши сифонов черных....
То зазвенит, смеясь, резва и непокорна.
То в бездну ринется вдруг водяной таран,
Рыча в кромешной мгле, как раненый Титан.

В поэме «Образы предыстории» поэт воскрешает сцены, некогда происходившие в культовой пещере. День уже угасает, и лишь последнее облачко пламенеет на горизонте...

Смеркается... и день уходит не спеша
Тьма из пещеры луч закатный гонит,
И гаснет луч... а может быть, душа
Того, кто жил когда-то в Кро-Маньоне.

Часть первая

Подземные экспедиции

*Когда трудности кажутся
непреодолимыми и
препятствия множатся, это
значит, что успех близок.*

Из выступления инженера-конструктора Мариуса Берлие в
связи с пятидесятилетием его завода

Глава I

Лабиринт Тромба и его пропасти

*Я считаю, что нет ни высот, ни
глубин, которых человек при
помощи Разума не мог бы
достичь.*

Генерал сэр Джон Хант, начальник победоносной экспедиции на
Эверест

В августе 1955 года марсельцы из спелеологической группы Прованса и скауты-спелеологи второй группы из Экса-в-Провансе вышли из грота Сигалер в Арьеже, пройдя вверх по руслу подземной реки этой пещеры пять километров и поднявшись на двести двадцать метров. Эту реку я открыл еще в 1932 году и исследовал по просьбе Пиренейской электрической компании.

Понадобилось три экспедиции (в 1953, 1954 и 1955 гг.), чтобы преодолеть пятьдесят два каскада и установить наконец, что силу подземной реки можно использовать для работы гидроэлектростанции.

Поулеглась радость по поводу этой победы, которая обошлась нам так дорого, и провансальцы, пристрастившись к Пиренеям, спросили меня, не знаю ли я другого объекта, достойного Сигалера и подходящего для будущих исследований. Я их обнадежил и предложил заняться массивом Арба в районе Верхней Гаронны, где, по моему мнению, таилось еще много неизвестного и где, возможно, их ожидали самые сенсационные открытия.

Мои друзья из Экса и марсельцы поверили мне и с энтузиазмом приняли предложение. Дальнейший рассказ свидетельствует о

том, что им не пришлось об этом пожалеть.

Воздушное снабжение

На рассвете 21 июля 1956 года, несколько дней спустя после велогонки вокруг Франции, от перевала Порте д'Аспе на этапе Люшон — Тулуза, где совсем недавно промчались велосипедисты, какой-то человек поднимался в гору.

Согнувшись под тяжестью рюкзака, этот любитель утренних прогулок свернул с дороги, потом с узкой тропинки и за два часа подъема добрался до центра известкового массива Арба, который на границе Верхней Гаронны и Арьежа образует первые предгорья Пиренеев.

Одинокий путник, казалось, не замечал волшебного зрелища, открывавшегося с этого природного балкона, — восхода солнца над цепью гор. Он остановился на лужайке, собрал хворост для костра, однако разжигать его не стал. Затем порылся в рюкзаке, вытащил две простыни и тщательно расстелил их на еще сырой от росы траве. Неужели этот странный человек пришел сюда, чтобы улечься на голой земле и заснуть в тот час, когда все кругом просыпалось? По-видимому, нет, так как он сидел на выступе скалы и время от времени проверял свои часы, а потом осматривал западную часть горизонта.

Внезапно в тишине раннего утра, нарушаемой лишь посвистом только что проснувшихся дроздов, послышалось какое-то жужжание. Шум, сначала далекий и едва различимый, становился все громче и слышнее. Это был самолет. Он быстро приближался.

Человек вскочил, чиркнул спичкой и зажег искусно приготовленный костер, который сразу вспыхнул ярким пламенем. Тотчас же он подбросил в костер зеленые ветки можжевельника; они загорелись с треском; густой, едкий дым столбом поднялся в небо.

Сигнал и простыни, разложенные на земле в форме буквы «Т», заметили еще издалека. Спикировав в этом направлении, самолет, ревя моторами, на бреющем полете прошел над самой головой альпиниста. Это был «Дакота» с базы воздушно-десантных войск в По, управляемый майором Реноном. Самолет развернулся, пролетел еще ниже над сигнальным костром и начал сбрасывать парашюты. Заход следовал за заходом. Двадцать парашютов, раскрыв свои разноцветные венчики, опустили на землю около трех тонн снаряжения и продовольствия.

Выброска была настолько точной, что, по словам Джозефа Дельтея, того самого альпиниста, который разложил сигнальные полотнища и зажег костер, «парашюты спускались прямо в руки». В одиночку он подобрал все многочисленные тюки, свернул парашюты и стал дожидаться товарищей. На завтра прибыли еще че-

ловек двадцать и разбили пятнадцать палаток, сброшенных в числе прочего на парашютах. Таким образом, благодаря необыкновенной любезности людей воздуха люди подземелья получили горный лагерь, возникший быстро, легко и как раз в том месте, где им предстояло вести исследования.

Так началась спелеологическая экспедиция 1956 года в районе массива Арба, организованная автором этой книги и его верным соратником Джозефом Дельтеем. Всего в экспедиции участвовало семнадцать человек: шесть из спелеологической группы Прованса (Марсель) под руководством Жоржа Конрада и одиннадцать скаутов из отряда подземных исследований под руководством Пьера Жикеля.

Массив Арба (Верхняя Гаронна) с давних времен славится обилием пещер; считают, что здесь их больше, чем где бы то ни было во Франции.

В 1908 году Мартель, зачинатель и вдохновенный апостол спелеологии, провел здесь успешную экспедицию, во время которой были открыты и изучены многие пещеры, в том числе величественный грот Пен-Бланк. Исследуя этот грот, он сделал ряд важных гидрологических выводов для тогда еще молодой спелеологии.

В 1912 году на этом же массиве я получил свое боевое крещение. Но поскольку я был исследователем-одиночкой и не имел соответствующего снаряжения, мне пришлось здесь пережить немало тревог и самых разнообразных приключений.

В 1930 году Робер де Жоли, президент Спелеологического клуба Франции, вместе со мной возглавил еще одну экспедицию на массив Арба. К сожалению, экспедиция эта кончилась неудачно из-за продолжительных дождей.

С 1932 года Феликс Тромб, ставший в 1947 году президентом Парижского спелеоклуба, совершил много экспедиций вместе с некоторыми своими товарищами, среди которых был и Пьер Шевалье, будущий президент Спелеологического общества Франции, прославившийся своими исследованиями подземных пропастей в Альпах. Именно он открыл пропасть Гласа (Тру дю Глас) глубиной в шестьсот метров и протяженностью подземных лабиринтов в восемнадцать километров.

Наконец, в 1941 году Марсель Лубан,[1] когда ему было всего восемнадцать лет, открыл знаменитую пропасть Хенн-Морт, куда и спустился первый на глубину до восьмидесяти метров. Вместе с ним в этом спуске участвовала его ровесница Жозетт Сегуфен.

Исследование пропасти Хенн-Морт было настоящей эпопеей с приключениями, неожиданными происшествиями и несчастными случаями. В 1943 году Марсель Лубан и Клод Морель были

ранены на глубине двухсот сорока метров. Чтобы их извлечь, спасательному отряду молодежи под моим руководством пришлось работать сорок часов подряд в невероятно трудных условиях.

В 1946 году к нам на помощь пришла опытная группа Феликса Тромба из Парижского спелеоклуба, а с ним — армейская группа. В анналах спелеологии это был первый случай, когда армия сотрудничала с подземными исследователями. Получив подкрепление людьми и снаряжением, мы смогли после семи лет борьбы покорить пропасть Хенн-Морт. Это произошло 28 июля 1947 года. Марсель Лубан и я наконец достигли дна на глубине в четыреста сорок шесть метров. Это была самая глубокая из известных тогда пропастей Франции.

Характерной особенностью подземных водопадов зловещей пропасти Хенн-Морт была их высота и сила. Один из них падал во внутренний колодец с высоты ста метров.

Эти водопады встречаются на разных уровнях пропасти. Возник вопрос: откуда они берутся и какие внешние источники их питают?

Для того чтобы провести такое гидрологическое исследование, понадобилась дополнительная экспедиция 1948 года. Но, помимо этого, участники спуска в Хенн-Морт разрешили ряд других проблем и провели еще немало больших исследований, как, например, в пропасти Пьер-Сен-Мартен, где в 1952 году трагически погиб Марсель Лубан.

Первая экспедиция (1956 г.)

Я считал марсельцев и спелеологов из Экса достаточно опытными для решения загадки водопадов Хенн-Морт. Поэтому 23 июля 1956 года после десятилетнего перерыва в центре массива Арба и вырос наш лагерь — экспедиция «Хенн-Морт 1956 года» началась.

Жорж Конрад, командир марсельцев, и Пьер Жикель, командир скаутов из Экса, в первый же вечер посоветовались и решили, что обе группы будут действовать одновременно в разных пещерах. Во-первых, вокруг было множество неисследованных и неизмеренных пропастей, а, во-вторых, пятнадцать дней, отведенных на всю экспедицию, пролетят мгновенно, и фактически на исследования у нас останется всего один день; остальное время уйдет на подготовку снаряжения и на восстановление сил после восемнадцати-двадцати часов изнурительной гимнастики в условиях низкой температуры, а иногда и в ледяной воде.

Грот палумер

Мы не будем останавливаться на описании второстепенных по значению пещер и естественных колодцев — достаточно их упомянуть в общем перечне — и сразу перейдем к наиболее интересным моментам экспедиции.

Грот Палумер находится почти на самой вершине пика Палумер (1610 м), высшей точки массива Арба. Его многоярусные лабиринты, пересеченные колодцами, были еще не исследованы спелеологами и ждали своей очереди.

За два дня команда Экса побывала во всех уголках грота и составила его план. Что же касается колодцев, то они оказались совершенно неинтересными, так как на глубине от тридцати до шестидесяти метров были закупорены и не таили никаких неожиданностей. Только на дне наиболее глубокого колодца спелеологи натолкнулись на полностью сохранившийся скелет медведя. Коричневый пиренейский хищник, очевидно, долго бродил во мраке запутанных лабиринтов пещеры, пока не свалился в естественную ловушку-колодец, предательски открывшуюся у него под ногами. Как и большинство животных, заблудившихся под землей и погибших там, он лежал, свернувшись калачиком, в одном из закоулков пещеры.

Отверстие Бюадер

На южном склоне массива, довольно низко, примерно на высоте восьмисот метров на самом краю дороги, ведущей к перевалу Порте, вернее, в придорожной канаве, виднеется отверстие, в которое может пролезть человек. Из него идет очень сильный поток холодного воздуха: это и есть Бюадер.

Поскольку это отверстие могло представлять большой интерес для разъяснения гидрогеологической загадки массива, Жорж Конрад и его группа ползком проникли туда и вскоре обнаружили коридор, дно которого было залито водой. На резиновых надувных лодках им пришлось переплыть целый ряд маленьких подземных озер. Плавание оказалось таким трудным и продолжительным, что спелеологи вынуждены были повернуть обратно и на время отложить исследование Бюадера.

Колодец ледника

Пропасть Ледника находится на высоте полутора тысяч метров и славится тем, что даже в разгар лета в ней сохраняется лед.

Исследованная до глубины восьмидесяти пяти метров и промежуточная до ста десяти метров Феликсом Тромбом в 1933 году, эта пропасть приготовила для спелеологов экспедиции 1956 года неприятный и весьма поучительный сюрприз. Оказалось, что на глубине всего сорока метров она наглухо закупорена ледяной

пробкой. Такая закупорка, вызванная необыкновенным обилием льда, подтвердила наблюдения, сделанные в других местах — в ледяных гротах Альп, Кавказа и Пиренеев. Она доказывает, что в противоположность горным ледникам, быстро уменьшающимся в течение последней четверти века, подземные ледники постоянно увеличиваются и кое-где заполняют целые пропасти. Однако объяснить это явление до сих пор еще не удалось.

В пропасти Ледника была сделана одна интересная находка. Спелеологи обнаружили там остатки грубой деревянной лестницы и две лопаты, тоже деревянные. Очевидно, около восьмидесяти лет тому назад жители Арба «вели разработки» ледника. Они спускались по лестницам на глубину тридцати метров, наполняли ивовые корзины кусками льда и быстро вытаскивали их на поверхность. Так же спешно, потому что лед таял, они нагружали повозку, запряженную мулом, и везли лед, укрытый папоротником, в Тулузу, за сто километров, где и продавали свой товар больнице. Это происходило в те времена, когда производство искусственного льда еще не было налажено.

Колодец балкона

Невдалеке от Хенн-Морт наше внимание привлек колодец, который мы окрестили колодцем Балкона, так как над краем его нависла мергелевая плита.

Мы спустились по гибкой лестнице на глубину шестидесяти метров вдоль совершенно вертикальной стены, вымазанной мондмилхом, или «лунным молоком»[2] — белым клейким веществом, которое вскоре превратило нас в штукатуров, и достигли дна в одном из залов, заваленном разрушенной породой. Среди обломков скал здесь лежали три огромных костяка пиренейских медведей, скелеты глухаря и соболя. Все эти животные попали в пропасть уже давно и пролежали здесь много лет.

Узкий, тесный и крутой проход вывел нас к гигантской вертикальной расщелине, верхняя часть которой терялась во мраке. Мы с трудом пробирались среди хаоса камней, упавших сверху и образовавших гигантские завалы. Наше продвижение часто прерывалось и задерживалось, так как приходилось то и дело спускаться при помощи лестниц с выступа на выступ. Конрад, Пропо, Морель и Феликс легко справлялись с этой трудной гимнастикой, но меня особенно восхищала ловкость и сноровка нашей юной спутницы Жаклины Диландро. Эта по-настоящему талантливая семнадцатилетняя девушка во время экспедиции выполнила большую работу и добилась замечательных успехов. Ее достижения, которые можно сравнить лишь с ее скромностью, еще раз доказали, что женщины — разумеется, некоторые из них — могут

играть в спелеологии далеко не последние роли. Я это давно предсказывал и теперь не раскаиваюсь, хотя в те времена мои слова многим казались нелепыми и неуместными.

Пробираясь между шаткими плитами, перелезая с одного выступа на другой, мы достигли глубины семидесяти метров и были приятно удивлены, обнаружив под ногами ложе ручья, по которому и продолжали наш путь. Присутствие проточной воды и близость пропасти Хенн-Морт внушали нам тайную надежду, что мы находимся в ответвлении этой пропасти, может быть, даже в том самом, которое заканчивается водопадом на глубине ста метров.

Но пещера вдруг сузилась, и дальше нам пришлось пробираться под низким сводом сначала на четвереньках, а потом и ползком.

Морель, который полз впереди, достиг узкого хода и вынужден был расширять его молотком, лежа в самой неудобной позе.

Дальше нам встретился десятиметровый каскад, но, спустившись по нему и пройдя еще тридцать метров, мы уперлись в тупик; только вода просачивалась через расщелины и продолжала свой путь к пропасти Хенн-Морт, вероятно, очень близкой, но с этой стороны для нас недостижимой. Пропасть Балкона показала нам грандиозные подземные пейзажи, однако мы были вынуждены вычеркнуть ее из списка возможных подступов к Хенн-Морт.

Сарратш Дет Мене

Мы спустились в колодец Балкона в десять часов утра, а вышли оттуда лишь в полночь и добрались до своего лагеря только к двум часам ночи. Пока мы подкреплялись, перед тем как насладиться заслуженным сном в палатках, на опушке леса показались светящиеся точки, и мы услышали песню. Это была группа спелеологов из Экса: они тоже вышли на рассвете и сейчас возвращались из Сарратш дет Мене.

В эту пропасть, загадочное название которой неизвестно даже, как писать, я проник в 1950 году вместе с моим сыном Раулем и дочерью Мод. Тогда мы достигли глубины восьмидесяти метров. Нас приятно поразили огромные размеры пещеры и ее расположение; видимо, она сообщалась с Хенн-Морт, находящейся на расстоянии полукилометра, так как мы слышали шум подземного потока, доносившийся из глубины. Здесь гулял ледяной сквозняк, спускаться приходилось с выступа на выступ, и тем не менее именно эта пропасть привлекала меня больше, чем все другие соседние пещеры, и в какой-то степени была главной целью нашей экспедиции.

В ночь на 28 июля Пьер Жикель и его опытная группа — Жаклина Диландро, мадам Жикель, Рене Диландро, Франжен, Венсан, Вейдер, Клоган, Буве и Роллан — вернулись, распевая песни, с самыми обнадеживающими новостями. Спустившись по лестнице на глубину около ста метров, они обнаружили поток, несущий свои воды в сторону Хенн-Морт. Они двинулись по ручью и вышли к глубокому озеру с гладкими вертикальными берегами. Здесь им пришлось остановиться. Отныне все усилия экспедиции были направлены на Сарратш дет Мене.

В ночь с 1-го на 2 августа вторая группа спелеологов на надувной резиновой лодке благополучно переправилась через целый ряд небольших, но глубоких озер и двинулась дальше по ручью, который все время увеличивался благодаря маленьким каскадам, падающим со сводов. Путь был опасный и требовал большой осторожности. Далее один за другим следовали три водопада высотой в шесть, семь и шестьдесят пять метров. Четвертый, тридцатиметровый, водопад из-за недостатка снаряжения преодолеть не удалось, но надежда приблизиться к Хенн-Морт и проникнуть в нее росла, так как направление ходов было все время правильным. 3 августа в четырнадцать часов начался новый штурм подземного ручья и водопадов Сарратш дет Мене.

Наша группа — Кастере, Конрад, Дельтей, Диландро, Франжен, Жикель и Вейдер — быстро спускается по уступам. На одной из стен я вижу инициалы М. К., высеченные здесь моей дочерью в 1950 году. Миновав глубину, достигнутую моим сыном Раулем в 1950 году, продолжаем спуск. Приходится продвигаться в очень сложных условиях. Стены пропасти то гладкие, то неровные, проход очень узок и высок, а по дну его среди камней струится порожистый ручей, выдалбливая глубокие котлы-водоемы.

Все мои товарищи одеты в прорезиненные водонепроницаемые комбинезоны, я же по непростительной небрежности, которая мне потом дорого обошлась, не принял этой основной меры предосторожности.

Дорогу нам преграждает глубокий бассейн. Чтобы его пересечь, нужна акробатическая ловкость. Приходится держаться за крохотные хрупкие выступы сомнительной прочности. Внезапно один из них обламывается у меня под рукой, и я срываюсь в холодную воду, температура которой не выше трех градусов. Легко представить удовольствие от такого купания! Однако меня гораздо больше печалит последствия: отныне я безнадежно выбываю из игры, и мне остается только повернуть обратно. Мой верный друг Дельтей торопит меня, предлагая проводить до выхода на поверхность, Но отсутствие сразу двоих слишком ослабило бы нашу группу, поэтому я продолжаю идти, весь дрожа от

холода. Через час мы преодолели на резиновой лодке длинную цепь маленьких озер, глубоких и узких. Перед нами начало большого шестидесятипятиметрового водопада, который низвергается во тьму с оглушительным грохотом. Как бы в наказание за мой проступок, я вынужден остаться здесь с Жикелем, образуя группу поддержки. Дельтей и Диландро взбираются на карниз, находящийся от нас в пятнадцати метрах, и страхуют головную группу, из которой я выбыл по собственной вине. Головная группа — Конрад, Франжен и Вейдер — начинает осторожно спускаться в гигантский колодец, вырытый водопадом.

Спуск начался в семнадцать часов, к нам же они вернулись в два часа ночи. Эти девять часов томительного ожидания мы провели на неудобном карнизе, на сильном, холодном ветру. Легко представить, что это для насквозь промокшего и продрогшего человека.

В пропасти Хенн-Морт

Но поговорим лучше о трех участниках головной партии, которым довелось пережить самое необыкновенное приключение. В течение нескольких часов мы могли следить за их продвижением по резким свисткам, раздававшимся среди грохота водопадов. Спуск был очень трудным и опасным. Мешали рюкзаки со снаряжением, которые часто цеплялись за стены колодца. Сигнальный код позволял нам следить за всеми действиями наших товарищей и мысленно представлять подробности спуска.

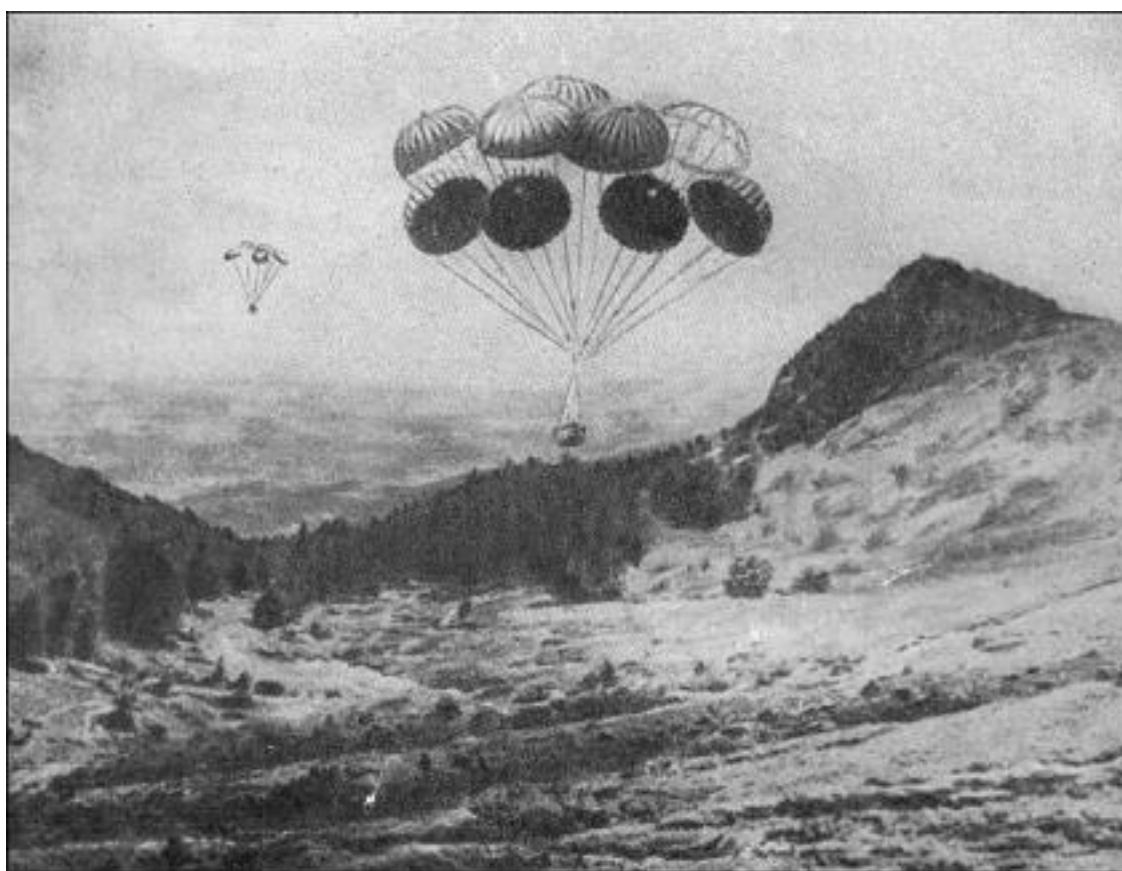
Однако после того как спелеологи достигли подножия шестидесятипятиметрового водопада, звуки свистков стали далекими, приглушенными и почти неразличимыми. В это время они спускались по лестнице в расположенный еще ниже водопад высотой в тридцать метров. После долгих часов ожидания до нас долетел сигнал — пять громких свистков с интервалами. От неожиданности мы вскочили и громко закричали в ответ «ура!». Этот условный долгожданный сигнал сообщил нам, что у подножия последнего водопада наши товарищи наконец обнаружили проход к Хенн-Морт.

В брызгах водопада при свете электрического фонаря Конрад, который спускался первым, заметил и узнал по моему описанию маленькое, вечно бурлящее озеро. А затем все трое вступили в пещеру высотой до ста метров, где нашли и опознали остатки бивака: здесь девять лет назад пятнадцать человек провели пять дней и пять ночей в палатках первого подземного лагеря, разбитого на дне пропасти. Тут были доски, железные палки, всякого рода остатки, вплоть до железного щита, так называемой «китайской шапки», прикрывавшей нас при спуске по адскому водопаду

к расположенному ниже колодцу. Спелеологи склонились над краем колодца и начали бросать туда камни, чтобы определить его невероятную глубину, достигавшую ста метров. И только тогда наконец они поняли, что проникли в Хенн-Морт через соседнюю пропасть по главному притоку этой подземной запутанной и таинственной системы, которую нам удалось частично исследовать.

Обо всем виденном Конрад, Франжен и Вейдер рассказывали нам еще под первым впечатлением дикой красоты подземных залов, гордые от сознания совершенного подвига.

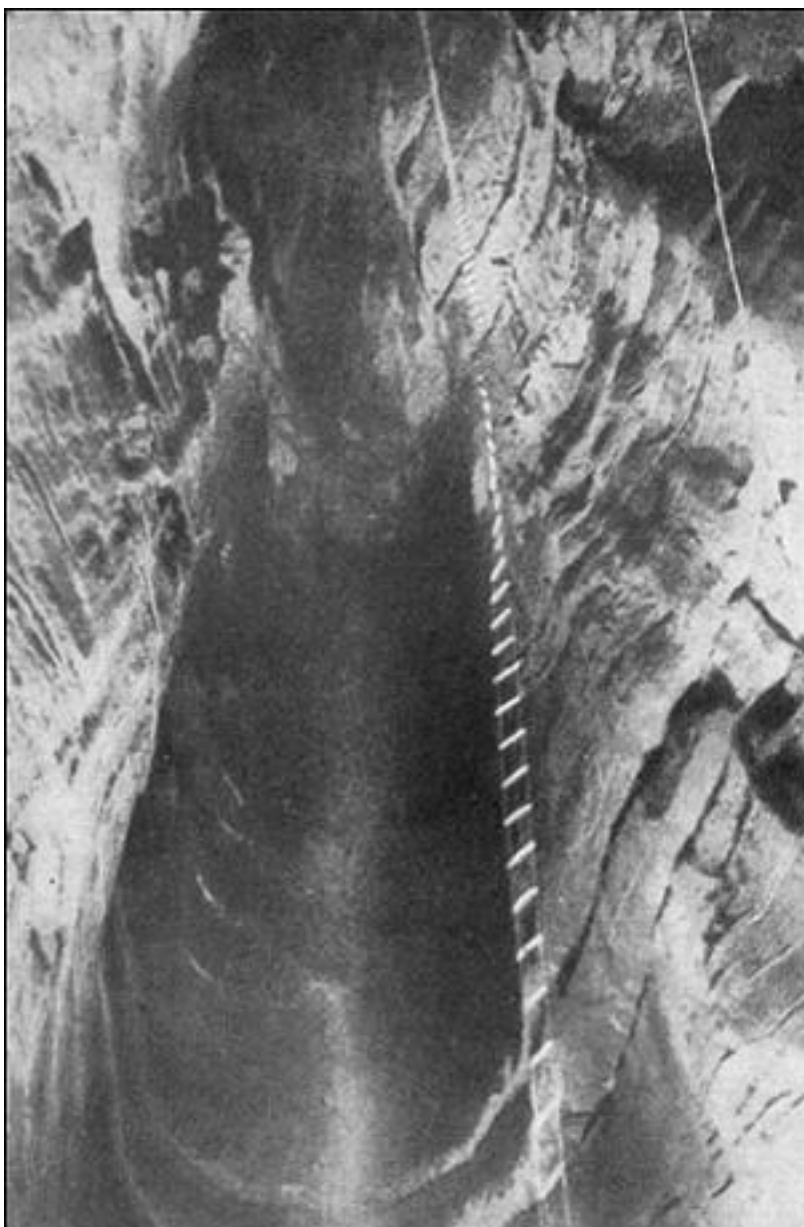
Дельтей и я, ветераны Хенн-Морт, понимали их волнение и огромную радость. Еще бы! Ведь им удалось найти соединительный ход! Это было великолепно.

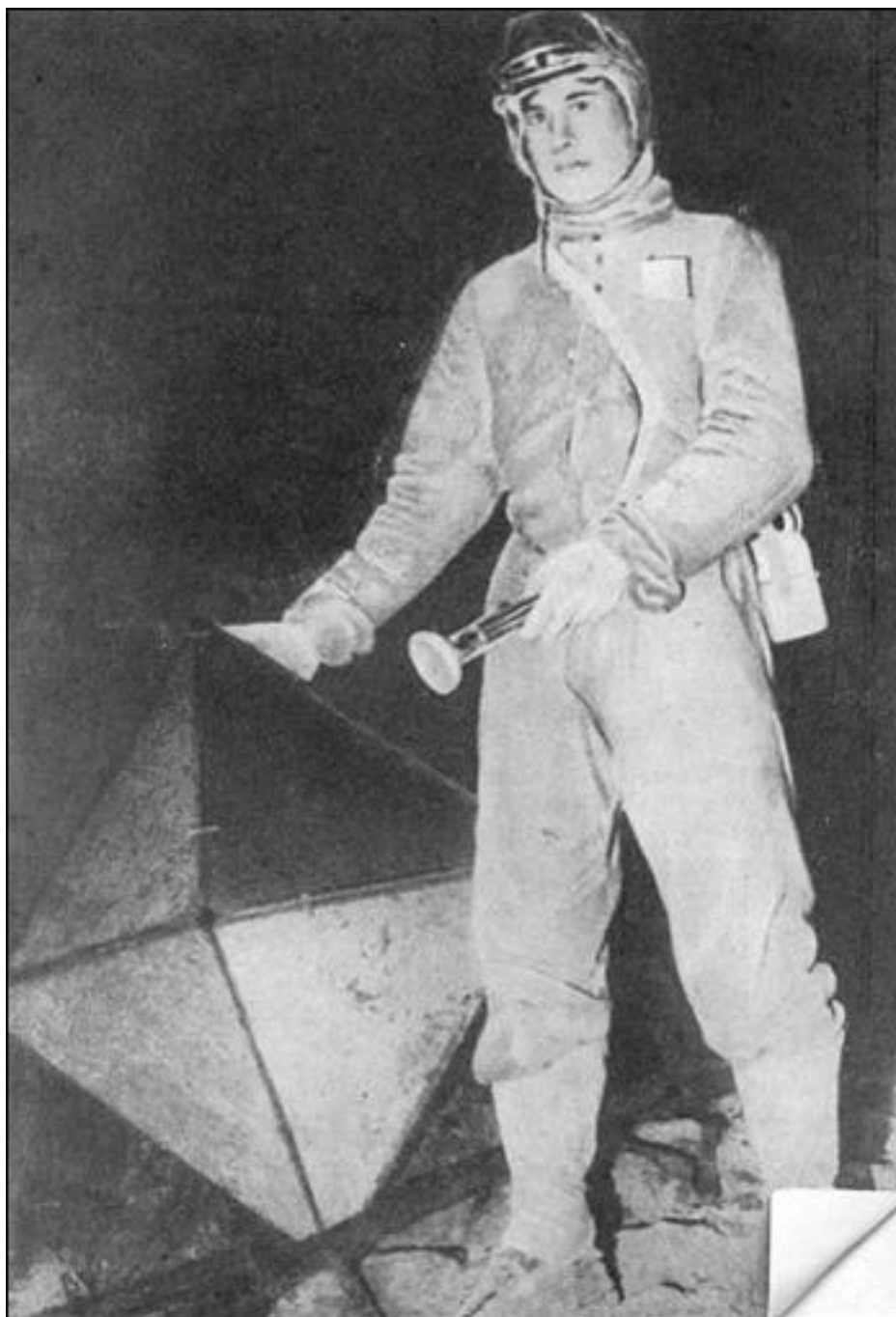
Каждый год военная авиация любезно сбрасывала нам на парашютах экспедиционное снаряжение

*На дне пропастей спелеологи часто находят скелеты и череп
медведей*

Этот вертикальный колодец соединяет пропасть Марселя Лубана с пропастью Хенн-Морт.

В 1956 г. Жорж Конрад нашел в пропасти Хенн-Морт металлический щит, который надежно защищал нас при спусках по водопадам в 1947 г.

Базовый лагерь экспедиций 1957–1959

В пропасти Раймонды. Слева направо: Жак Грольер, Раймонда Кастере, Даниель Леши и Норбер Кастере

По общему согласию мы решили заменить старое название Сарратш дет Мене — неблагозвучное и неопределенное — и дать этой великолепной пропасти-гроту-потоку имя Марселя Лубана, первооткрывателя и исследователя Хенн-Морт. Отныне, в знак

уважения к памяти отважного спелеолога, имя Марселя Лубана будет навсегда связано с теми местами, где проходили его первые исследования: здесь, в Хенн-Морт, он был тяжело ранен, до своей гибели в пропасти Пьер-Сен-Мартен. Пропасть Марселя Лубана, а также похожая на нее и связанная с ней Хенн-Морт в целом являются одной из самых огромных известных нам подземных пустот.

Снова пещеры и пропасти

Несмотря на летнее время, погода стояла хуже не придумаешь — дождливая, пасмурная и унылая. Если верить статистике, такого здесь не видели уже лет восемьдесят. Тем не менее наши группы продолжали исследования. День и ночь одна за другой они спускались в многочисленные «дыры» этого района, скрытые в гуще непроходимого леса, среди невообразимого хаоса завалов и трещин, какого я еще не встречал ни разу в жизни.

Мы вели исследовательские работы, по очереди изучая и вычеркивая из плана многочисленные пещеры. Помимо перечисленных выше спелеологов, здесь отличились Мишель Тово, Пернен, Избар и моя дочь Раймонда. Эта неутомимая четверка всегда с охотой отправлялась на самую трудную разведку. Нельзя также не отметить с благодарностью Жильберта Хелэна из группы Экса, который принял на себя самую неблагоприятную и тяжелую обязанность — готовить еду для всего лагеря. Ведь спелеологи возвращались в самое неурочное время и всегда голодные как волки! Однако и этого ему было мало. Помимо своей тяжелой работы на кухне, Жильберт Хелэн участвовал во многих исследованиях, хотя одна нога у него была ампутирована почти до бедра. Нужно было видеть, как он прыгал, ползал, поднимался и спускался по лестницам, чтобы оценить спортивную закалку этого юноши, его мужество и хладнокровие. Он служил всем нам прекрасным примером энергии и оптимизма.

В начале августа погода испортилась окончательно. Луг, на котором был разбит лагерь, превратился в губку. Жить в палатках становилось невозможно. Мокрое и грязное снаряжение и оборудование плеснело на земле. Каждый день приходилось надевать сырые комбинезоны, ставшие непомерно тяжелыми. Даже овцы на пастбищах вокруг нас и те дохли от непогоды. Мы выходили из затопленных пещер и гротов, а на поверхности нас встречали неумолимый дождь, ледяной туман и невыносимая сырость в палатках.

Опыт окрашивания источников

Ручей, протекавший по соседству с нашим лагерем увеличился из-за дождей почти вдвое. Подобно другим ручьям этого массива, он исчезал в известковой расщелине и уходил под землю. Нежданный паводок подсказал мне одну мысль: а что, если окрасить воду ручья и таким образом узнать, где он опять выходит на поверхность? Мысль была тут же приведена в исполнение. После того как в воду высыпали весь запас флуоресцеина (четыре килограмма), начался оживленный обмен мнениями и предположениями. Одни считали, что окрашенная вода сольется с каскадами Хенн-Морт и выйдет на поверхность в устье подземной реки, в водоеме Хетр на шестьсот метров ниже. Другие полагали, что флуоресцеин просочится сквозь всю толщу массива и выйдет на поверхность через грот Гуэй ди Эр (Адский глаз) у подножия горы, пройдя под землей путь в три километра и спустившись примерно на восемьсот метров. Последние оказались правы, так как через пятнадцать часов поток, вырывающийся из-под земли у Гуэй ди Эр, окрасился в светящийся зеленый цвет изумительных тонов. В результате обильных дождей поток вырвался на поверхность с характерным звуком громкого взрыва. Большая часть нашей группы спустилась до деревни Арба и отправилась к гроту Гуэй ди Эр для наблюдений за окрашиванием, однако пещера была затоплена, и добраться до сифона было невозможно: метрах в ста пятидесяти от входа вода преградила нам путь.

Новая колоссальная пропасть

Опыт с окрашиванием воды открыл нам начало и конец подземного потока, который исчезал в трещине массива на высоте тысячи трехсот метров и выходил на поверхность в гроте Гуэй ди Эр. Возникла мысль проследить путь окрашенной воды, пользуясь колодцами, где был замечен флуоресцеин.

Я обнаружил один из таких колодцев и назвал его колодцем Ветра. Исследование его продвинулось лишь на глубину восьмидесяти метров и было прекращено, так как Пьер Жикель нашел другую расщелину. Новую пропасть штурмовали одна за другой три группы; они открыли в ней несколько ярусов и внушительные по размерам колодцы.

Здесь, как и в колодце Ветра, вопреки нашему желанию, исследование было прекращено из-за недостатка снаряжения, а также и потому, что срок экспедиции 1956 года истекал.

Если колодец Ветра и его сосед, названный пропастью Пьера, соединяются в глубине единой подземной системой, где произошло окрашивание вод — а у нас были серьезные основания в это верить, — значит, обе пропасти должны иметь соответственно шестьсот и семьсот метров в глубину.

Что же касается водной системы, охватывающей всю подземную часть массива, начиная с самых высоких участков гор до ее выхода на поверхность в гроте Гуэй ди Эр, то ее мы называли системой Тромба в честь энергичного пионера, начавшего исследования массива Арба.

Пустотелая гора

В то время пока марсельцы и спелеологи из Экса действовали в наиболее высоких участках массива Арба, группа под руководством Раймонда Гаше, президента Спелеологического общества Франции, и Жана Дедона, президента Парижского спелеоклуба, занималась систематическим научным изучением пещеры Пен-Бланк, когда-то исследованной Мартелем, который углубился в нее более чем на восемьсот метров. К концу четвертой летней экспедиции парижские спелеологи сделали в этой пещере сенсационное открытие.

Они прошли пять километров по подземным лабиринтам через гигантские залы, исследовали целый ряд больших внутренних колодцев глубиной до четырехсот метров, и это было далеко не все.

Наконец, 15 августа 1956 года, через десять дней после опыта с окрашиванием, доктор Ив-Анри Дюфур из Парижского спелеоклуба при помощи акваланга преодолел сифон грота Гуэй ди Эр и установил, что эта пещера продолжается выше по течению подземного ручья. Таким образом, и провансальцы и парижане пережили немало удивительных приключений в одной из самых пустотелых гор, какую только можно себе представить.

В случае удачи они могли бы даже встретиться под землей во время предстоящей экспедиции в огромной системе запутанных лабиринтов, которая, по-видимому, выходит на поверхность в Гуэй ди Эр.

Экспедиция 1956 года в массиве Арба оказалась очень трудной и утомительной из-за проливных дождей. Тем не менее спелеологи добились поразительных результатов, установив, что пропасть Марсея Лубана сообщается с Хенн-Морт, то есть выяснив до конца происхождение гидрогеологической системы пропасти Хенн-Морт.

Кроме того, открытие и исследование пропасти Пьера до глубины двухсот метров открывало перед нами новые перспективы, так как эта новая пропасть расположена в каменистом русле, где течет подземный поток Кум-Уарнэда, воды которого, как показало окрашивание, появляются в гроте Гуэй ди Эр у подножия массива Арба.

Вторая экспедиция (1957 г.)

Парашютирование

29 июля 1957 года двадцать шесть спелеологов из Экса и из Марселя опять встретились на Кум-Уарнэде. Собравшись вокруг посадочных знаков и костра, дым которого в нужный момент должен был подать сигнал летчикам, молодые люди нетерпеливо следили за небом, стараясь увидеть или услышать самолет «Дакота» с военной базы воздушнодесантных войск в По. Майор Ренон и лейтенант Дюраль должны были сбросить на парашютах три тонны снаряжения для экспедиции «Хенн-Морт 1957 года».

Было восемь часов утра. К несчастью, густой туман окутал все вокруг. Время от времени робкие просветы и лучи солнца подавали надежду, что туман рассеется и парашюты будут сброшены, но эти признаки оказались обманчивыми.

Дважды мы слышали шум самолета, пролетавшего на большой высоте: он искал окно в облаках, пытаясь нас обнаружить. Но все было напрасно — облачность оставалась сплошной. Наше разочарование усугублялось еще тем, что самолет, возвратившись на аэродром По, забрал с собой наши завтраки и обеды. Уверовав в успех воздушной доставки, мы неосторожно оставили летчикам все снаряжение, в том числе и мешки с продовольствием!

Смирившись душой, но отнюдь не желудком, участники экспедиции «Хенн-Морт 1957 года» затянули пояса. Пришлось удовлетвориться одной болонской колбасой и единственной булкой, оказавшейся на дне рюкзака одного из участников, человека весьма предусмотрительного и запасливого. Круг колбасы был огромен, но его, как и хлеба, после справедливой дележки оказалось явно недостаточно, чтобы насытить двадцать шесть здоровых парней, проголодавшихся на свежем воздухе после утреннего восхождения.

К счастью, на завтра с самого утра день занялся великолепно. Легкий ветер и ясное небо вселяли в нас уверенность, что самолет должен прилететь к восьми часам. Мы ждали его с надеждой и волнением, как попевшие кораблекрушение на необитаемом острове. Появление самолета было встречено громкими криками «ура!».

Разноцветные парашюты начали раскрываться в каких-нибудь трехстах метрах над нашими головами. Лёгкий ветерок раскачивал их, относя немного в сторону, где они опускались на травянистый склон Кум-Уарнэда.

Я и моя дочь Раймонда, сидя на земле, с интересом следили за развитием операции. Направление курса «Дакоты» было ограничено узкой ложбинкой и деревьями соседнего леса. Поэтому самолету пришлось делать несколько последовательных заходов, сбрасывая каждый раз один-два парашюта. Их подбирала специ-

альная группа, члены которой должны были бежать к месту приземления парашюта и быстро складывать его, чтобы он не порвался в зарослях можжевельника.

Вдруг на пятом заходе, когда начал раскрываться синий парашют, среди этой группы раздались вопли каннибалов, и все наперегонки бросились к месту спуска.

Сидевший рядом с нами спелеолог из Экса с биноклем, смеясь, объяснил нам:

— Они узнали упаковку: это мешок со жратвой.

Мешок упал в нескольких сотнях метров от центра сбрасывания. Торжествующие спелеологи бегом принесли его, тотчас же вскрыли и приступили к распределению пряников и шоколада. Когда голод был утолен, скауты продолжали принимать парашюты, носясь повсюду в одних шортах с хлебом в руках. К концу операции «Дакоты» над нами пролетел маленький биплан из аэроклуба Сен-Жирона, который сбросил нам тщательно упакованный и перевязанный пакет. В нем были две дымовые шашки. Нам обещали доставить их несколькими часами раньше, чтобы мы могли обозначить свое местонахождение для военного самолета. Шашки сопровождались любезным посланием нашего друга Дельтея; прежде чем спуститься под землю, он решил сначала пролететь над нами и поприветствовать нас с воздуха.

Всего было сброшено тридцать девять парашютов, усыпавших пастбище Кум-Уарнэда огромными белыми, красными, синими, зелеными и желтыми цветами. Три тонны снаряжения оказались разбросанными по всей ложбине. Переноска мешков на лужайку, выбранную для базового лагеря, была делом трудоемким и довольно изнурительным. Всем членам экспедиции пришлось потратить на это целый день.

На верхушке ели

Привилегия возраста — единственная, от которой нельзя отказаться, и я был освобожден от переноски тяжестей. Поэтому я отошел от лагеря, где уже воздвигались палатки и царило оживление, и углубился в соседний лес, состоящий из елей и буков с мелкой неровной и хаотичной порослью подлеска. Я решил провести еще одну разведку в этом районе обрушенных скал, воронок, провалов и трещин, среди которых прячутся естественные колодцы, пещеры, пропасти и ледники. Взобравшись на очень крутой склон, я вышел на скалистый гребень, который пересекает Кум-Уарнэд. Здесь я заметил гигантскую ель и решил залезть на ее вершину, чтобы, подобно Мальчику с пальчик, осмотреть сверху лес и определить примерное расстояние до лагеря и до пропасти Хенн-Морт, находившейся где-то поблизости, в радиусе

полутора километров.

Как всегда в таких случаях, чем выше я поднимался, тем труднее становился подъем: сплетение ветвей становилось все гуще, а ствол начинал угрожающе раскачиваться. Тем не менее я добрался до верхушки ели и с высоты этого наблюдательного пункта разглядел далеко внизу лагерь, где, как трудолюбивые муравьи, суетились участники экспедиции, перетаскивая тяжелый груз. Одновременно они сооружали из веток запруды на ручье, который извивался по травянистой поляне, где уже стояла большая часть палаток.

Ручей Кум-Уарнэда исчезает под землей ниже по течению, в самой чаще леса, среди скалистых расщелин. Именно здесь в прошлом году мы сбросили часть флуоресцеина, который через пятнадцать часов был обнаружен на расстоянии нескольких километров у выхода ручья в гроте Гуэй ди Эр, то есть на восьмисот метров ниже у подножия массива.

Следовательно, теперь мы знали, что между нагорьем Кум-Уарнэд и подножием массива существует подземное сообщение. Мы дали этой системе подземных полостей название система Тромба. Кроме того, здесь, в лесистом тальвеге[3] Кума, нами были открыты в 1956 году пропасть Пьера и колодец Ветра. Возможно, что эти «глазки» являются звеньями одной подземной системы, которую мы надеялись обнаружить в глубине массива и изучить как можно детальнее. На эти две пропасти, особенно на пропасть Пьера, мы возлагали все наши надежды и считали их основными объектами исследования в экспедиции 1957 года.

Раскачиваясь на верхушке ели, чуть убаюканный се пружинистыми движениями, я смотрел, как сверкает на солнце ручей. Взглядом я мог проследить его бег от последней излучины, где ручей уходил под землю на высоте тысячи трехсот метров над уровнем моря, до долины Гург, где в гроте Гуэй ди Эр он снова выходил на поверхность на высоте пятисот метров над уровнем моря.

Три километра по прямой линии при разности уровней в восьмисот метров! Я попытался сделать расчеты и заранее наслаждался, представляя себе эту первоклассную гидрогеологическую систему полостей. И какой спелеолог не испытал бы волнения перед столь богатой перспективой, полной надежд, трудностей и опасностей!

В памяти у меня еще свежи были воспоминания о наших последовательных попытках проникнуть в смежную мрачную пропасть Хенн-Морт: в течение шести лет ее грозные каскады преграждали нам путь, и только на седьмой год мы одержали победу.

Вода на своем пути встречает расположенные ярусами колодцы, сложную сеть залов и многоэтажных галерей, скрытые и опасные ловушки недр. Устремляясь вперед и вглубь, вода долбит, сверлит, точит камень и вдруг, загадочная и чарующая, появляется в каком-нибудь гроте через скрытый сифон. Таков был ход моих мыслей, когда я пытался представить себе систему Тромба: ведь пока мы знали лишь ее начало — место исчезновения ручья на Кум-Уарнаде, и ее конец — Гуэй ди Эр!

Альпинист может изучать гору своей мечты, рассматривая ее в бинокль, и намечать глазами путь восхождения среди тропинок и скал. Спелеолог же, строя предположения, почти всегда ошибается из-за неожиданностей и невероятных сложностей подземного мира. Увы! Все его гипотезы разбиваются, сталкиваясь с непреодолимыми препятствиями. Обвалы сводов, непроходимые трещины, тупики, озера, сифоны то и дело безжалостно останавливают спелеолога на его пути.

Правда, в пропасти Пьера мои друзья провансальцы в 1956 году достигли глубины двухсот метров и установили, что пропасть имеет продолжение. Это было основным и многообещающим поводом для дальнейших исследований. Но я слишком хорошо знал, что могло нас ожидать впереди.

В 1934 году меня с женой в пропасти Мартеля, в Арьеже, задержал провал глубиной в триста метров, и я не мог добраться до колоссального, расположенного ниже грота Сигалер. Я помню, как в 1947 году мы с Марселем Лубаном, спустившись в Хенн-Морт на глубину четырехсот сорока шести метров, не смогли выйти в водоем Хетр, так как путь нам преградил сифон. Совсем недавно, в 1953 году, в пропасти Пьер-Сен-Мартен мы спустились на значительную глубину до семисот метров и оказались в зале, из которого не было выхода. Несмотря на такую глубину, нам не удалось выбраться на поверхность через устье Бантии в долине Сент-Ан-грас.

Пропасть Пьера или колодец Ветра, кто из них поможет нам проникнуть в систему Тромба? И удастся ли вообще благополучно дойти до выхода этой системы на поверхность? Эти два вопроса я задавал себе, сидя верхушке ели в самой оригинальной и малоудобной позе, пока не почувствовал судорог. Убедившись, что насест поистине уникальное место для размышлений о подземных мирах, я приготовился к спуску, но предварительно вытащил из кармана трехцветную ленту и привязал ее к самой верхней ветке ели, где она стала, как знамя. Затем, подчиняясь тому естественному и традиционному порыву, который заставляет испускать победные тирольские кличи и альпинистов на вершине сурового пика, и просто гуляющих, взобравшихся на небольшую

горку, я, как когда-то в детстве, залился звонкой трелью горцев, повернувшись в сторону лагеря. Молодёжь была поражена, услышав дикий клич басков, и все головы повернулись ко мне. Наверное кто-то заметил крошечное знамя, развевающееся в синеве неба, и мой силуэт на верхушке ели. Они весело ответили мне, и я, довольный своим маленьким успехом, спустился вниз и пошел наугад в лес.

Открытие нового отверстия

В тот момент я был очень далек от мысли, что всего через четверть часа совершу поразительное открытие, которое разрешит мои недавние сомнения относительно системы Тромба и поможет обнаружить важное продолжение этой системы.

Но не будем забегать вперед.

Я продолжал свою разведку, все время ориентируясь на глубокие воронки и лощины, то есть места, где можно было обнаружить в скалах расщелины и выходные отверстия пропастей.

Так я спустился в обширный котлован, где среди густых зарослей папоротника и гигантских зонтичных растений торчали зубчатые каменистые глыбы. Перепрыгивая с камня на камень, я нагибался над каждой заросшей мхом щелью, над каждой трещиной, под которой могла скрываться какая-нибудь неизвестная пещера. Какой неблагодарный труд, очень тяжелый, скучный, а, главное, зачастую бесполезный! Нужно внимательно вглядываться в поверхность земли, ничего не упуская из виду, спускаться во все места обвалов, не оставлять без внимания ни одной неровности почвы, ни одной груды камней. Но спелеолог должен примириться с этим и искать с настойчивостью и уверенностью золотоискателя или, скажем, того, кто ищет иголку в стоге сена. Наградой ему будет успех дела или какая-нибудь необыкновенная находка. Этот вид разведки на жаргоне спелеологов называется «проведением поиска».

Итак, я вел поиск без особого энтузиазма, но и без особого нетерпения — результат долгой привычки, — повторяя про себя слова неутомимого исследователя геолога Пьера Термье: «Искать и открывать! Чтобы стать богатым, нужно совершать открытия». Разумеется, речь идет о духовном богатстве, о радостях открытий, испытаний, о поисках новых фактов, потому что на спелеологических исследованиях, как известно, состояния не наживешь!

Камни утопали среди густых зарослей черники, папоротника и малины, иногда достигавших мне до пояса Перескакивая с камня на камень, я пробирался вперед как вдруг, то ли поскользнувшись, то ли недопрыгнув остушился на скалистом гребне и упал. Падение было не опасным, однако весьма болезненным. На ноге

у меня была ссадина, и я сильно ушиб бедро. Через некоторое время я смог опять двинуться в путь, правда, хромая и проклиная вполголоса эти заросли, предательски скрывающие камни и трещины-ловушки.

Маленькие причины ведут иногда к большим следствиям. Из-за оцарапанной и ушибленной ноги я отказался от дальнейших поисков, а главное, перестал прыгать по камням и повернул обратно по направлению к лагерю.

На пути мне попало поваленное дерево, лежавшее среди густых зарослей папоротника и сколопендриума.[4] Чтобы не путаться в зарослях и избежать в них ловушек, я пошел вдоль ствола засохшего дерева. И вдруг заметил, что несколько папоротников чуть-чуть колышутся! Наклонившись над ними и раздвинув их рукой, я ощутил легкий ветерок, дующий из черной дыры, в которую мог бы пролезть человек. Это оказалась одна из многочисленных каменных ловушек Кум-Уарнэда. Она была очень хорошо скрыта и потому особенно опасна для животных — медведей, кабанов, лис, баранов и охотничьих собак, а также для людей, посещающих эти края, — охотников, лесорубов и спелеологов; больше здесь никто не бывает.

Но то, что представляет грозную опасность для всех людей и животных, может оказаться бесценным подарком для спелеолога. Ведь только спелеолог привык к пропастям, любит их, разыскивает и исследует, находя в этом ужасном для простых смертных занятии неистощимый интерес.

Моей первой заботой было очистить отверстие от загромождавших и скрывавших его веток папоротника мха. Затем, подчиняясь первому побуждению, я склонился над отверстием, вглядываясь и вслушиваясь — и то и другое привычно спелеологу. Но я ничего не видел, кроме вертикального колодца, куда взор проникал всего на несколько метров, и ничего не услышал.

Инстинктивно я бросил в зияющую дыру сухую ветку. Она падала вниз, задевая стены, и, кажется, задержалась на скромной глубине: около двадцати метров. «Должно быть, это еще один, самый обыкновенный колодец, не представляющий интереса, — подумал я, еще одна, не стоящая внимания дыра, забитая щебнем, как многие другие. Настоящие большие пещеры встречаются так редко!»

Тем не менее я хотел в этом убедиться. У меня в сумке была газета; за неимением лота я развернул ее, смял, скрутил жгут, зажег и бросил в пустоту.

Поддерживаемый пламенем, мой факел величественно спускался по спирали, освещая стены и мимоходом показывая их строение. Колодец в глубину заметно расширялся, его диаметр

непрерывно увеличивался, и когда газета, уже достигнув дна, догорала, ее последняя вспышка скупо осветила едва различимый покатый зал, тотчас погрузившийся во мрак.

Теперь благодаря какому-то шестому чувству и долгому опыту я уже не смотрел на этот колодец так безнадежно. В конечном счете он оказался довольно обширным, и я был готов переменить мнение относительно его глубины — видимо, она достигала метров тридцати.

Бесспорно, сюда следовало бы вернуться и спуститься в колодец. Такой щелью нельзя было пренебрегать. Тем более, что ее расположение заинтересовало меня и, признаюсь, разбудило мою необузданную фантазию, которая, скажем прямо, у спелеологов всегда разве что только дремлет.

Нельзя сказать, чтобы открытие «моего колодца» произвело в лагере сенсацию. Да и сам я не считал его таким уж значительным. Тем не менее я твердо решил вернуться и осмотреть его. Мало ли что может случиться!

В пропасти Пьера

Назавтра и в следующие дни все наши усилия, естественно, сосредоточились на подготовке к спуску в пропасть Пьера, где группы спелеологов из Экса и марсельцы должны были работать попеременно, сменяя друг друга.

Эта пропасть была открыта в конце экспедиции 1956 года в каменистом русле, примерно на километр ниже того места, где исчезает под землей ручей Кум-Уарнэда. Ее счастливым первооткрывателем был Пьер Жикель, руководитель скаутов из Экса. Помимо удачи, большую роль в этом сыграла его дальновидность, ибо он обнаружил пропасть там, где не было никаких внешних признаков.

Это была просто яма у подножия скалистой стены, заваленная хворостом, заросшая папоротником и мхом. Здесь Жикель после долгих поисков обнаружил расщелину, наполовину заткнутую большим стволом засохшего дерева. Ему удалось в нее пролезть и добраться до крошечного зала с низким потолком. Интересы он не представлял. Однако главный ток воздуха, пересекавший нору, привел его к узкому и извилистому ходу, куда он и решился проникнуть, но уже вместе с товарищами.

Немного дальше им пришлось размотать гибкую лестницу, чтобы спуститься на дно крутого хода. Еще несколько метров горизонтального пути между сильно разрушенными водой стенами, и вдруг под ногами у них разверзлась огромная черная пропасть. О ее внушительных размерах и большой глубине можно было судить по оглушительному грохоту и силе ударов сбро-

шенных вниз камней.

В августе 1956 года этот восьмидесятиметровый строго вертикальный колодец был обследован и назван Черным колодцем из-за черного оттенка известняка, содержащего углерод. Спуск в него был произведен при помощи гибких лестниц на стальных тросах.

8-го и 10 августа группа Жикеля, спустившись на глубину ста пятидесяти метров, достигла низа колодца Лимона, закупоренного земляными наносами. Там же они открыли и обследовали сложную систему галерей, дошли до опасного крутого поворота и, преодолев его, смогли спуститься на еще большую глубину, где обнаружили продолжение хода. Суженный и весьма трудный лаз удалось преодолеть Ги Морелю. Он обнаружил за ним ещё один зал, где эхо шагов создавало иллюзию, что кто-то идёт навстречу из другого конца этого гулкого подземного собора. По другую сторону зала Идущего человека оказался колодец. Это и был колодец Мореля, но он уже не смог туда спуститься, так как не доставало снаряжения.

10 августа в шестнадцать часов следующая группа под руководством Ги Мореля спустилась в пропасть Пьера и вернулась лишь на завтра в пять часов утра.

В ту ночь мы с Дельтеем стояли на посту у телефона над внешним отверстием колодца. Шел проливной дождь, и мы с грехом пополам укрылись под низким нависающим выступом скалы. Место здесь было крайне неудобное: сильный нисходящий поток воздуха продувал насквозь. К середине ночи нам удалось разжечь из хвороста костер. Мокрые ветки дымили невыносимо, клубы дыма обволакивали нас со всех сторон, но, несмотря на все это, мы уже начали отогреваться, как вдруг раздался телефонный звонок. Нас вызывала моя дочь Раймонда. Она с Жаклиной Диландро была на промежуточном посту на глубине ста метров. Обеспокоенная Раймонда сообщала о том, что они оказались в трагическом положении: клубы дыма заполнили всю пропасть настолько, что видимость почти исчезла и дышать стало невозможно. Мы не заметили, что весь дым уходил в колодец — естественный дымоход с обратной тягой. Пришлось поспешно разбросать и затоптать костер, так как в дыму могли задохнуться наши товарищи.

— Вот вам еще одна опасность спелеологии, о которой мы и не подозревали, — сделал вывод Дельтей.

В пять часов утра группа поднялась на поверхность: сначала Раймонда и Жаклина, за ними Конрад, Пернен, Феликс и, наконец, Ги Морель. Последний — глава экспедиции в пропасть Пьера в 1956 году — продвигался вперед, пока не достиг глубины двухсот

метров. Здесь под ногами у него опять разверзлась пустота, а лестниц больше не оказалось.

Итак, экспедиция оказалась весьма убедительной и многообещающей. Отныне мы знали, что глубина пропасти достигает, вернее превышает, двести метров, и могли надеяться, что еще ниже нам удастся проникнуть в подземное русло потока Кум-Уарнэда.

Но день окончания экспедиции 1956 года уже приближался. Пора было складывать палатки, свертывать лагерь и прощаться с массивом Арба до следующего года.

В системе Тромба

Экспедиция 1957 года, коброй мы ждали с таким нетерпением, была организована и подготовлена весьма тщательно. Она началась, как известно, 30 июля с выброски парашютов в районе расположения базового лагеря, в центре исследований — на поляне Кум-Уарнэда.

На рассвете 1 августа группа в составе Жикеля, Парана, Налэна и Вейдера спустилась в пропасть Пьера, предварительно установив над Черным колодцем ручную лебедку, чтобы облегчить спуск и подъем по восьмидесятиметровой вертикали.

Вечером того же дня вторая группа — Франжен, Пернен, Феликс и Ребуль — сменила первую. Глубина, достигнутая Морелем в 1956 году, осталась позади. Был пройден целый ряд колодцев, расположенных один под другим, и достигнута глубина около двухсот семидесяти метров.

Исследования продолжались и на следующий день; на этот раз была достигнута глубина трехсот метров. Здесь, к сожалению, путь преградило озеро стоячей воды на дне конечной галереи.

Восемь дней отряды один за другим исследовали сложную систему ходов. Были созданы два подземных лагеря на глубине двухсот и двухсот семидесяти метров — последний на дне нижнего вертикального колодца, но все попытки спуститься ниже уровня трехсот метров упирались в злосчастный сифон, обнаруженный 2 августа.

Наконец, 11 августа в двадцать один час из лагеря позвонил Марсель Франжен. Целые сутки он со своим отрядом упорно старался пробиться сквозь галереи, как вдруг Жан-Мари Ребуль обнаружил столь желанное «продолжение» — суженный проход, через который можно было проникнуть в активную систему,[5] где протекал подземный ручей.

Новый переход длиной около километра вел вниз через несколько водопадов, пересекая озера и пороги; впоследствии Вейдер дал достаточно красочное описание этого пути.

Столь важное и волнующее сообщение вдохнуло в нас новые силы. Отныне пропасть Пьера стала одной из самых глубоких исследованных подземных пустот.

Впрочем, исследования на этом не закончились. Четыре спелеолога — Франжен, Ребуль, Феликс и Перней — из-за недостатка лестниц вынуждены были остановиться в одном из нижних колодцев, где, ниспадая каскадами, бурлил подземный поток. По всей вероятности, это и было продолжением ручья Кум-Уарнэда, которое мы наконец отыскиали под землей в соответствии с нашими предположениями 1956 года.

Этот ручей, извивающийся перед палатками наземного базового лагеря, все время нас беспокоил; вот и сейчас из-за постоянных дождей он стал заметно полноводнее. Мы сообщили об этом по телефону нашим друзьям, находившимся на глубине двухсот семидесяти метров в подземном лагере II. Но они настолько устали после штурма глубин, что приступили к изнурительному подъему только на следующий день. Однако в шесть часов утра Франжен сообщил по телефону, что они застряли: за ночь подземные водопады увеличились, и теперь им придется ждать спада воды.

Но спада не предвиделось, дождь лил не переставая. Тогда четверо спелеологов решили подниматься навстречу беспощадному и опасному потоку, свирепствовавшему в колодцах. В конце концов с помощью спасательного отряда, спустившегося навстречу, они выбрались на свет божий. Им порядком досталось от водопадов пропасти Пьера: как и все большие пропасти, она противилась вторжению человека.

Пропасть Раймонды

Волнующие исследования и поразительные успехи экспедиции в пропасти Пьера не могли заставить меня забыть скромный колодец, обнаруженный мною в чаще леса в тот день, когда нам сбрасывали снаряжение и парашютах.

2 августа мы снова были у его отверстия: Грольер из спелеологической группы Экса, моя дочь Раймонда и я. В колодец была сброшена лестница, закрепленная за ствол поваленной ели, который вначале частично загораживал отверстие. Мы снарядились и приготовились к спуску.

Раймонда была готова раньше всех. Я обвязал ее страхующей веревкой.

— Предоставляю тебе честь спуститься первой, — сказал я ей, пока она прилаживала ремешок каски и зажигала фонарь.

Через несколько минут она достигла дна колодца и дала свистком сигнал поднимать веревку, от которой уже освободилась.

Наклонившись над краем колодца, мы некоторое время наблюдали, как Раймонда пробиралась по его неровному и покатоному дну, но вскоре она исчезла из виду. Следовательно, колодец имел продолжение. Тогда спустился Грольер, достиг дна, освободился от веревки и тоже исчез. Итак, пропасть шла дальше. Спустившись в свою очередь на глубину тридцати метров, я заметил на дне колодца большую грудку щебня и крутой спуск, уходивший под низкий свод. Согнувшись вдвое, я шел по щебню, сыпавшемуся у меня из-под ног. На пути я заметил несколько костей каменного барана. И вдруг передо мной открылся красивый зал с очень высоким стрельчатым сводом. В крошечной тьме я услышал доносившийся с другого конца этого нефа шум передвигаемых камней.

— Алло! Грольер! Где вы?

— Это вы, Кастере? Мы работаем. Ваша дочь втиснулась в узкий проход. Он почти забит камнями, но в нем чувствуется сильный поток воздуха.

В несколько шагов я пересек зал, перелез через грудку камней, обвалившихся с потолка, и увидел Грольера.

Он стоял на коленях, согнувшись у входа в узкий лаз, вытаскивал оттуда камни. Что касается Раймонды, то ее не было видно, но было слышно как она возится в норе, разгребая камни, и с трудом пробирается дальше. Пытаться заменить ее бесполезно; она трудилась с пылом и остервенением спелеолога, чувствующего, что за узким лазом последует расширение и продолжение пропасти. Один верный признак поддерживал и ободрял Раймонду: сильный нисходящий поток воздуха. Мы настаивали на том, чтобы ее заменить, но она утверждала, что мы не сможем протиснуться в лаз, а, кроме того, она уже различает впереди расширение, где можно пролезть свободно.

И действительно, немного погодя ей удалось выбраться из каменной трубы, через которую она еле пролезла. Мы слышали, как она продвигалась дальше уже не ползком, а во весь рост. Поскольку мы не обладали гибкостью молодой девушки, нам с Грольером пришлось расширить лаз, заваленный породой, и только тогда мы смогли наконец последовать за Раймондой.

Но что же это такое, пропасть или пещера?

Определить было трудно, так как мы здесь встретились с признаками того и другого: входной вертикальный колодец присущ пропасти, а зал, переходящий в узкий проход, — пещере. Теперь же перед нами была одновременно и пропасть и пещера. Мы продвигались вперед между стенами расщелины в известняковом осадочном пласте, то есть между почти параллельными стенами, расположенными достаточно близко. Этот способ продви-

жения, «способ трубочистов», как говорят альпинисты, состоит в том, что человек, расставив ноги и руки, упирается в стены ладонями и ступнями. Если проход еще больше суживается, то приходится упираться в скалу не только вытянутыми руками, но и всем телом — плечами, бедрами и коленями. Все эти гимнастические упражнения, зависящие от конфигурации расщелины, достаточно сложны и крайне разнообразны, но в общем всегда интуитивны и обычно нравятся настоящим скалолазам.

Расщелина, где мы присоединились к Раймонде, была тесной, извилистой и очень высокой: не было даже видно ее потолка, что, впрочем, бывает под землей довольно часто. Мы молча продолжали продвигаться по ней на разных уровнях, чтобы составить наиболее полное представление об этом ходе.

Грольер, спустившись как можно ниже, на глубине около тридцати метров добрался до груды камней, намертво зажатых в расщелине. Мы с Раймондой пробирались друг против друга, примерно держась горизонтали, пока не добрались до места, где стены раздвинулись на несколько метров. Здесь нам пришлось остановиться, так как мы уже не могли продвигаться нашим старым «способом трубочистов». Передо мной, надо мною и подо мною зияла черная пустота. Пещера значительно расширилась.

Раймонду остановило то же самое препятствие: стены раздвинулись, и пробраться дальше не удавалось. Но все-таки она услышала нечто вроде шелеста, который приняла за шум ручья или маленького водопада протекавшего где-то глубоко внизу.

Первая разведка колодца, который заранее считался неглубоким и мало интересным, убедила нас в том, что здесь есть кое-что заслуживающее внимания и что его стоит исследовать до дна. Поэтому на следующий день мы снова оказались в той же расщелине. Разыскав путь вниз, по которому шел Грольер, мы сползли на дно до того места, где он остановился прошлый раз. Сегодня этот спуск был медленнее и сложнее, так как мы были тяжело нагружены рулонами лестниц, веревками и рюкзаками. Правда, на сей раз нам помогал наш новый товарищ Даниель Леши из спелеологической группы Экса.

После сложной эквилибристики на шатких и скользких глыбах мы спустились дальше по каменной осыпи и очутились перед обширной горизонтальной галереей, вызвавшей у нас молчаливое восхищение.

Узкие лазы и завалы расщелины, где человеку приходится протискиваться и ползти, извиваясь как змея, остались позади. Здесь, в большом зале, мы могли наконец продвигаться свободно. Но куда идти, направо или налево?

Нам было все равно, однако в тишине короткой передышки, которую мы себе позволили, справа послышался легкий шум.

— Это тот самый поток, что я слышала вчера, — заявила Раймонда и двинулась направо. Мы пошли за ней. вскоре мы обнаружили на середине подземного зала русло высохшего ручья. Немного дальше встретилось несколько луж в маленьких бассейнах — остатки потока, струившегося здесь совсем недавно. Еще дальше струйки воды пробирались между камнями, просачиваясь сквозь наносы. И наконец показался выступ в несколько метров высотой, откуда ручеек стекал маленьким водопадом. Он оказался так мал, что его легче было услышать, чем увидеть. Его-то накануне и слышала Раймонда, пробираясь по расщелине.

Коридор продолжался и по другую сторону маленького водопада. Мы могли бы легко взобраться на невысокий откос, но для нас было важнее установить не исток ручейка, а то, куда он ведет. Поэтому мы повернулись спиной к водопаду и пошли вниз по течению то по каменистой береговой кромке, то прямо по руслу из гравия и белой пыли кристаллического гипса.

Внезапно наше внимание привлек совершенно необычный и неуместный здесь предмет. Мы его подобрали: это оказалась электрическая батарейка с маркой фирмы Лекланшэ! В подземных исследованиях такого рода находки всегда неприятно поражают спелеологов, так как они бесспорно доказывают, что кто-то их опередил, что не они первые проникли в эти места, хотя и считали себя первооткрывателями.

Я заметил, какое удивление и досаду вызвала у моих товарищей эта находка, и пустился в рассуждения по поводу столь неожиданного и неприятного происшествия.

— Спелеологи правильно делают, выбрасывая по дороге свои использованные батарейки, — сказал я, — Они могут при случае служить ориентирами, а в некоторых обстоятельствах дают драгоценные указания.

— Вот и сейчас, — продолжал я, — благодаря этой батарейке я теперь знаю, где находился вчера вечером, когда пробирался по верху расщелины. Я был здесь! И я указал пальцем на очень высокий неразличимый во тьме свод, где мне пришлось остановиться, так как стены расщелины слишком расширились. Тогда у меня под рукой ничего не было, и я бросил вниз использованную батарейку, но звука падения не услышал, так как она упала на песок.

Итак, после вполне понятного первого разочарования инцидент, к общему удовольствию, был исчерпан, и мы продолжали путь. Вновь обретенная уверенность, что мы идем по целине и первые исследуем эту пещеру, ободряла нас и придавала особую

прелесть возникающим перед нами подземным пейзажам. Величина зала, по которому мы шли, все возрастала. Мы находились в гигантской величественной пещере. Но пещера это или пропасть?

Эта дилемма все еще стояла перед нами, когда мы подошли к краю крутого спуска глубиной около десяти метров. Мы размотали веревочную лестницу и по ней спустились вниз. Под ногами было нагромождение камней. Мы очутились в огромном и гулком зале, где две тонкие струйки воды падали с высоты сводов.

Перескакивая с глыбы на глыбу, мы с изумлением заметили, что между этими нагромождениями застрявших и как бы повисших над бездной скал зияют провалы и трещины. Камни, брошенные в пустоту, падали по вертикали на значительную глубину.

Достигнув центра зала, мы наклонились к двум камням, подпиравшим друг друга над зияющей под нами бездной, и бросили туда зажженную газету. Огненный факел, кружась, поплыл вниз, осветив колодец огромного диаметра. Но в то же время огонь осветил камни снизу, и мы с ужасом увидели, что находимся на вершине свода из беспорядочно нагроможденных глыб, висящих над пустотой. Было непонятно, на чем все это держится! Как возникло это естественное сооружение и долго ли оно еще стоит?

В подобных ситуациях разные спелеологи реагируют по-разному. Есть оптимисты — бесстрашные, беспечные люди, не понимающие опасности. Большей частью это молодежь и в основном новички: по их мнению, бояться нечего — все прочно, ничто не сдвинется и не обрушится. «Все это держится давно и еще постоит», — говорят они и без всякой предосторожности идут туда, где опытные старые волки видят опасные приметы, угадывая угрозу обвала. Те, кто хоть раз обжегся, знают: достаточно одного жеста, чтобы непрочное сооружение обрушилось смертельной лавиной.

Признаюсь, вид освещенных снизу огромных камней, на которых мы стояли, меня не обрадовал. Напрасно пытался я внушить себе, что нагромождение камней должно быть прочным, несмотря на это, я испытывал серьезные опасения. Но что было делать?

В таких случаях иногда можно укрепить ненадежный камень, а иногда, наоборот, следует очистить вызвав падение опасной глыбы. Но здесь не могло быть и речи ни о том, ни о другом, так как в данном случае мы имели дело со сложным из огромных глыб перекрытием над всем огромным залом.

Наша газета потухла, не достигнув дна пропасти. Камни, брошенные в пустоту, указывали на наличие вертикального колодца глубиной в тридцать-сорок метров; далее начинался склон, от

которого камни отскакивали и летели рикошетом еще ниже. Несмотря на хорошо всем известную неточность измерения звуком, сейчас мы довольствовались и этим. У нас была всего одна-единственная пятнадцатиметровая лестница, которой было явно недостаточно. Все же я попросил моих товарищей закрепить ее за глыбу. Камни были огромны: для того чтобы привязать лестницу к одному из них, понадобилось пять метров; таким образом, вниз свешивалось всего десять метров лестницы. Это немного, однако я все же спустился, держась за страхующую нейлоновую веревку. Достигнув последней ступеньки, я просунул в нее ногу, зацепился рукой и, раскачиваясь в таком положении над бездной, зажег электрический фонарь.

Прежде всего, отступая от правил, я навел луч фонаря не вниз, а вверх, освещая таким образом циклопическую «исподнюю юбку», которая мне положительно не нравилась и внушала серьезное беспокойство. Вид у этих мерзких камней был действительно ужасный, поэтому я поспешил изменить направление луча и начал всматриваться в глубину.

Легко представить, что электроновая[6] перекладина лестницы неподходящее место для размышлений, особенно потому, что она раскачивалась и крутилась в пустоте под ненадежным сводом грозных глыб, и тем не менее я пережил в этот момент, пожалуй, самую большую радость во всей моей жизни спелеолога.

Новые электрические батарейки и прекрасный рефлектор моего фонаря давали яркий луч, далеко освещающий смутные очертания черных и блестящих стен, а на самом дне пропасти — скалистый каньон в капризных извилинах, где протекал ручей. Несомненно, там был водный путь, начало системы Тромба! А ведь мы находились на высоте более восьмисот метров над выходом источника в Гуэй ди Эр!

Через несколько часов, когда мы все четверо выбрались на поверхность, под большими буками и елями леса Кум-Уарнэда нас встретила — кроме наших товарищей, помогавших нам выйти из колодца, — группа туристов и любопытных: два жандарма, кюре соседней деревни, несколько молодых людей и девушек. Тут же был и специальный корреспондент «Депеш де Тулуз», наш друг Ж. Со, репортер и верный историограф экспедиций на массиве Арба.

— Ну, что скажете про этот колодец? — спросил он небрежно, словно только для очистки совести.

Еще не отдышавшись после долгого подъема, я, помнится, молчал, прежде чем ему ответить.

— Это не колодец, — наконец сказал я. — Это не просто колодец.

И с какой-то торжественностью, удивившей и его и всех присутствующих, я добавил, забегая вперед:

— Это пропасть, величайшая пропасть, может быть, даже самая глубокая в мире... Это начало системы Тромба.

Хорошо еще, что мое предсказание впоследствии подтвердилось!

Взволнованный журналист с авторучкой в руке задал мне второй вопрос:

— Как вы ее назовете?

— Она уже названа, — ответил я. — По традиции она носит имя того, кто первый спустился в нее и первый преодолел «барсучьи норы». Отныне это пропасть Раймонды.

После такого многообещающего начала и моих слов, обязавших нас ко многому, легко представить, как мы спешили продолжить исследование пропасти Раймонды! Через день мы спустились туда снова. Теперь нас было восемь человек, и на сей раз мы взяли с собой достаточное количество лестниц. Несколько спелеологов стало в группе поддержки в большом зале над главным колодцем. Когда лестницы были закреплены за тот самый камень, что и накануне, я спустился первым, за мной — Раймонда, Грольер, Феррандес, Фуке и Вейдер. И вот, когда мы достигли дна, мои предположения подтвердились сверх всяких ожиданий! Всего в десяти метрах от конца лестницы ручей сливался со вторым, более крупным потоком. Таким образом, пропасть Раймонды выходила к подземному руслу Кум-Уарнэда, так же как и пропасть Пьера. Итак, если считать, что существует водная сеть, пересекающая массив из конца в конец, следовательно, пропасть Раймонды и пропасть Пьера соединены между собой. А еще ниже пропасть Пьера доходит до грота Гуэй ди Эр, конечного выхода этой большой ступенчатой водной системы, о существовании которой мы только предполагали, но затем убедились в своей правоте и частично исследовали, назвав ее системой Тромба. Теперь оставалось пройти по ее ходам.

Если бы нам это удалось, можно было бы считать гидрогеологическую систему Тромба одной из самых глубоких проходимых пустот. Желание исследовать этот геологический и гидрологический разрез сверху донизу, а также возможность установить новый мировой рекорд воодушевили и увлекли спелеологов.

Нетрудно представить, с каким рвением мы устремились в узкий проход, куда низвергался наш подземный ручей!

Но в нетерпеливой спешке мы сделали досадное упущение — позабыли захватить мешок с продуктами. Причем заметили это, только преодолев метров двести очень трудного пути, — мы были вынуждены продвигаться в узкой расщелине, на дне которой

протекал ручей то спокойный, то быстрый и пересеченный водопадами. Лишь у четвертого водопада, когда передавали по цепочке мешки, кто-то из нас вдруг спросил:

— А где закуска? Кто нес мешки с продуктами? Все выяснили довольно быстро: мешок остался на дне колодца у подножия лестницы; никто и не подумал его взять. С виновником, который должен был нести мешок, мы обошлись без церемоний, потребовав, чтобы он вернулся обратно и принес продукты. Но, поразмыслив, сообразили, что узкая расщелина не совсем подходящее место для остановки, а ниже путь мог еще больше осложниться. Короче говоря, все решили вернуться ко дну колодца, где можно было позавтракать хоть с какими-то удобствами. Так мы и сделали. Правда, при этом сильно встревожили тех, кто расположился наверху колодца и уже настроился на долгие часы ожидания. Услышав о нашем преждевременном возвращении, друзья из группы поддержки заволновались: они подумали что мы столкнулись с непредвиденными препятствиями или что произошел какой-то несчастный случай. Объяснение пришлось кричать во все горло. Успокоившись, они воспользовались предлогом и принялись осыпать нас насмешками за легкомыслие, награждая именами всяких птиц и животных, известных своей безмозглостью и короткой памятью. Но это не испортило нам аппетита!

Расположившись поудобнее среди камней, мы славно попиروвали, помня о том, что этот завтрак должен заменить нам и обед и ужин. К концу трапезы меня заинтересовал новый способ приготовления консервированного кофе, а главное, как мои товарищи его пили. Никаких индивидуальных кружек, которые вечно повертываются и обжигают пальцы, никаких раздач сахара и добавок в сосуды разной емкости, всегда служивших поводом для споров! По традиционной команде «Кофе!» каждый вытащил из кармана маленькую пластмассовую трубочку, опустил ее одним концом в общий котелок, и кофе было высосано до последней капли без всякой акробатики и досадных происшествий. Важное и обязательное условие — эти длинные гибкие трубки должны быть одинакового сечения, следовательно, одинаковой пропускной способности.

Так как я не пью кофе и не курю, то я задремал, пока мои товарищи закуривали трубки и сигареты. Я уже погружался в блаженное небытие, как вдруг заметил, что мой ближайший сосед заглядывает под козырек моей каски и тихонько напевает:

— Учитель засыпает!.. Учитель засыпает!

Эти слова заставили меня встрепенуться. Я и в самом деле засыпал, так как накануне спускался на равнину, вернулся в лагерь лишь в четыре часа утра и, едва успев переодеться, присо-

единился к группе, которая шла в пропасть. Теперь приходилось расплачиваться за столь неуместную прогулку. Я понимал, что рискую задержать всех или помешать передовому отряду как раз в тот момент, когда он больше всего будет нуждаться в полной самостоятельности и максимальной подвижности. Что оставалось делать? Я не стал задерживать разведчиков и, пожелав им успеха, снова попытался заснуть под убаюкивающий шум ручья.

Но его журчание было слишком таинственно, оно воскрешало в памяти слишком многое. Поэтому, вместо того чтобы погрузиться в сон, мой разум лихорадочно работал, пытаюсь восстановить карту сей гидрогеологической системы из конца в конец, от места исчезновения наземного потока среди пастбищ Кум-Уарц да до выхода его на поверхность у Подножия массива в гроте Гуэй ди Эр. Я припоминал ступени спуска в нижние этажи пропасти Раймонды, а мои товарищи продвигались по этим ходам все дальше и дальше. Но в то же время мои мысли занимала и пропасть Пьера, где теперь находились Жикель и скауты. Интересно, на каком они расстоянии от нас и на какой глубине?

Я уже сожалел, что не пошел со своей группой. Но если догнать тех, кто отправился вниз по течению ручья, уже поздно, не могу ли я пойти вверх по течению, подняться по основному руслу ручья?

Эта мысль меня воодушевила. Я вскочил, привел порядок снаряжение и решительным шагом направился к месту слияния потоков, до которого было совсем недалеко. Итак, я пошел на разведку один, решив внести свою лепту в исследование этой подземной системы.

Вспомнив свои прежние навыки исследователя одиночки, я приступил к методическому осмотру, что часто не удается, когда идет целая группа и вас отвлекают всякие происшествия и разговоры. Теперь же я мог целиком углубиться в наблюдения.

Я начал с того, что по очереди погрузил термометр в оба потока. Температура воды более слабого ручья, который начинался в верхних, пройденных нами галереях и лился тонким водопадом в большой колодец, была пять градусов. В другом — восемь градусов. Разумеется, я хотел найти причину столь заметного расхождения: по-видимому, оно объяснялось различным происхождением потоков. Более холодный рождался на большой высоте, где расположены ледники и снежны колодцы. Более теплый, несомненно является частью внешнего ручья Кум-Уарнэда вскоре после его исчезновения под землей; поэтому и температура его была еще близка к температуре воды на поверхности.

Первые же шаги в этом потоке подтвердили мои предположение: на каменистом дне я нашел его неподвижных обитателей.

Это тритоны (*Triturus marmoratus*), те самые что обитают в ручье Кум-Уарнэда. Там, под солнцем, они резвятся вовсю, а здесь, пленники темноты, окоченевшие в холодной воде, они пассивны и неподвижны. Когда до них дотрагиваешься пальцами, тритоны почти не реагируют и едва перемещаются на несколько сантиметров. Попад под землю через расщелины и трещины в ложе ручья и не в силах выбраться наверх, они обречены на гибель в пещере, потому что приспособиться к подземной жизни, разумеется, не в состоянии. Немного дальше я заметил на маленьком песчаном пляже хрупкий, еще не развалившийся скелет одного такого тритона.

Мои термобиоспелеологические наблюдения не помешали мне отметить два других, более прозаических факта: вода становилась все глубже, а свод спускался все ниже. С неприятной перспективой набрать полные сапоги воды я еще мог примириться — это случается довольно часто, но понижение потолка беспокоило меня по-настоящему. Согнув спину, я продвигался вперед, маленькими шажками в надежде, что свод станет выше. Увы! Наоборот, он неумолимо сближался с поверхностью воды, заставляя меня делать сложные гимнастические упражнения и вселяя невеселые мысли. Здесь не было эха и воздух оставался неподвижен: по-видимому, сифон был уже недалеко.

Еще одно усилие, вернее, погружение в воду до самых колен — спина коснулась каменного потолка, и все мои страхи подтвердились: впереди свод уходит в воду. Это сифон. Надеяться больше не на что. Я даже не пытался измерить его или проникнуть туда. Сегодня мне это не удастся. Ни сегодня, ни завтра. Погружение в сифон без скафандра — безнадежное дело, то же самое, что играть в орлянку на собственную жизнь. Я слишком долго занимался этими необычайно опасными исследованиями и теперь охладел к сифонам в прямом и переносном смысле слова. Итак, я отступал, сначала пятясь, потом, когда мне удалось повернуться, в нормальном положении. Так я дошел опять до слияния потоков. По дороге развлекался тем, что считал шаги, вернее шажки, для измерения расстояния между местом слияния и конечным сифоном. Вышло не более сорока метров. Мало, ничтожно мало; мой сегодняшний вклад в исследование системы Тромба оказался сущим пустяком. Тем не менее кое-что мне удалось установить. Отныне мы знали: вход в активную систему начинается именно здесь, в этом злополучном сифоне. Было мало надежды, что когда-нибудь он будет преодолен и пройден: для этого пришлось бы ползти под водой и под низким сводом. К тому же за ним, вероятно, были другие сифоны с еще более узкими проходами, доступные лишь для тритонов. С философской отреченностью я расположился на месте

нашего последнего завтрака, снял сапоги, вытряхнул их и поставил так, чтобы из них вытекла вся вода. Затем выжал носки — дело знакомое и привычное для каждого спелеолога.

Между тем мое тайное и бесславное возвращение, оказывается, не ускользнуло от внимания товарищей наверху: с края колодца был замечен слабый свет моей лампы. Они настойчиво и громко окликали меня, желая узнать, что происходит внизу под ними. Я рассказал о своей короткой и бесплодной разведке и... снова погружился в ожидание.

Ожидание — обычная участь любителей пропастей и пещер. Основная особенность таких ожиданий заключается в том, что они кажутся бесконечными.

Чаще всего под землей приходится ждать очень долго в опасных условиях, при низкой температуре, на нестерпимом сквозняке, к тому же промокшим и без продуктов. И вопреки всему, происходит какое-то чудо, хорошо известное посвященным, но еще необъяснимое: эти ожидания, которые могли бы довести до галлюцинаций, всегда кажутся намного короче, чем длятся на самом деле! Я не боюсь заявить об этом парадоксальном факте, так как, помимо моих личных наблюдений, он был уже много раз отмечен и подтвержден признаниями моих коллег. Могу сослаться на тех, кто пережил под землей немало драматических, порой ужасных часов: во тьме, в полном одиночестве, среди таинственного молчания время проходит быстрее, чем под куполом неба. Кто из спелеологов, спустившись в пропасть среди бела дня, не удивлялся, выйдя оттуда глубокой ночью, когда уже зажглись звезды, хотя он еще ожидал увидеть солнце?

Существуют два способа ждать, два способа проводить время в недрах земли. Оба эти способа были представлены и сейчас: два участника экспедиции, оставшиеся на больших камнях у края колодца в ожидании головной группы, вели себя совершенно по-разному.

Метод Поля Раво, коротко говоря, заключался в том, чтобы сидеть молча и неподвижно в течение долгих часов. Метод Жана Мишеля Буве был прямо противоположен: он бродил с места на место, возился со своей лампой, изобретал тысячи нужных и все время что-то громко распевал. Казалось, главное для него — это разбудить гулкое эхо огромного зала и не дать ему умолкнуть. Когда он не пел, он свистел, а когда он переставал свистеть, что бывало нечасто, значит он перетаскивал камни или был занят еще каким-нибудь совершенно неожиданным делом.

Он попытался даже затеять со мной разговор, подыскивая всевозможные темы, но этому помешали разделявшее нас расстояние, шум воды, а также скверная акустика пропасти, где много-

кратно отраженный звук искажается до неузнаваемости. Что касается меня, то я целиком погрузился в увлекательное и долгое занятие: я пытался высушить над пламенем ацетиленовой лампы свои носки.

Не могу сказать точно, когда вернулась головная группа и уселась возле меня закусить, — под землей трудно определить продолжительность времени. Знаю одно: все они промокли насквозь и заметно устали. Но зато глаза их сияли: они принесли хорошую, превосходную новость, вдохнувшую в меня новые силы; ведь я опасался, что они тоже натолкнутся на сифон!

Слава богу, они не встретились с этим врагом «номер один» спелеологов. Наоборот, они долго шли по одной и той же расщелине, высокой и узкой, преодолели множество водопадов и остановились у того места, где ручей растекался, превращаясь в глубокий бассейн с гладкими вертикальными стенами. Они назвали этот бассейн гуром Эксинцев.[7] По их словам, озеро совсем не трудно переплыть на резиновой лодке. А за ним внизу слышался шум нового водопада. Это была очень важная деталь, так как она свидетельствовала, что озеро не заканчивается сифоном.

На следующий же день сменившие нас марсельцы — Франжен, Пернен, Леши и Фернандес, имея в своём распоряжении необходимую лодку, пересекли озеро и продолжали двигаться с переменным успехом. Их беспокоил низкий свод открытого сифона, но они ползком пролезли в него и продвинулись дальше до девятого каскада высотой в десять метров, по которому спустились ещё ниже. Здесь наконец они вышли из расщелины и оказались перед зияющей пропастью, куда низвергался водопад. Дальше нельзя было сделать ни шагу. Глубину пропасти им точно измерить не удалось из-за отсутствия достаточно длинной бечевки лота. Однако, бросая туда камни, они определили её приблизительно в сто метров.

— Словом, вы не зря потратили время, раскапывая эту нору, сказал мне Франжен по окончании разведки. И действительно, эта «нора» — пропасть Раймонды — уже сейчас имела протяженность более километра, достигнутая глубина доходила до двухсот метров, а вместе с большим колодцем общая глубина была порядка трёхсот метров. Можно было даже предполагать, что пропасть Раймонды где-то сообщается с пропастью Пьера, расположенной совсем неподалёку.

Подземный юбилей

Следующие дни были посвящены транспортировке снаряжения и провизии к крайним достигнутым нами ярусам в пропасти Пьера и в пропасти Раймонды. Предполагалось начать одновре-

менное наступление сразу в обеих пропастях. День штурма был назначен на 15 августа. Это дало мне возможность ещё раз спуститься под землю и произвести более углублённую разведку.

Но ещё перед штурмом 13 августа скауты из Экса условились со своим священником Р. П. Фреми, что тот отслужит мессу в подземном зале пропасти Раймонды.

И действительно, 13 августа 1957 года двадцать шесть спелеологов, в том числе Ани Жикель и Раймонда Кастере, спустились через начальный тридцатиметровый колодец в примыкающий к нему красивый зал с изящными высокими сводами. Там, на глубине пятидесяти метров под землёй, был воздвигнут простой алтарь на возвышении из камней в центре великолепного естественного нефа, где мы и собрались.

Среди нас был почетный гость, мой друг Феликс Тромб. Он сделал нам приятный сюрприз и оказал большую любезность, прибыв на массив Арба, где когда-то сам вел подземные исследования. Мы также были счастливы видеть среди нас парижского фоторепортера, пиренейца по происхождению, Шарля Курьера, присланного газетой «Пари-Мач». Он вошел в состав нашей экспедиции и проявил себя прекрасным спелеологом. Неудовлетворенный банальным фоторепортажем из внешнего лагеря, он не испугался утомительных и рискованных подземных экскурсий на большой глубине и сделал там немало редкостных снимков.

Работы, связанные со спуском двадцати шести человек и снаряжения, как правило, требуют много времени и труда. Каждому из нас пришлось долго стоять на краю пропасти, ожидая своей очереди и помогая спускаться другим.

Наконец, мы все собрались вокруг импровизированного алтаря, заранее готовясь к какой-либо неожиданности. И впрямь, увидеть в таком месте и в таком окружении священника в полном церковном облачении было неожиданностью. За службу вышел Жан-Мишель Буве.

Обряд проходил в полной тишине, едва нарушаемой шепотом священника или звуком падающей с потолка капли. Мы стояли на камнях с касками в руках, направив свет их фонарей на алтарь, и, наверное, были похожи первых христиан в катакомбах.

Время от времени Жикель и его скауты с молитвенниками в руках запевали хором, и эхо их голосов долго звучало в гулкой пещере...

После чтения Евангелия Р. П. Фреми на несколько минут прервал мессу, чтобы подчеркнуть, что молится за всех спелеологов, погибших под землей, за счастливое окончание нашей экспедиции и, добавил он, во здравие старейшины этой экспедиции в связи с его днем рождения.

Последние слова относились ко мне, они меня очень смутили и одновременно взволновали. Я был глубоко тронут тем, что мои юные друзья среди забот и спелеологической экспедиции не забыли о таком для них далеком и ничтожном событии, как мой день рождения...

Месса окончилась. Пока священник и его служка убрали алтарь, каждый из нас направился к рюкзакам сложенным в углу зала. После тишины, соблюдавшейся во время всей церемонии, снова начались разговоры. Самое большое оживление царил у подножия алтаря куда подтащил меня за руку Дельтей. Среди наступившего вдруг молчания я оказался перед Даниэлем Леши. Он заявил, что уполномочен газетой «Депеш де Тулуз» вручить мне серебряную медаль и будет счастлив выполнить эту миссию. Следом за ним Жерар Пропо от имени марсельцев и Пьер Жикель от имени скаутов из Экса поздравили меня, выразив всеобщее уважение и восторг по поводу столь оригинального подземного юбилея.

Сейчас я уже не смогу вспомнить всех тех дружеских теплых пожеланий, которые на меня буквально сыпались со всех сторон. Каждое пожелание сопровождалось аплодисментами и громогласными «ура!» скаутов. Аплодисменты и крики стали еще громче, когда руководители обеих групп приподнесли мне подарок спелеологов — памятную лампу. Этот почтенный ацетиленовый медный фонарь был сильно помят, так как он пережил уже многие экспедиции, но по такому торжественному случаю его начистили до блеска и мастерски выгравировали сбоку надпись: «От Прованса до Пиренеев — спелеологическая группа Прованса — вторая группа из Экса».

Да, мои друзья постарались! Я был вознаграждён сверх меры. Взволнованным голосом — некоторые насмешливо называли его «пещерным голосом» — я в свою очередь поблагодарил их, как мог. Добровольный стенограф успел раскрыть на колене блокнот и записать о основное содержание моей торжественной речи, благодаря чему она была спасена от забвения, хотя, по совести говоря, потеря была бы невелика.

Вот коротко эта речь, единственным достоинством которой является то, что она была произнесена под землей:

«Мои дорогие друзья!

Не могу выразить, как меня взволновало все, что вы так любезно сделали ради моего дня рождения.

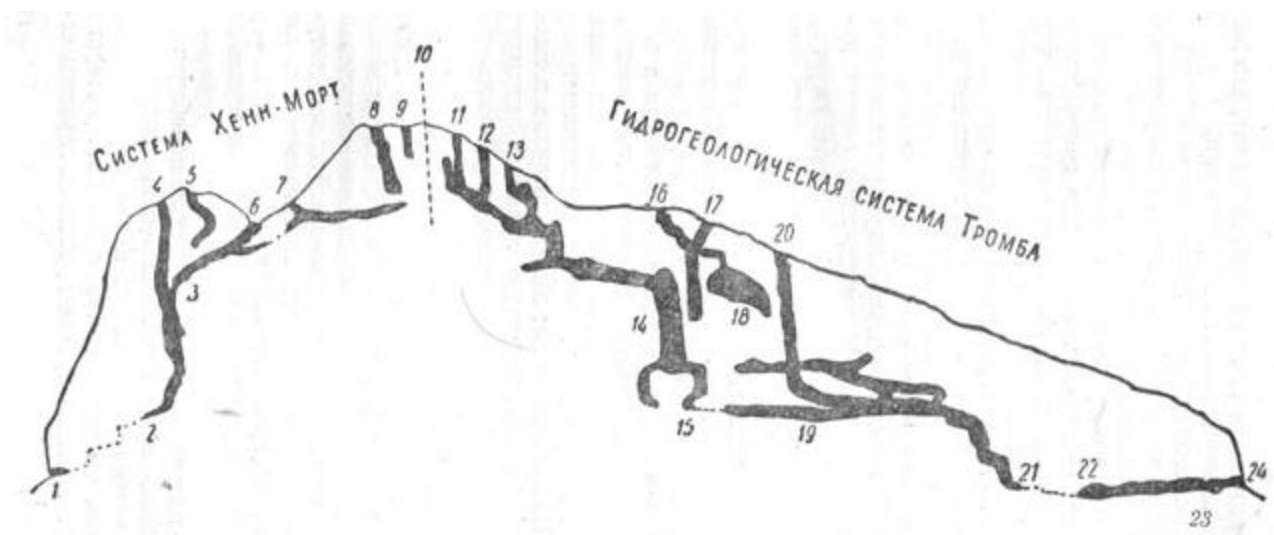
День рождения может быть событием весьма банальным. В самом деле, ведь это не что иное, как сравнение одного года с другим или с другими годами.

Но сегодня все: и окружение, и обстоятельства, собравшие нас сюда, — придает, лично для меня, этому событию особое значение. Вы прекрасно понимаете, что у меня действительно подземный юбилей, и я искренне вам благодарен. Я, конечно, не обладаю достаточной памятью — к счастью для вас, — чтобы вспомнить все мои дни рождения за шестьдесят лет... Но если брать каждую десятую годовщину, то я смогу вам сказать, что, родившись в 1897 году, уже в 1907 году я лазил в маленькие пещеры возле Сен-Мартори, моей родной деревни.

В 1917 году — мне было двадцать лет — я много времени провел под землей, но это была особая спелеология: мы ею занимались вместе со многими моими армейскими товарищами в траншеях и окопах Шампани, Вердена и Соммы.

В 1927 году — в тридцать лет — я участвовал в целом ряде подземных исследований вместе с моей женой, которая в течение пятнадцати лет до самой смерти была моей помощницей и самым надежным товарищем по экспедициям. Именно тогда мы вместе открыли в массиве Мон-Пердю необыкновенную ледяную пещеру. Французский Альпийский клуб решил присвоить ей наше имя.

В 1937 году — в сорок лет, — как всегда, с моей прекрасной и отважной спутницей я штурмовал водопады пещеры Сигалер. В том же году я сделал двойное открытие, обнаружив водное продолжение подземной Реки Буиша и, главное, встретив Жозефа Дельтея, который с тех пор, вот уже двадцать лет остается моим верным соратником, моим вторым „я“ в дни радости и в дни горя. Я счастлив видеть его сегодня здесь, рядом со мной.

Схематический разрез систем Хенн-Морт и Тромба в массиве Арба (Верхняя Гаронна):

1- Хунт дерас Хэкос; 2 — Конечный сифон на глубине 446 м; 3 — Ход, соединяющий пропасть Хенн-Морт с пропастью Марселя Лу-

бана; 4 — Пропась Хенн Морт; 5 — Колодец Балкона; 6 — Пропась Марсея Лубана; 7 — Грот Кум Нэр; 8 — Колодец Плантийе; 9 — Колодец Ледника; 10 — Водораздел; 11 — Колодец Тиса; 12 — Колодец Елей; 13 — Пропась Раймонды; 14 — Колодец Дельтея; 15 — Конечный сифон на глубине 492 м; 16 — Колодец Ветра; 17- Пропась Плесси; 18- Гигантский зал; 19 — Активная система; 20 — Пропась Пьера; 21 — Конечный сифон на глубине 564 м; 22 — Второй сифон; 23 — Первый сифон; 24 — Грот Гуей ди Эр

1947 год — пятьдесят лет — последний и победоносный штурм Хенн-Морт. Здесь благодаря неоценимой помощи Парижского спелеоклуба и его председателя Феликса Тромба, который и сейчас оказал честь старым друзьям, мы с Марселем Лубаном достигли глубины четырехсот сорока шести метров. С нами не было Дельтея: накануне его тяжело ранило на глубине двухсот сорока метров, и поэтому, к нашему — и его — великому сожалению, он не смог принять участия в этом штурме.

1957 год — шестьдесят лет — это сегодня. Наша экспедиция, названная „Хенн-Морт 1957 года“, является продолжением „Хенн-Морт 1956 года“, а также продолжением экспедиций „Сигалер 1953–1954 и 1955 годов“. Ибо вот уже пять лет, как спелеологическая группа Прованса и второй отряд из Экса связали со мной свои судьбы для дружеского и плодотворного сотрудничества. Плодотворного потому, что каждая из этих экспедиций заканчивалась победой. Больше, чем когда-либо, я радуюсь, что не зря учил вас настойчивости, проницательности и упорству в подземных исследованиях.

Благодаря вам я познал высокую радость и удостоился большой чести: я был включен в один из ваших головных отрядов и, пройдя сквозь все пятьдесят два водопада, достиг дна пещеры Сигалер, которая мне дороже всех остальных пещер. Ту же радость доставил мне массив Арба, неудержимо привлекавший меня на протяжении всей моей карьеры спелеолога. Здесь в прошлом году мы все вместе обнаружили соединение между пропастью Марсея Лубана и Хенн-Морт, завершив победой эту беспокойную, веселую и поучительную экспедицию.

И, наконец, теперь в этом, 1957 году нас ждут еще две большие и, как вы знаете, многообещающие экспедиции в пропасть Пьера, которая до вчерашнего дня была самой глубокой во Франции, и в пропасть Раймонды, где мы сейчас находимся. Обе они, несомненно, образуют вторую по глубине пропасть в мире. Мы назвали их системой Тромба в честь вас, мой дорогой друг, так как вы были первым подземным исследователем этого массива...

Должен признаться, что моя шестидесятая годовщина, отпразднованная вами с такой сердечностью и теплотой, растрогала ме-

ня до глубины души.

Сегодняшнее торжество обрадовало меня и утешило. Ведь такое событие всегда несет в себе оттенок грусти, ибо чувствуешь, что уже пора подумать об уходе на покой. Но теперь я могу надеяться, случится это не сразу, не вдруг, а постепенно и не окончательно. Впрочем, разве в этом дело? На мою долю выпала щедрая и долгая жизнь, и я благодарю бога за то, что он сделал ее такой прекрасной! Настолько прекрасной, что я хочу пожелать всем присутствующим пережить такие же приключения, познать такую же полную и долгую радость спортивных и научных побед под землей, какую познал я.

До 1930 года я боялся, что спелеология во Франции зачахнет, но я уже давно успокоился, ибо с тех пор видел все растущий, непреодолимый подъем французской спелеологии, которая встала в первые ряды мировой спелеологии и блестяще продолжает ее возглавлять.

В фаланге смелой молодежи, воодушевленной высоким идеалом исследователей пещер, вы являетесь одним из лучших подземных отрядов.

В заключение хочу еще раз повторить: я слишком взволнован и не могу всего выразить словами. Я счастлив, что узнал вас.

Спасибо, спасибо от всего сердца. Примите мои самые горячие пожелания! Успеха вам в исследованиях!

Да здравствует спелеология! Да здравствует спелеологическая группа Прованса и вторая группа Экса! Да здравствует подземная Франция!»

Заключительная часть моей речи сопровождалась «бурными аплодисментами, переходящими в овацию». А затем раздался взрыв, от которого я едва не подскочил. Это была первая из бутылок шампанского, откупоренная за моей спиной! Обернувшись, я увидел, что из рюкзака вытащили огромный, чудом сохранившийся торт. На нем уже горели маленькие свечки, я должен был сам их задуть. Затем меня попросили разрезать торт огромным скаутским кинжалом.

Поистине, мои друзья позаботились обо всем! Они превзошли себя, и здесь, в пещере, мне довелось отпраздновать самый оригинальный и, бесспорно, самый дружеский день рождения, о каком только можно мечтать.

Лагерь на Кум-Уарнэде

Весь следующий день 14 августа 1957 года был посвящен частично отдыху, частично приготовлениям к одновременному наступлению на пропасти Пьера и Раймонды.

Смысл всех этих операции заключался в транспортировке снаряжения, продовольствия и осветительной аппаратуры в обе пропасти до крайних достигнутых нами участков, чтобы затем продвинуться еще дальше.

В лагере в тот день царило большое оживление: почти все были здесь, все разбирали и проверяли тросы, лестницы, лодки, укладывали рюкзаки, распределяли продовольственные пайки, чинили уже изрядно потрепанные комбинезоны и перевязывали многочисленные царапины и ссадины, особенно на руках, — обычная дань, которую приходится платить спелеологам. Одного из нас, Сонье, пришлось даже эвакуировать, так как глыба раздавила ему руку.

Лагерь был расположен в живописном месте на ровной поляне посреди леса. В низкой и густой траве извивался ручей. Возле него и были разбиты наши палатки. В центре возвышался КП — командный пункт, где под всегда поднятым навесом стояли стол с двумя стульями и три телефона. Одна четырехкилометровая линия, тянувшаяся через лес и пастбища, соединяла нас с перевалом Порте, то есть с общей телефонной сетью; две другие вели к пропастям Пьера и Раймонды.

Отсюда с КП мы отправляли и здесь принимали все сообщения, касающиеся нашей экспедиции, например официальные сводки метеослужбы авиабазы в По, а также держали связь с погонщиками мулов и с поставщиками, не считая телефонных разговоров участников экспедиции. Что касается линий «Пьер» и «Раймонда», то они осуществляли связь между подземными лагерями и промежуточными постами обеих пещер во время исследований.

Недалеко от КП, под сенью большого бука, расположилась палатка-кухня — второй лагерьный полюс притяжения. Именно здесь было сложено продовольствие экспедиции: консервы, банки с паштетом и вареньем, тубики с молоком и питательной массой, хлеб, печенье, овощи, ветчина, сыр, макароны, кофе, какао и т. п.

Под большим навесом палатки-кухни стояла любопытная мебель, сделанная из металлических щитов и угольников «Дексион», похожих на детали гигантского детского конструктора: стол, подставка для газовой плиты, полки для всевозможной кухонной утвари. Здесь каждый из участников экспедиции по очереди выполнял обязанности повара. Дневальный часто становился и ночным дежурным. Ему приходилось готовить и подавать еду целый день, начиная с утреннего завтрака до обеда, который зачастую превращался в поздний ужин, — задача не из легких. А иногда ему приходилось еще стряпать и по ночам, чтобы накормить измученных и голодных спелеологов, вернувшихся из «вечного

мрака».

В этом году руководители экспедиции решили, что есть, сидя на мокрой траве с котелками на коленях, неудобно и неуютно. Они сказали, что время еды должно стать временем отдыха. Люди, уставшие после трудных походов, нуждаются в минимальном комфорте; сидя друг против друга, облокотившись на стол, они смогут весело, дружески поговорить, а иногда и спеть. Для этого в первый же день нам сбросили на парашютах целый набор досок. При помощи шипов и благодаря знаменитым щитам «Дексион» наши мастера на все руки — а все скауты таковы — соорудили длинные крепкие столы и скамейки. Отныне время еды превратилось в самый лучший час дня. В прошлом году каждый обед представлял собой целую серию акробатических упражнений, во время которых котелки и кружки то и дело опрокидывались, а сами участники трапезы, расположившиеся на земле группами и поодиночке, были похожи на орду неандертальцев, пожирающих свою добычу.

Но высшим комфортом было, конечно, то, что столы стояли в палатках туннельного типа (модель Симплон). В холодные дни, когда все кругом тонуло в омерзительном тумане, когда дул ветер или шел дождь — а в горах это случается часто, — мы могли есть в укрытии, освещенном по вечерам газовыми фонарями.

В течение долгих лет я привык к примитивной и непривлекательной обстановке и поэтому сначала боялся подобных улучшений, так как считал их ненужной и досадной обывательщиной, которая изнежит и избалует моих юных друзей. Но я был неправ и вскоре сам понял, какое благотворное влияние может оказать материальный прогресс на психику.

Третья палатка, почти всегда закрытая и редко посещаемая, была расположена несколько в стороне, за ольховым подлеском. В ней хранилось запасное снаряжение экспедиции. Когда туда кто-нибудь входил, то видел перед собой ворох самых разнообразных предметов, сваленных в кажущемся беспорядке, какой бывает всегда, если все вещи складывают в одной палатке. Мы, во всяком случае, прекрасно там ориентировались и быстро находили в этой мешанине рулоны нейлонового шнура, гибкие лестницы на стальных тросах, катушки телефонного провода, большие бидоны с карбидом кальция, ящик с запасными электробатареями и тысячу других инструментов и принадлежностей: лопаты, заступы, водонепроницаемые комбинезоны, скафандры, резиновые сапоги, надувные лодки и пробковые пояса. Здесь же в углу стояли носилки и провололочные шины. Шесть-семь других палаток, расставленных на поляне, представляли собой резиновые «иглу» с пневматической арматурой; это были палатки-люкс. В

них жили руководители и другие «ответственные», которым нужно было находиться в центре лагеря, поблизости от телефонов. Была также так называемая «палатка прессы» для фотографов, работников кино и журналистов, так как ни одна спелеологическая или какая-нибудь иная экспедиция без них теперь не проходит. Другие палатки приютили наиболее «стадных» участников экспедиции, тех, кто не боится ни шуму, ни суеты и любит быть в центре событий — по соседству с КП и... с кухней.

Что касается остальных «закоренелых» серьезных спелеологов и поэтов своего дела, то они разбили палатки, большей частью индивидуальные, за пределами поляны, на «правом берегу» ручья, под большими буками. Самой дальней и самой обособленной палаткой было жилище Максима Феликса: он поставил ее под прикрытием леса, «вне поля зрения», на травяном уступе близ вершины крутого склона. Чтобы добраться туда, каждый раз приходилось преодолевать довольно тяжёлый подъем, но Максим Феликс был неутомимым и наслаждался в своем жилище полной тишиной и одиночеством.

Вот в этом лагере и разворачивалась подготовка к штурму 14-го и 15 августа, который должен был решить судьбу экспедиции 1957 года.

Массив Арба, подземный рай для спелеологов, очень живописен и привлекателен. Но так как он удален от центральной горной цепи Пиренеев и высота его невелика — высшая точка достигает всего тысячи шестисот десяти метров, — то он не пользуется популярностью среди туристов и обычно остается совершенно безлюдным.

Наши летние лагеря вызывали здесь некоторое оживление. Сюда приезжало много разного народу: жандармы, лесничие, пастухи из окрестностей, кое-кто из отдыхающих в соседних деревнях, а также журналисты и фоторепортеры больших ежедневных газет и иллюстрированных журналов. Радиостанция «Европа № 1» прислала нам оператора, который записал на магнитофон несколько сцен в пропасти Пьера. В самом лагере постоянно находились корреспондент из «Па-те-Журналь» и два корреспондента «Пари-Мач». Наконец, мы ежедневно с нетерпением встречали дорогого гостя — специального корреспондента газеты «Депеш», — так как он приносил нам почту и разные новости. Это был всеми любимый М. Ж. Со, известный среди нас под уменьшительным именем Жужу.

Чтобы собрать ежедневную информацию для своей газеты, лозунгом которой было «сообщать обо всем правдиво и быстро», ему приходилось ежедневно совершать утомительное путешествие: сначала на автомобиле до перевала Порте, затем пешком

по горам.

Кроме того, нас посещали и другие гости, весьма докучливые и мало приятные. Это было, так сказать, коренное население... коровы и овцы, которые летом паслись в горах, а заодно совершали грабительские набеги на наш лагерь. Мирные четвероногие оказались большими любителями полотенец, перчаток для обтираний, белья и носков, сушившихся на кустарнике. Жан-Мари Ребуль нашел против них хорошее средство: из своего кларнета он извлекал такие дикие, душераздирающие вопли, что овцы, как правило, а коровы всегда стремительно поворачивали вспять при первых же звуках.

Другой нашей гостьей, правда ночной и не столь надоедливой, была лиса: она приходила в темноте порыться в куче отбросов по соседству с лагерем. Я не раз слышал, как она вороочает пустые консервные банки около моей палатки, и однажды направил в ту сторону луч электрического фонаря — глаза лисы вспыхнули во мраке отраженным светом.

Большое наступление

В ночь с 14-го на 15 августа в лагере Кум-Уарнэда был зажжен костер, установлено ночное дежурство и состоялся «военный совет». Мы утвердили план действий на следующий день, а также уточнили состав отрядов; каждый получил строго определенный маршрут и задание.

Сразу же после мессы все разошлись по своим палаткам, чтобы выйти оттуда «во всеоружии», то есть в полном экспедиционном снаряжении.

Первый отряд — Пропо, Дельтей, Нунци и Пернен — отправился к пропасти Пьера. Двумя часами позже туда же вышел второй отряд — Жикель, Вейдер, Параи и Налэн. Третий — Леши, Раву и Феррандес — направился к пропасти Раймонды.

Экспедиция подходила к концу. Эти отряды должны были проникнуть в пропасти как можно глубже и как можно дальше.

К сожалению, обстоятельства были против нас: дождь лил как из ведра и не думал утихать, уровень воды в ручье быстро повышался. Вода поднялась настолько, что около четырёх часов я решил произвести опыт с окрашиванием. Это было повторением прошлогоднего опыта, но теперь он представлял двойной интерес, так как его можно было наблюдать в обеих пропастях, поскольку мы находились в подземной системе Тромба.

В семнадцать часов отряд из пропасти Раймонды вернулся в лагерь. Все трое — Леши, Раву и Феррандес — сильно промокли и были глубоко разочарованы: ручей превратился в поток, и они не смогли пересечь озеро Эксинцев. Все снаряжение, сложенное пе-

ред этим на краю большого стометрового водопада, было теперь недоступно и, возможно, погибло. Сумеем ли заполнить его обратно?

Леши не заметил окрашивания в подземном ручье, но это и не удивительно — отряд поднялся на поверхность раньше срока.

Дождь лил не переставая, и в лагере со все возрастающим беспокойством наблюдали за увеличением паводка. Ручей становился бурным и мутным. Несколько раз мы настойчиво звонили по телефону в пропасть Пьера, чтобы предупредить об угрожающей прибыли воды.

Около восьми часов вечера нам позвонил Жикель и сообщил: флуоресцеин оказался в водопадах, которые стали заметно больше. Немного позже он сообщил, что палатка лагеря I снесена водой, а лагерь II пришлось оставить из-за низвергающихся потоков. Он предупредил нас, что они перенесут лагерь в сухое русло, куда подземный поток не доходит. Но, кроме того, он сообщил и другую страшную новость. Головная группа — Налэн, Вейдер и Нуици — до сих пор не вернулась, хотя прошло уже много часов. По-видимому они заблокированы: образовавшийся в результате паводка сифон, наверное, отрезал им путь к отступлению. Дельтей, рискнувший пойти на поиски, тоже еще не вернулся.

В полночь уровень воды в ручье на поверхности поднялся настолько, что мы начали всерьез беспокоиться за наших товарищей, оставшихся так далеко и так глубоко под землей, где паводок должен был свирепствовать еще неистовее. К счастью, гулкие и пенистые водопады, падавшие в расположенные друг под другом колодцы пропасти Пьера, не повредили телефонного провода. Жикель, укрывшийся вместе с Пропо, Параном и Перненом в сухом ярусе, мог отвечать и держать нас в курсе событий.

О четырех исчезнувших товарищах до сих пор не было никаких сведений.

В этом и заключается опасность подземных потоков: они могут внезапно увеличиться, перекрыть сифоны и на большом протяжении заполнить ходы, словно водопроводные трубы. Тогда спелеологи, плывущие или идущие под землей, оказываются перед этими наводнениями совершенно беззащитными. На сей раз мы не отходили от телефона с самого начала паводка, советуя нашим товарищам вернуться. Однако Жикель и Пропо, казалось, ничего не хотели слышать. Их непонятный оптимизм и упорство привели к тому, что теперь они были заперты в подземном лабиринте и отрезаны от своей четверки, которая, по-видимому, находилась в отчаянном положении. Так еще раз подтвердилось давно известное непонимание между поверхностью и подземельем.

Возможно, мы не могли точно представить и оценить создавшееся положение. Может быть, после первых сигналов тревоги подъем был уже невозможен? А может быть, они просто недооценили паводка, рассчитывая отсидеться в сухом русле?

По совести говоря, если их положение было незавидным, то наше — поистине мучительным. Раньше я всегда бывал в составе головных отрядов и только теперь понял состояние людей, находящихся на поверхности, их мучительную тревогу, ужас от сознания, что твои товарищи в опасности, может быть, погибают, а ты бессилен им помочь.

Ночь тянулась медленно. Я все время наблюдал за уровнем ручья, превратившегося в грязный поток. Сделанные мною отметки показывали, что уровень воды перестал повышаться, хотя дождь не прекращался.

Наконец, в два часа ночи слабо зазвонил телефон. Сообщение было короткое, но успокаивающее: пропавшие добрались до подземного лагеря, конечно не без трудностей, но целые и невредимые, а это было главным.

Я смог немного поговорить с Дельтеем; он скромно доложил о поисках передового отряда. Благодаря чутью и счастливому случаю он обнаружил галерею выше бурлящего потока и пошел по ней. По этому верхнему ходу ему удалось пройти над сифоном, а затем спуститься до русла подземного ручья, где он и нашел Налэна, Вейдера и Нунци. Он вывел их по тому же, поистине, спасительному маршруту, единственному, который позволял добраться до лагеря. Теперь спасенные вместе с остальными исследователями ожидали убыли воды, приняв соответствующие меры. Запаса продовольствия и осветительных средств им должно было хватить на два дня. При строгой экономии продуктов, карбида электробатарей они могли продержаться четыре дня.

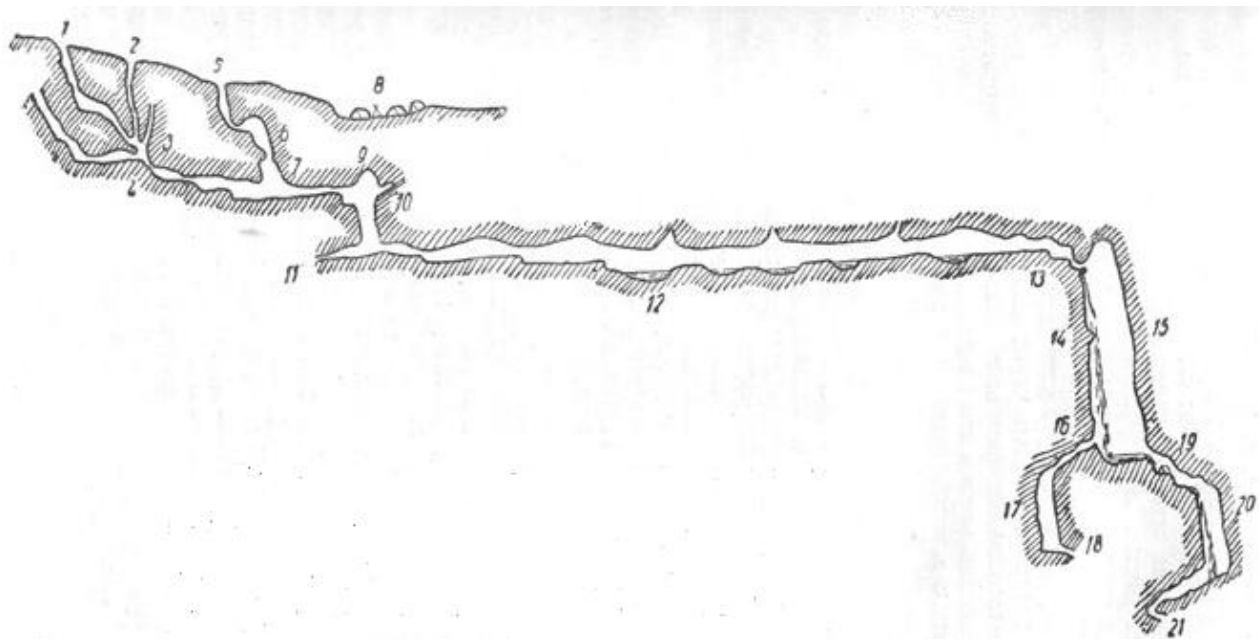
Пока бушевали подземные смерчи, подняться на поверхность было просто немыслимо, да и мы не могли спуститься им навстречу. Поэтому пленники подземелья сгруппировались потеснее и философски решили выспаться. Не без сожаления прервали мы разговор и занялись наблюдениями за погодой, но что оставалось делать? Наши товарищи устали, и им необходимо было отдохнуть.

Дождь, казалось, уменьшался, однако уровень вод в ручье был все еще высоким. В шесть часов утра позвонили из жандармерии Арба и сообщили, что вода в Гуэй ди Эр окрасилась в зеленый цвет. Это было повторением и подтверждением прошлогоднего опыта. На сей раз краска прошла по системе Тромба за тринадцать часов вместо шестнадцати. Более сильный паводок быстрее пронес флуоресцеин.

Эта новость, которую мы смогли передать наши пещерным затворникам, должна была их развлечь и заставить думать о том дне, когда они тоже выйдут в свет божий. Но, по-видимому, они и без того пребывали в отличном настроении. Во всяком случае, они не приставали к нам с вопросами и не заговаривали об изменениях уровня воды.

Утром, около десяти часов, когда я еще раз проверил уровень воды, Леши, разговаривавший в этот момент с пропастью, позвал меня на КП и протянул мне трубку. Я бросился к телефону, прижал трубку к уху и услышал хоровое пение, не очень стройное, но такое громко и шумное, что я не сразу смог разобрать слова. Леши со смеющимися глазами начал тихонько напевать для меня: «В одной лондонской башне сидел узник». Ну, слава богу, значит, настроение бодрое!

Весь день мы пытались проникнуть в пропасть Пьера и спуститься по вертикальному восьмидесятиметровому Черному колодезю, однако сейчас обычно спокойные ручьи превратились здесь в водопады: большая вода неистовствовала!

Разрез пропасти Раймонды и колодцев Тиса и Елей (система Тромба), глубина-492 м

1 — Колодец Тиса; 1 — Колодец Елей; 3 — Зал Белки; 4 — Шестиметровый спуск по шесту; 5 — Пропасть Раймонды; 6 — Зал Мессы; 7 — Трещина; 8 — Базовый лагерь; 9 — Зал Нед; 10 — Колодец Нед; 11 — Сифон верховья; 12 — Гур Эксинцев; 13 — Лебедка; 14 — Промежуточный выступ на 50 м ниже лебедки; 15 — Колодец Дельтея глубиной 135 м; 16 — Боковой ход; 17 — Колодец глубиной 60 м; 18 — Тупик; 19 — Подземный бивак; 20 — Колодец глубиной 60 м; 21 — Конечный сифон на глубине 492 м

В течение 16-го и 17 августа — в то время, как пленники пропасти, распевая песни, без всякой паники ожидали спада воды, газеты выходили с сенсационными заголовками: «Тревога в Кум-Уарнэд!», «Пропали четыре спелеолога!», «Четыре жертвы в пропасти Пьера!»

Наконец, в ночь с 17-го на 18 августа, когда в подземном лагере кончились продукты, было решено приступить к подъему восьми спелеологов. Спасательный отряд спустился на глубину двухсот метров. Все остальные, незанятые участники экспедиции в это время сменяли друг друга у лебедки, поставленной над Черным колодцем. Подъем через некоторые колодцы, где бушевала большая вода, был невыносимо трудным. Но в конце концов эта операция завершилась благополучно, и в четыре часа утра все спелеологи добрались до лагеря Кум-Уарнэда, по-прежнему затянутого туманом и дождем.

Экспедиция 1957 года, сокращенная и мало удачная из-за плохой погоды, обошлась без жертв, но зато мы понесли большие материальные потери: пропало всё снаряжение и продовольствие, заготовленные в крайних достигнутых нами ярусах пропастей Пьера и Ра Раймонды. Однако полученные положительные результаты полностью компенсировали усталость, опасности, тревожения и потерю денег. В 1955 году пропасть была никому не известна. В 1956 году в нее проникли всего на двести метров. Во время экспедиции этого года ее исследовали до глубины четырехсот метров.

Пропасть Раймонды тоже была неизвестна, и о существовании ее никто не подозревал. На сей раз её исследовали на глубину трехсот метров. Обе они имели продолжение и, возможно, где-то соединялись. Кроме того, опыт с флуоресцеином подтвердил, что мы находились именно в системе Тромба.

Различные жизненные обстоятельства не позволяют спелеологам посвятить себя целиком любимому делу. Кроме того, благоприятный для исследований период, особенно в «живых» пещерах, очень короток и переменчив. Поэтому мы решили возобновить исследования в следующем, 1958 году, организовав новую экспедицию.

Ручей Кум-Уарнэда уходит под землю через трещины в известняке. Он протекает, образуя водопады, в лабиринтах пропастей Пьера и Раймонды за тринадцать часов, после чего вновь появляется на поверхности в Гуэй ди Эр. Опыт с окрашиванием доказал это. Сколько же часов, а может быть, и дней и ночей нам понадобится, чтобы самим пройти по этим соединяющимся ходам системы Тромба, даже если какое-либо непреодолимое препятствие нас не задержит?!

Мы надеялись, что экспедиция 1958 года, а может быть, и 1959 года даст ответ на этот вопрос. Спелеология требует большого терпения, и не бессильного терпения, а упорства, длительных усилий.

Третья экспедиция (1958 г.)

В лагере Кум-Уарнэда

Сколько часов, дней и ночей понадобится для того, чтобы отыскать соединение между пропастями Раймонды, Пьера и Гуэй ди Эр? Такой вопрос возник в конце экспедиции 1957 года, но так и остался нерешенным. И вот 18 июля 1958 года началась наша третья экспедиция на массив Арба.

В тот день военная авиация с базы По, всегда готовая прийти на помощь спелеологам, в третий раз приступила к сбрасыванию на парашютах снаряжения в лагерь Кум-Уарнэда.

На сей раз прежняя «Дакота» была заменена самолетом «Норд 2.501» с забавным раздвоенным фюзеляжем и огромной кабиной с большой дверью сзади, через которую можно было сбрасывать на парашютах груз до пятисот-шестисот килограммов. Такой груз поддерживался связками из восьми-десяти парашютов.

Во время этой операции произошел всего один инцидент: два парашюта запутались и скрутились в жгуты, остальные не смогли достаточно затормозить падение полутонного «пакета», и груз опустился на землю с такой скоростью и силой, что две пятнадцатилитровые бутылки с ментоловыми конфетами разлетелись вдребезги, а наши металлические носилки настолько покорежились, что ими нельзя было больше пользоваться.

К концу дня наиболее опытные в этом деле участники экспедиции приступили к разбивке лагеря на знакомой поляне среди буков и елей. Не теряя ни минуты, одна из групп начала тянуть четырехкилометровый провод, чтобы подсоединиться к электросети и телефонной линии у гостиницы на перевале Порте.

В девять часов вечера мы собрались за первым ужином. Все сидели за столом в палатке-столовой; ее новая форма, большие размеры и живые краски — золотая, синяя и зеленая — нам очень понравились.

Сам ужин оказался тоже весьма приятным сюрпризом.

Выбор и вид поданных блюд свидетельствовал о несомненном кулинарном таланте повара, который значительно превосходил в этом отношении наших скаутов с их обычной мешаниной.

Оказалось, что руководящий комитет изучил важную проблему кухни и успешно ее разрешил, прибегнув к помощи энергичной и очаровательной Жермены А ли, уроженки Мартиники, жительницы Марсея. Трудности и неудобства горного лагеря не

могли ее смутить. Прекрасная альпинистка, она привыкла к жизни в горах и была готова к любым капризам погоды этого массива, известного своими туманами и частыми ливнями.

В той же самой палатке, где обитатели лагеря собирались во время еды и в свободные часы, двадцать пять дней подряд беспрерывно, безжалостно орал портативный радиоприемник. Он ни разу не испортился и порядком всем надоел, но приходилось мириться, вернее, терпеть сие явление прогресса.

Лишь однажды этот маленький, но грозный аппарат умолк. Я задрожал от радости и надежды. Может быть, он испортился? Или кончились батареи? Но вскоре стало известно, что приемник, как всегда, в идеальном состоянии, а молчание объясняется его отсутствием. Владелец приемника, страстный меломан, взял его с собой под землю, чтобы проверить, на какой глубине он сможет там работать, возмущая торжественную тишину пещер.

К всеобщему изумлению, «осчастливленные» столь неуместным и необычным музыкальным сопровождением, спелеологи убедились, что дьявольский приемник под землей остался таким же болтливым и визгливым как на поверхности. Это шло абсолютно наперекор всем физическим законам распространения радиоволн и казалось поистине чудом, пока они его не разгадали, ибо ничего не объяснимого под землей нет, а есть лишь вещи пока не объясненные.

Исследователи пещер в загроможденном коридоре пропасти Раймонды

Спелеолог в одной из тесных трещин пропасти Раймонды

Чтобы определить глубину колодца, в него бросают зажженную газету

После такой «проверки» спелеолог начинает спуск, держа в зубах сигнальный свисток

В пропасти Раймонды Норбер Кастере разрезает торт, доставленный сюда в честь его шестидесятилетия

В данном случае все выяснилось весьма просто: приемник работал только в коридорах и залах, где проходила телефонная линия, соединявшая спелеологов с наземным лагерем. Сразу никто не сообразил, что телефонный провод играет роль антенны, а это было очевидно. Как только приемник уносили в расположенную поблизости извилистую галерею, где телефонной линии не было, он тотчас замолкал!

Колодец ветра

19 июля, фактически первый день экспедиции 1958 года, был посвящен исследованию колодца, который я открыл в 1956 году и назвал колодцем Ветра. Тогда мы смогли произвести лишь короткую его разведку до глубины семидесяти метров. А ведь этот колодец, расположенный на полпути между пропастями Раймонды и Пьера, мог соединяться с той и другой! В пользу подобного предположения говорил сильный поток воздуха, шедший из его глубин.

Максим Феликс, участник спуска 1956 года, проводил второе исследование колодца Ветра вместе с Жаном Налэном, ветераном кампании Сигалер, Жо Кавалэном и Полем Раву.

День 19 июля начался с забавного происшествия, какие часто выпадают на долю спелеологов. Четверо друзей, выйдя из лагеря в семь часов утра, должны были добраться до колодца Ветра за полчаса; на самом же деле они дошли до него к девяти часам, так как Максим заблудился в непроходимых зарослях, что, впрочем, неудивительно.

Сам я в этот день бродил в одиночестве по окрестностям лагеря, как всегда в поисках новых пещер. Около семи часов вечера я свернул к колодцу Ветра, наклонился над ним, крикнул и потряс металлическую лестницу, висящую над пустотой. Я надеялся, что четверка спелеологов находится неподалеку и услышит меня, так как было условлено, что они вернутся в лагерь к двадцати часам. Не получив ответа и не услышав ничего, кроме зловещего завывания ветра, который дует здесь постоянно, я вернулся в лагерь, и мы стали ждать, расположившись вокруг большого костра.

В спелеологии опоздания — обычно довольно значительные — в порядке вещей и почти никого не волнуют. Однако в полночь спасательный отряд в составе Пьера Жикеля, Ребуля, Андре Риспи и Пьера Вейдера все же спустился в колодец Ветра.

На глубине около шестидесяти метров Вейдер слышал голоса людей, поднимавшихся ему навстречу. Все обошлось без происшествий и несчастных случаев, и обе группы благополучно вышли на свет божий, вернее на поверхность, так как была уже глубокая ночь.

Как и предполагалось, значительное опоздание было связано с тем, что спелеологи обнаружили интересное продолжение пропасти. Добравшись до крайней глубины, достигнутой во время разведки 1956 года, они сумели пролезть сквозь расщелину, вернее щель, протяженностью в двадцать метров, настолько узкую, что впоследствии при подъеме они испытали здесь серьезные трудности. Затем смельчаки спустились еще ниже, пройдя через два колодца десяти- и восемнадцатиметровой глубины, пересекли огромный зал длиной до двухсот метров и вошли в длинный

коридор, где протекал ручей.

Они шли все дальше, спускаясь все ниже, так как система ходов была наклонной, пока перед ними не открылся новый зал с балконом, нависшим над еще одним колодцем. Но исследовать этот колодец так и не удалось — у них не осталось больше лестниц. К тому же была уже полночь, и время их возвращения в лагерь давно истекло.

В результате это незавершенное исследование позволило группе Максима Феликса спуститься на глубину ста семидесяти метров и пройти приблизительно полкилометра в сторону пропасти Пьера. Начало было весьма обнадеживающим.

После открытия пропасти Пьера в 1956 году и пропасти Раймонды в 1957 году продолжение колодца Ветра и его огромные размеры стали сенсацией экспедиций 1958 года. Но, кроме нее, в том же году были и другие неожиданности. Новые открытия и находки настолько перегрузили программу, что нам так и не удалось в тот раз вновь спуститься в колодец Ветра для дальнейших исследований.

В пропасти Раймонды

На следующий день после спуска в колодец Ветра группа в составе шести спелеологов спустилась в пропасть Раймонды, чтобы добраться до крайнего исследованного яруса. Там в 1957 году был обнаружен большой колодец с водопадом глубиной около ста метров. На сей раз предстояло произвести точное измерение этой пропасти, предварительно лишь «выслушанной», то есть измеренной звуком при помощи сброшенных в нее камней. Кроме того, необходимо было проверить, можно ли пронести до колодца лебедку, разумеется разборную, и установить ее там.

Как первооткрыватель и знаток пропасти, я возглавлял группу, в которую вошли моя дочь Раймонда и Даниэль Леши — второй ветеран пропасти. Нам должны были помогать Ги Морель, Андре Магаль и Андре Риспи.

В девять часов утра мы начали спускаться по лестницам и около одиннадцати часов достигли глубины ста метров, то есть того места, где сливались два подземных ручья. Дальше мы пошли по естественному акведуку, перегороженному водопадами. Приходилось пробираться вдоль бесконечного, очень извилистого коридора протяженностью в восемьсот метров. Мы шли то по грязному ложу подземного потока, то взбирались на скользкие и неудобные выступы над ним, а иногда даже продвигались враспорку, упираясь руками и ногами в противоположные неровные стены, сближавшиеся до предела.

Первая серьезная трудность возникла на краю одного водопада, вдоль которого нужно было спуститься по веревке, стараясь уклониться от падающих струй. Жертвуя собой, Ги Морель пошел первым и закрепил трос как можно дальше от подножия водопада. Таким образом, у нас получилась наклонная канатная дорога, по которой мы спустились по-тирольски. Это было не так-то просто, но зато мы не очень промокли, что было главным.

Ещё дальше другой водопад низвергался в маленькое озеро, тот самый гур Эксинцев, названный так в 1957 году открывшим его отрядом скаутов из Экса.

Накачать и спустить на воду нашу резиновую лодку было довольно сложно, а чтобы сесть в нее, Леши потребовалась вся ловкость вольтижировщика и канатоходца. Мы с облегчением вздохнули, когда это ему наконец удалось и лодка отплыла, а затем скрылась за поворотом.

У нас в руках осталась сигнальная бечевка; при помощи ее мы должны были притянуть к себе лодку, как только Леши высадится на противоположный берег озера.

Не слыша условленного сигнала, мы начали тянуть бечевку, но наш товарищ решительно запротестовал. Крича во все горло, чтобы перекрыть шум водопада, он объяснил, что надувает ртом лодку, так как воздух из нее выходит слишком быстро.

Посадка, высадка, плавание туда и обратно заставили нас попотеть, но в конце концов все переправились через маленькое озеро благополучно, только изрядно вымокли во время сложных маневров с лодкой, которая действительно выпускала воздух с поразительной быстротой. С радостью мы оставили ее, тщательно привязав на случай непредвиденного паводка, и пошли дальше по каменистому руслу с многочисленными бочагами. Одни старались их обойти, другие, уже вымокшие, смело шагали прямо по воде.

Именно здесь в прошлом году один скаут из Экса вздумал испытать изобретенный им способ защиты от холода в ледяной воде. Перед продолжительной экспедицией по воде он заранее обмазал ноги до колен особой мазью. Эта согревающая мазь, по его мнению, должна была победить холод. Результат оказался плачевным: слишком предприимчивый экспериментатор вынужден был разуться и долго полоскаться в холодной воде, чтобы смыть мазь и умерить мучительную боль от ожогов, — средство оказалось слишком сильным!

Вспоминая это происшествие, мы вышли к расширению галереи, где водовороты намыли песчаную отмель: на этом маленьком пляже мы и решили остановиться. Самые привередливые воспользовались остановкой, чтобы вылить воду из сапог и вы-

жать носки. Затем мы вынули из рюкзаков легкий завтрак, который, как мы надеялись, возместит потерянные калории лучше любого аптечного лекарства. Через полчаса, подкрепившись, а заодно и продрогнув из-за остановки, мы отправились дальше.

Снова приходилось погружаться в холодную ванну, и это отнюдь не образное выражение, а действительность, так как вода становилась все глубже, а низкий свод пригибал нас все ниже. В случае паводка такой свод должен быстро уйти под воду, образуя опасный сифон, ниже которого галерея может стать ужасной тюрьмой для тех, кто там окажется.

Впрочем, на левом берегу вскоре показался каменистый уступ, нечто вроде узкого балкона, куда мы взобрались на четвереньках, избавившись от неприятного купания.

Так мы прошли еще несколько сот метров и вышли к новому гуру, то есть к бассейну с вертикальными стенами, на которые трудно взобраться, так как ухватиться там не за что.

Поскольку иного выхода не было, я погрузился по пояс в воду и предложил моим товарищам перенести их вдоль стенки, чтобы они не промокли. Мое предложение всех смутило; никто не решился его принять, и я слышал, как товарищи шепотом восхищались моей закалкой и привычкой к холодной воде. Но тут Раймонда рассеяла их заблуждение и безжалостно свергла меня с пьедестала добровольного перевозчика, объяснив, что я под мокрым полотняным комбинезоном одет в другой водонепроницаемый комбинезон, который если и не предохраняет от холода, то, во всяком случае, спасает от проникновения воды. Секрет моей удивительной выносливости в холодной воде был довольно-таки прост!

Теперь товарищи решились принять мою помощь. Когда я переносил над водой Риспи, позади вдруг послышался сильный всплеск. Это Леши попытался взобраться на стену и упал в бассейн. Очевидно, бассейн был намного глубже, чем я предполагал, потому что Леши исчез сразу. По правде говоря, я стоял к Леши спиной и не мог быстро обернуться, так как помогал Риспи. Теперь же я с изумлением смотрел на воду. Леши прекрасный пловец, но где же он? Неужели?..

Сильно обеспокоенный, я уже хотел за ним нырнуть, как вдруг услышал громкий хохот и увидел голову Леши над стеной с другой стороны бассейна. Оказывается, он действительно упал в воду, но с кошачьей ловкостью и проворством в два броска достиг берега. Его реакция и быстрота действий были так мгновенны, что мне показалось, будто он вынырнул со дна бассейна. Теперь весь наш караван собрался в нижней части бассейна Прыжка — так мы сразу окрестили этот гур.

Когда спелеолог продвигается по неисследованным местам, всякие дорожные случайности или особенности пещеры подсказывают ему более или менее подходящие и удачные названия для каждого этапа; давать такие названия — его привилегия и развлечение, но также и необходимость. Часто это бывает имя товарища, который первым преодолел очередную преграду; слово, внезапно возникшее во время связанного с данным местом происшествия или просто какой-нибудь характерной сценкой. Для тех, кто не знает, откуда такое название появилось, разобраться в его значении весьма трудно, а порой и совершенно невыносимо. За примером недалеко ходить: лагерь Сказок Гофмана, система Заблудившихся, зал Идущего человека, коридор Повешенной собаки — что означает все это для непосвященного?

Мы двинулись дальше по тому же извилистому и неровному руслу потока, все ускоряя шаг, чтобы согреться, а главное — поскорей покончить с «земноводным» переходом. Но тут до нас донесся рокот водопада.

— Это девятый и десятый каскады, — пояснил Леши, единственный, кто уже побывал здесь в прошлом году.

Магаль, который шел впереди, первым достиг девятого каскада, и мы услышали его изумленный возглас: в пенистом потоке болталась электроновая лестница!

Наш товарищ был новичком в Кум-Уарнаде, и мы объяснили ему, что эта лестница оставлена здесь в прошлом году отрядом Марселя Франжена. К концу экспедиции ее не смогли вытащить из-за неожиданного страшного паводка, того самого, который подверг смертельной опасности Налэна, Вейдера и Нунци, заперев их позади сифона.

Следующая за Франженом группа в пропасти Раймонды не смогла пересечь гур Эксинцев и вынуждена была поспешно повернуть назад, не захватив ни лестниц, ни канатов, ни лодок, сложенных на площадке около девятого водопада, куда мы сейчас пришли. Это была одна из тех лестниц. Мы ее нашли, но в каком состоянии! Однако якорь, закрепленный за каменистый выступ, выдержал. Подергав, мы вытащили призрак лестницы: крепления из стального троса перетерлись и держались на нескольких обрывках, некоторые перекладины исчезли, другие были искривлены, причудливо изъедены ржавчиной и изуродованы от постоянного «перемалывания» между камнем и водой. Эту лестницу, надлежащим образом свернутую, мы доставили в наземный лагерь как вещественное доказательство любопытства ради, поскольку для дела она была, разумеется, абсолютно непригодна.

Девятый водопад не оказал нам серьезного сопротивления, и мы легко добрались до десятого, куда более трудного и неприят-

ного для спуска. Прошлой ночью шел сильный дождь, и мы сразу отметили подъем воды. Леши заявил, что сейчас уровень воды выше, чем в 1957 году, когда он был здесь. Для того чтобы спуститься, необходимо было войти в самый поток водопада.

Ги Морель, как всегда полный рвения и задора, еще раз принес себя в жертву. Мы видели, как он, втянув голову в плечи, быстро спускался по лестнице в самом потоке. Добравшись до надежного уступа, он отряхнулся, выплюнул воду, подтянул лестницу и закрепил ее за утес. Теперь она была в наклонном положении и больше не висела в самом водопаде. Мы поспешили присоединиться к нашему верному товарищу вместе со всем снаряжением.

Тяжесть наших тел и толчки, очевидно, немного вытянули лестницу: она уже не висела строго по диагонали, и каждый из нас получил свою порцию душа, причем и весьма изрядную, однако никому и в голову не пришло упрекать в этом Ги Мореля, который сам был похож на губку, полную воды.

По заметкам, сделанным в прошлом году и подтвержденным теперь Леши, мы определили, что приближаемся к большому колодцу, получившему название колодца Дельтея. Здесь в прошлый раз наши исследования остановились. Из-за отсутствия лота головной отряд вынужден был просто бросать вниз камни. По примерному расчету мы полагали, что эта вертикальная пропасть имеет в глубину около ста метров. Но не нет ли здесь грубой ошибки или преувеличения? Сто метров! Такая цифра могла быть взята наобум усталыми людьми под впечатлением грохота водопада, низвергающегося в последний колодец. Сегодня мы и пришли сюда для того, чтобы установить истину.

Еще немного эквилибристики на скользких камнях — и вот мы на краю пропасти. На первый взгляд наши предшественники ничего не преувеличили: место действительно в высшей степени впечатляющее. Вода падала в гигантский колодец, диаметр которого достигал пятнадцати-двадцати метров. Строго вертикальные стены казались отполированными, грохот от падения воды терялся где-то в глубине.

Мы искали вокруг гальку, обломки камней, но напрасно: в размытом голом ложе подземного потока ничего не было. Все камни, и без того редко встречающиеся в таких местах, были сброшены вниз нашими товарищами еще в прошлом году. Зато у нас оказалось нечто лучшее: двухсотметровый лот, который я вытащил из своего рюкзака. Измерение глубины началось.

Грузило опускалось, не касаясь стен, на глубине пятидесяти метров оно замерло, но затем последовал легкий толчок, и лот опять пошел в глубину — очевидно, это был незначительный карниз.

Шнур был размечен узлами через каждые десять метров: это позволило мне определить, что грузило уже достигло глубины ста метров и все еще висит над пустотой. В глубокой тишине я вел отсчет: сто десять метров, сто двадцать метров, сто тридцать... В этот момент я вдруг заметил, что грузило больше не тянет за собой шнур. Несколько раз я разматывал шнур, свободно отпускал его и поднимал. Измерение было точным: грузило упрямо остановилось на глубине ста тридцати метров. Но что там, дно колодца или очередное «колесо»? Мы надеялись на первое. В самом деле, как бы мы могли спуститься еще ниже после и без того достаточно сложного преодоления вертикальной стотридцатиметровой пропасти с водопадом! О спуске по легкой лестнице при поддержке страхующей веревки не могло быть и речи. Здесь обязательно нужна была лебедка. Не без тревоги думали мы о переноске сюда этого механизма по труднопроходимой дороге, которая теперь уже была нам известна.

Но пока мы и не собирались спускаться в эту бездну. У нас было задание промерить большой колодец с водопадом, и мы это сделали. Определенные нами размеры и глубина колодца внушали уважение и, скажем, даже страх; перед такими препятствиями человек под землей чувствует всю свою ничтожность и слабость.

Штурм стотридцатиметрового огромного колодца, расположенного на глубине двухсот метров, к которому еще нужно было пробираться по длинной и трудной дороге, всегда страшен, особенно если происходит какой-нибудь несчастный случай...

Дикий рев водопада, трудности и опасности предстоящего спуска в него, воспоминания о драматических эпизодах, пережитых в подобных местах, — все это, вместе взятое, усиливало тревожное настроение группы.

Приведу впечатления Э. А. Мартеля, когда он в 1903 году очутился перед зловещей пропастью Деволуи, — я знаю их наизусть:

«Нет, эта тайна мне не откроется, — писал он. — Вот один из тех великих голосов природы, который запрещает нам даже пытаться проникнуть в ее тайну. Колебание воздушного столба рождает такой злобный, великолепно и жуткий рев в черной глубине, что страшно слушать. Это действительно чудовищная, величественная, дантовская пропасть, еще более внушительная, чем бездонная Рабанель де Ганж. Она оправдывает всеобщий страх перед пропастью; даже я отступаю перед ее необъятностью».

Мы тоже временно отступили, потому что в тот день о спуске нечего было и думать. Нужно было набраться сил, увеличить число людей, а главное — доставить сюда лебедку.

В одиннадцать часов вечера, насквозь промокшие, разбитые и усталые, мы возвратились в лагерь, где нас встретила Жермена Али и накормила горячим ужином — первым за двадцать четыре часа. Когда мы с жадностью пили обжигающий бульон, моя дочь призналась, что она еще ни разу в жизни не оставалась так долго на таком холоде!

При других обстоятельствах и в других условиях шестеро участников этой продолжительной «земноводной» экспедиции на следующий день, вероятно, схватили бы хороший насморк, то бишь ларингит, а может быть, даже и плеврит. Но каждый знает, а спелеологи лучше всех по собственному опыту, что в подземных исследованиях постоянное пребывание в ледяной воде, в сырости, в никогда не просыхающей одежде не оставляет никаких следов, никаких осложнений и не вызывает даже ревматизма. Все это может показаться парадоксальным, невероятным и необъяснимым, но таковы факты.

Пропасть Плесси

На следующий день после нашей экспедиции в пропасть Раймонды трое новичков — Раймонд Феррандес, Шарль Налэн и Пьер Лафон — были отправлены «на природу» для разведки. Взяв с собой легкий завтрак, они вышли рано утром, чтобы пройти по лесу Кум-Уарнэда в поисках новых колодцев. Впрочем, надежд на успех было мало, так как в течение трех лет мы уже «сняли все пенки» с этих мест.

В лагерь они возвратились лишь в сумерках, очень взволнованные. Разведчики сообщили, что нашли «громадную пропасть» большой глубины с широким входным отверстием. Камни, брошенные в нее, падали долго, отскакивая от стен.

Говорили они все вместе, и поэтому их рассказ показался нам туманным и мало правдоподобным. Но когда они сказали, что эта пропасть находится всего в ста двадцати метрах от хорошо нам известного колодца Ветра, мы решили, что они просто хотят над нами подшутить и что речь идет о какой-то воображаемой пропасти. Только когда Феррандес, старший из трех и уже проявивший себя с лучшей стороны в прошлом году, привел точные и убедительные данные, мы перестали сомневаться в существовании глубокого колодца. Но что касается размеров отверстия, то нам казалось просто невероятным, чтобы описанная ими воронка могла находиться от нас так близко. Оставалось одно: пойти туда и во всем убедиться своими глазами. На следующее утро мы так и сделали.

Трое вчерашних «изыскателей» привели с собой большую делегацию, и она вынуждена была публично покаяться. Действи-

тельно, в ста двадцати метрах на северо-восток от колодца Ветра и в шестидесяти метрах от телефонного провода, соединявшего базовый лагерь с пропастью Пьера, был уголок леса, где под большими елями царил постоянный сумрак. Здесь в густых зарослях оказались две впадины от колоссального обвала и на дне одной из них, частично заваленной снегом даже среди лета, зиял внушительный цилиндрический колодец.

При помощи лота, использованного накануне в пропасти Раймонды, я произвел замер, который показал абсолютную вертикаль глубиной в девяносто метров. Грузило не могло превысить этой глубины, но камни, брошенные в пустоту, подтвердили, что ниже есть осыпь: каждый камень вызывал все увеличивающиеся подземные лавины. Мы взяли с собой только шестидесятиметровую лестницу, которую и спустили в колодец. Феррандес, открывший новую пропасть, был удостоен чести спуститься туда первым, раскачиваясь в темноте и в пустоте, как паук на паутине.

Два следующих дня благодаря лебедке, установленной на краю колодца, Феррандес, Леша, Магаль, Брандт, Ньюмэн, Морель и другие, сменяя друг друга, продолжали исследование.

От подножия начального девяностометрового колодца они спустились по крутой неустойчивой осыпи и прошли еще два колодца глубиной в двадцать и пятьдесят метров. Еще ниже по крутым спускам и откосам они проникли в последний зал, расположенный точно на глубине двухсот метров.

Эта пропасть, такая широкая и вертикальная, что со дна ее виден кусок неба, расположена, как и колодец

Ветра, в сухом русле, проложенном под землей тем же самым потоком, что течет в пропастях Раймонды и Пьера. Она находится очень близко от колодца Ветра и еще ближе (всего в шестидесяти метрах) от большого водопада пропасти Раймонды. Но на глубине двухсот метров новая пропасть забита камнями и не сообщается ни с одной из других пропастей. Поэтому исследование было всего лишь «закуской», чисто спортивным достижением. Тем не менее следовало дать этой прекрасной пропасти название, как и ее соседкам.

Имя Феррандеса, ее первооткрывателя, было Раймонд — получилось бы смешение с пропастью Раймонды. В конце концов Феррандес, взявшийся сам за крестины, объявил, что пропасть будет называться пропастью Плесси. Отряд скаутов из Экса в Провансе, к которому он сам принадлежал, носил имя лейтенанта Плесси де Гренедана, командира дирижабля «Диксмюд», погибшего над Средиземным морем во время сильной грозы в 1923 году.

Кстати, упомяну, что в пропасти Плесси мы нашли скелет собаки с ошейником. На бляхе были четко выгравированы кличка и адрес. Любопытства ради мы написали по этому адресу, но узнали только, что овчарка исчезла три года назад. Однако впоследствии нам стало известно, что владелец собаки в свое время заподозрил и даже обвинил одного из своих соседей в том, будто бы тот отравил его пса. А ведь собака блуждала по горам, далеко от деревни, и упала в пропасть совершенно случайно. Наша находка имела двойной и даже тройной результат: объяснила причину исчезновения собаки, оправдала мнимого отравителя и — самое главное — примирила соседей. Кто посмеет теперь отрицать значение и пользу спелеологии!

В глубинах пропасти Пьера

Очень трудно писать о нескольких одновременных экспедициях в разные пещеры. Поэтому и получилось так, что сначала мы рассказали о колодце Ветра, о пропасти Раймонды и о пропасти Плесси, а до пропасти Пьера еще не дошли, хотя она — самая значительная из всех четырех. Таким образом, последовательность открытий кажется искаженной, но что сделаешь!

Итак, поговорим теперь о пропасти Пьера и расскажем о событиях, происходивших там во время экспедиции 1958 года.

С первых же дней этой экспедиции два отряда (Жерар Пропо, Жан Налэн, Ив Феликс и Жак Паран, а затем Ив Гриозель, Ж. М. Ребуль, Пьер Авон и Пернен) спустились в пропасть Пьера, где они должны были разбить два подземных лагеря на глубине двухсот семидесяти и трехсот тридцати метров. Им предстояла гигантская работа: нужно было все подготовить для спуска в многочисленные, расположенные один под другим колодцы и лазы, протянуть телефонную линию, перенести тяжелое оборудование, наконец, поставить палатки на большой глубине — и все это сделать, то карабкаясь вверх, то спускаясь, то протискиваясь ползком. Невероятные трудности ставили перед спелеологами ответственную и тяжелую задачу.

Однако смелые пионеры не удовлетворились ее успешным выполнением. Оставив лагерь II, расположенный в том месте, где закончились исследования 1957 года, они пошли еще дальше, спускаясь все ниже.

Двое суток мы не имели никаких сведений о головном отряде. Лишь 27 июля в шесть часов утра во внешнем базовом лагере на Кум-Уарнэде зазвонил телефон. Спелеологи из пропасти Пьера сообщили, что они вернулись в лагерь II. Они были совершенно измучены и намеревались поспать, чтобы восстановить силы. Однако прежде всего сочли необходимым сообщить нам с закон-

ной гордостью, что спустились на глубину пятисот шестидесяти метров, но их дальнейшее продвижение остановилось перед озером, которое без лодки пересечь невозможно. Сообщение о столь блестящем успехе было принято с огромным энтузиазмом, хотя мы пока еще не знали подробностей этой поразительной разведки. Впоследствии выяснилось, что этот штурм, во время которого восемь наших товарищей спустились на двести метров глубже, чем в прошлом году, был настоящей эпопеей. Они пробыли восемь дней и ночей в холоде и сырости, под постоянной угрозой смертоносных паводков, вызываемых частыми и сильными грозами на массиве Арба.

Телефонный звонок 27 июля послужил сигналом к началу второй стадии исследований. В тот же день отряд из девяти человек отправился в пропасть Пьера, чтобы сменить товарищей и спуститься как можно глубже и дальше.

Девять человек, рюкзаки с продуктами и снаряжением — все это делало связку слишком неповоротливой и малоподвижной. Поэтому наш караван разделился на группы, причем вторая должна была проникнуть в пропасть только через несколько часов после первой.

Это позволяло избежать заторов и мучительных ожиданий на шатких и неудобных выступах над колодцами. В составе первой группы я вместе с Вейдером, Феррандесом и Кавалэном в шестнадцать часов подошел к пропасти Пьера. Как и Пьер Жикель в 1956 году, мы проникли в начальный скалистый проход, как и он, пересекли зал с низким потолком и, спустившись между узкими стенами расщелины, вышли к краю знаменитого Черного колодца глубиной в восемьдесят метров. Здесь в свое время Жикель вынужден был остановиться.

Но сегодня обстановка совсем иная: во всяком случае, сюда доставлено всевозможное оборудование. Там, где Пьер Жикель и его товарищи могли только бросать камни в вертикальную пропасть, теперь стояла платформа: металлические распорки поддерживали дощатый помост, на котором была укреплена болтами ручная лебедка. На барабане ее — сто метров стального троса. Рядом с этим механизмом на выступе скалы находился телефонный аппарат, провод от него спускался в пропасть.

Все было в порядке, все готово для спуска. Я надел парашютные лямки, зацепил большой карабин за нижнее кольцо стального троса, и два моих товарища начали опускать меня в пустоту, вращая ручки лебедки. На всякий случай в пропасть свисала гибкая лестница, и я мог бы ею воспользоваться, но плавный, уверенный спуск на лебедке был так приятен, что я просто скользил руками вдоль тросов лестницы, чтобы предотвратить вращение,

которое неизбежно усиливается, если свободно висеть в пустоте.

Через несколько минут я оказался на дне колодца, на камнях, где хлюпала вода. Благодаря лебедке я без всяких усилий спустился в Черный колодец глубиной в восемьдесят метров.

Минутой позже я освободился от своей сбруи, и лямки поднялись вверх. Пока они не достигли края колодца, я сидел съежившись под прикрытием, так как камни, отскакивая от стен, со свистом летели сверху и разбивались у моих ног. Так начались действия третьего отряда по спуску в пропасть Пьера. Кто знает, сколько дней займут наши исследования и после каких приключений последний участник поднимется из Черного колодца?

Но пока приключения только начинались.

Ожидая прибытия товарищей и тяжелых рюкзаков, которые тоже нужно было спустить сюда, я разглядывал продолжение пропасти — извилистый, узкий и тесный проход, уходящий вниз, туда, где гулял ледяной ветер. Именно отсюда в прошлом году мне звонила Раймонда, сообщая, что ее группа задыхается от дыма костра, разведенного мной у входа в пропасть. Сейчас мне казалось что я даже различаю клубы дыма: пропасть, куда я готовился спуститься на много часов, была так холодна и враждебна, что невольно хотелось быть у жаркого костра. Не считая себя умелым рассказчиком, не стану приводить все подробности и происшествия дальнейшего спуска — для этого я слишком страстен. Скажу только, что, войдя в пропасть Пьера в четыре часа дня мы прошли через целый ряд вертикальных колодцев расположенных один под другим и разделённых головокружительными балконами, и в полночь добрались до дна десятого колодца. Здесь мы испытали большое чувство радости и удовлетворения, так как глубина, достигнутая нами, равнялась двумстам восьмидесяти метрам.

Это был круглый зал, часть которого представляла собой маленькое озеро. В 1957 году тут был разбит лагерь I, поспешно покинутый из-за сильного паводка. Тогда здесь бушевал опустошительный грязевой водопад: зато сегодня нам досаждало всего несколько ручейков, стекавших из верхних колодцев.

Учтя прошлогодний опыт, мы не стали разбивать лагерь в этом опасном месте, а пошли дальше по горизонтальному ходу к биваку и добрались до него к часу ночи.

Наши предшественники (отряды Гриозеля и Пропо) установили в песчаном зале три палатки. Потолок у них был низковат и довольно неудобен, однако нас это мало беспокоило; после чрезмерно позднего ужина все тотчас улеглись в пуховые спальное мешки.

Вот вам наглядное преимущество разделения экспедиции на группы: при хорошей организации подобный метод дает несомненные выгоды. Три палатки для четверых — такую роскошь редко встретишь под землёй, где обычно бывает до противного тесно!

Мы полностью использовали этот комфорт. Лишь около полудня нас разбудил шумный приход Жикеля, Мореля, Феликса, Раву и Эрни, которые с шутками и обычными в таких случаях угрозами требовали освободить им места, чтобы они тоже могли отдохнуть.

Нам оставалось только подчиниться, но никто и не подумал устыдиться того, что мы проспали до полудня. Под землей образ жизни слишком беспорядочен, здесь отсутствует понятие о времени, здесь всегда ночь!

В соответствии с установленным планом, чтобы избежать заторов и опозданий, мы должны были идти вперед, погружаясь все глубже, в то время как наши товарищи забрались в еще теплые спальные мешки, которые мы вынуждены были им уступить.

И вот мы опять в пути, в подземном походе, трудном и долгом; в лагере II мы будем теперь лишь в полночь, то есть через двенадцать часов. Но это не просто двенадцать часов хода, это двенадцать часов самых разнообразных и изнуряющих гимнастических упражнений. Подтягивание на руках, продвижение ползком в тесных протоках, протискивание в извилинах ужасных расщелин, карабкание, спуски по лестницам, опасное балансирование на каменистых гребнях, продвижение по ломким карнизам, выступающим то над пустотой, то над пенистыми водами маленьких подземных потоков, — все это и прочую акробатику нам приходилось выполнять с невыносимо тяжелыми и громоздкими рюкзаками, которые нужно было нести, катить или волочить за собой.

Кроме того, пришлось еще открыть подземное судоходство на «надувайке», как мы ее называли, чтобы переправиться через длинное и глубокое озеро Хелэна. Здесь, на повороте одной галереи, мы встретили отряды Пропо и Гриозеля, совершавшие такой же переход, только в обратном направлении. Догнал нас и Жикель со своими товарищами. Так во время долгого привала собрались вместе три отряда: первый, второй и третий — всего тринадцать человек. Все радовались встрече, у каждого было о чем рассказать. Впоследствии место нашей встречи мы назвали залом Болтунов.

Именно тут наши предшественники в пропасти Пьера отчитались о своих делах и подвигах, а в особенности об успешном спуске на глубину еще двухсот метров. Их указания и советы могли быть нам весьма полезны во время уже недалекого штур-

ма.

Наконец, мы пожелали тем, кто шел спать в лагерь I успешно завершить переход и выйти из пропасти после восьми суток пребывания под землей.

Они в свою очередь пожелали нам счастливо добраться до лагеря II, не настаивая на дальнейшем продвижении, — у спелеологов тоже есть свои суеверия!

Дальше мы пошли по руслу реки то по крутым ее берегам, то прямо по воде и в полночь сбросили свои тяжелые рюкзаки в лагере II, расположенном довольно любопытно — на каменной площадке, всего на несколько метров возвышающейся над водой.

Эта относительно гладкая плита была бы очень удобна, даже совершенна для бивака, но она, к сожалению, имела весьма неприятный наклон в сторону пропасти, то есть нависла над руслом потока, откуда доносился гул близкого водопада. Те, кто нашел это место и кое-как установил здесь три палатки, называли лагерь II мотелем — по аналогии с мотоотелями, то есть временными лагерями автотуристов.

По правде говоря, нужна была большая фантазия, чтобы найти в этом акробатическом биваке идиллическое очарование кемпинга. Не испытывая особой признательности к тем, кто выбрал это место и устроил здесь лагерь, мы называли его Покатой плитой, но только между собою, чтобы не огорчать наших товарищей из первого и второго отрядов. Впрочем, если бы они предложили нам найти место более подходящее, мы бы этого сделать не смогли — такого просто не было!

Уже за полночь мы поужинали, сидя на корточках с мисками в руках вокруг котелка с лапшой, сваренной на одной из наших газовых плиток, а после ужина расползлись по палаткам. Но сначала надо было надуть резиновые матрацы, причем надуть слегка, чтобы они держались на скале и не соскользнули по наклонной плоскости. Лично я полностью осуществил эту предосторожность, так как мне достался дырявый матрац, и я все время чувствовал под собой каменный пол. Это позволило за долгую и неудобную ночь окончательно установить, что известняк массива Арба удивительно жесток и тверд! Я поделился своим открытием с Феррандесом, моим соседом по «спальне», и это его очень удивило, то как он благодаря хорошему матрацу, а главное — молодости провел ночь прекрасно. Проснулся я рано, раньше всех, и, чтобы прекратить свои мучения, вылез из палатки по телам Феррандеса, Кавалэна и Вейдера, спавших крепким сном. Я зажег ацетиленовую лампу, начал готовить утренний кофе для всего отряда и вдруг остановился ошеломленный: одна из палаток исчезла!

Я начал сильно встряхивать лампу, чтобы она разгорелась поярче, но так как карбидные фонари вначале всегда горят тускло, то ничего не добился. Почти ощупью я приблизился к месту, где еще накануне Ги Морель и Рене Эрни устроились в двухместной палатке. И только тогда убедился, что палатка вовсе не исчезла, а просто обвалилась на своих обитателей, продолжавших сладко спать. На расстоянии пяти шагов из-за слабого освещения мне казалось, что ни палатки, ни спящих уже нет. В трех шагах уже можно было различить неясную сплюсненную грудку.

И наконец, только подойдя совсем вплотную, я смог разглядеть Мореля, который высунулся из палатки по грудь и лежал головой прямо на холодном и мокром камне. Кроме того, оказалось, что палатка и ее обитатели сползли по наклонной плите: голова Мореля была почти у самого края балкона, нависшего над пустотой.

Я осторожно разбудил Мореля и его товарища. К моему великому изумлению, оба заявили, что спали прекрасно и не заметили ничего особенного. Все-таки хорошо быть молодым!

Утро 29 июля 1958 года и часть послеобеденного времени третий отряд посвятил приготовлениям к решительному штурму глубин пропасти Пьера. С отметки 370 метров, где мы находились, нужно было начать спуск по руслу ручья. Первый и второй отряды, пройдя целый ряд порогов, спустились в колодец с водопадом, колодец Надежды, пересекли Зеленое озеро, прошли по галерее Пяти и добрались до отверстия нового огромного колодца Налэна. У подножия второго колодца им преградил путь глубокий бьеф, пересечь его можно было только на надувной лодке, а ее у перерывов отрядов не оказалось. С этого места, расположенного на глубине пятисот шестидесяти метров, третий отряд с лодкой я должен был отправиться в неведомое по направлению к нашей конечной цели — к гроту Гуэй ди Эр, где выходили на поверхность подземные потоки пропасти Раймонды и пропасти Пьера.

Около трех часов дня, после телефонного разговора с внешним лагерем, убедившись, что дождей нет, головной отряд покинул лагерь II. Он состоял из шести человек: Жо Кавалэна, Рене Эрни, Максима Феликса, Раймонда Феррандеса, Ги Мореля и Пьера Вейдера.

Пьер Жикель очень устал и плохо себя чувствовал, а поэтому не смог присоединиться к своим товарищам. Что касается меня, то я тоже счел разумным не спускаться ниже последнего лагеря и не подвергать себя чрезмерной нагрузке. Это был первый случай в моей долгой карьере спелеолога, когда я не пошел до конца во главе подземной экспедиции. Подобная жертва для меня была особенно тяжела, но, когда тебе уже шестьдесят лет, приходится быть благоразумным.

Мои шесть друзей спустились с Наклонной плиты и вскоре исчезли в русле потока. Было установлено, что они вернутся примерно через сутки, но мы с Жикелем хорошо знали, что значат сроки в подобных случаях. Разные трудности и неожиданности, неизбежные при подземных исследованиях, отнюдь не способствуют соблюдению расписания и не позволяют точно рассчитать время возвращения. Тем не менее, поскольку запас продуктов и освещения ограничивал время пребывания головного отряда под землей тридцатью часами, мы ориентировались на этот крайний срок. Но, зная азарт и боевой дух наших товарищей, мы были уверены, что они будут продвигаться до конца, пока у них хватит сил и снаряжения.

День протекал мрачно и тоскливо; мы сидели в лагере II, как наказанные или арестованные, в то время как наши товарищи переживали увлекательнейшие приключения.

Чтобы как-то убить время, мы долго возились с едой, переговорами обо всем, хотя мысли наши то и дело возвращались к ушедшим товарищам, и наконец около десяти часов вечера забрались каждый в свою палатку. На сей раз я смог выбрать себе хороший целый матрац. Постельных принадлежностей и места для меня одного тоже было вдоволь. Но, несмотря на такую благоприятную обстановку, я не смог уснуть: желание узнать, что сейчас делает головной отряд, и тревога за друзей гнали сон.

«В эту минуту, — думал я, — они должны быть на глубине пяти-шести сот шестидесяти метров. Наверное, спускают лодку на черную воду еще не исследованного озера...» Мысли мои сопровождали их, может быть, забегая вперед под темные своды водяных галерей, под брызги водопадов, вдоль таинственных песчаных берегов и дальше, по бесконечным коридорам — к гроту Гуэй ди Эр. И одновременно я отчетливо представлял, как по мере продвижения вперед и вглубь возрастают трудности и опасности. Те, кто действуют и переживают в неведомых глубинах удивительные происшествия, не думают о несчастных случаях. И наоборот, призрак смертельной угрозы с особой навязчивостью преследует одинокого пассивного наблюдателя. Эти мысли не давали мне покоя, я вертелся с боку на бок и не мог заснуть всю долгую подземную ночь.

Около трех часов утра мне показалось, что в постоянном грохоте соседнего водопада выделились один-два необычных звука, похожих на отдаленные приглушенные взрывы.

Я сразу вскочил и долго прислушивался, но ничего подозрительного не услышал. Видимо, слух обманул меня. Но вдруг новый глухой и уже более близкий звук донесся из глубины. Он повторялся через неравные промежутки времени, становясь все

громче. Теперь я начал понимать его происхождение: когда перетаскивают и подтягивают тяжелые рюкзаки со снаряжением, их иногда сбрасывают на землю, и они производят такой глухой шум. Я не ошибся: вскоре до меня дошли другие характерные и хорошо известные звуки. Они подтвердили мое предположение — приближался один из участников экспедиции, волоча свой рюкзак. Я различал царапанье по скале, скрежет его ботинок, его вздохи и непонятный монолог, сдобренный руганью.

Жикель тоже проснулся и поделился со мной своими предположениями.

— Похоже на голос Феррандеса, — сказал он, — но еще не прошло и двенадцати часов, как они вышли. Это плохой признак.

Действительно мы расстались, чтобы встретиться в лучшем случае через сутки, и вот один из участников уже возвращается. Могло быть две причины такого раннего отступления: непреодолимое препятствие или несчастный случай.

Но вот из мрака появляется Феррандес. Весь мокрый, он поднимается к нам с огромным рюкзаком, который, по-видимому, тоже пропитан водой.

Запыхавшийся и обессиленный, на наши настойчивые расспросы он отвечает одной короткой, все объясняющей фразой:

— Там сифон!

Часом позже в подземный лагерь вернулись остальные участники разведки и жадно набросились на еду, подогретую для них Жикелем. Они подтвердили слова Феррандеса.

Группа дошла до водной преграды, остановившей предыдущие отряды, Ги Морель и Максим Феликс спустили на воду резиновую лодку, но, проплыв около ста метров по глубокому бьефу, натолкнулись на сифон. Это был тупик. От сильного удара о каменистый выступ лодка прорвалась и начала погружаться. Нужно было спешно отступать. Однако, несмотря на спешку, лодка все-таки затонула, и Морелю пришлось добираться до берега, поддерживая товарища. Задача была не из легких. Дело в том, что Максим Феликс, первоклассный спелеолог и спортсмен, имел один непростительный в данной обстановке недостаток — он совершенно не умел плавать.

Исследование пропасти Пьера, начатое в 1956 году, закончилось, таким образом, перед сифоном, который не позволял выйти наружу через грот Гуэй ди Эр. Наши предыдущие опыты по окрашиванию доказали существование единой гидрогеологической системы, но пройти ее из конца в конец спелеологи не смогли.

Тем не менее они спустились на значительную глубину — пятьсот шестьдесят четыре метра. Что касается сифона, то его, видимо, можно преодолеть под водой, но он расположен на слиш-

ком большом расстоянии от внешнего отверстия и на слишком значительной глубине. Туда трудно доставить необходимое снаряжение — акваланги, костюмы и баллоны со сжатым воздухом, требующие при переноске особой осторожности, а, кроме того, исследования на таком расстоянии от поверхности сопряжены с очень большой опасностью. Разумнее было вовсе не браться за это дело.

Оставалась, впрочем, еще одна предусмотренной программой возможность: проникнуть через сифон со стороны грота Гуэй ди Эр.

В 1956 году доктор Дюфур из Парижского спелеоклуба преодолел там один сифон, находившийся в ста пятидесяти метрах от входа в грот. Вернувшись в 1957 году в эти места, тот же доктор Дюфур опять прошел этот сифон и заявил, что грот кверху, то есть по направлению к пропасти Пьера, имеет вполне доступное продолжение. К несчастью, пересекая сифон вторично, он погиб в возрасте тридцати двух лет, сраженный гидрошоком. Это опасное и мало известное явление он специально изучал в течение многих лет и сам стал его жертвой.

Подъем на поверхность со дна пропасти Пьера через несколько ярусов и вертикальных колодцев со всем снаряжением, скопившимся в разных подземных лагерях (тридцать пять рюкзаков общим весом в шестьсот килограммов), был трудной задачей, подвергшей всех участников экспедиции 1958 года суровому испытанию. Подъем производили последовательно, по этапам, расположив всех участников цепочкой. Даже Раймонде пришлось принять участие в этой операции и спуститься на глубину до трехсот метров.

Лично мне такой подъем не показался бы особенно тяжелым в былые времена. Но, признаюсь, что если я не стал обузой, то и помощи от меня на сей раз было немного. Я довольствовался тем, что доставил на поверхность свой рюкзак и свою собственную персону, — это все, что позволил мне мой возраст: шестьдесят один год...

На поверхности меня встретила августовская ночь. Привыкнув к низкой температуре и сырости пропасти, я задохнулся от теплоты и тяжести предгрозового воздуха.

«Два дня и три ночи, проведенные под землей, не очень подействовали на вас», — это высказал мне с жестокой непосредственностью один из самых младших участников экспедиции — молодость не знает жалости! Встретив меня у выхода, он заявил, что для «развалины» я еще «вполне ничего»!

Прежде чем покинуть пропасть, вся головная группа — Морель, Кавалэн, Феррандес, Раву, Эрни и Вейдер — нашла в себе доста-

точно мужества, чтобы ещё подняться вверх по течению потока, куда до них никто не проникал, но вынуждена была остановиться перед вертикальным водопадом высотой около десяти метров. Они продвинулись на триста пятьдесят метров в сторону пропасти Раймонды, сократив на это расстояние неисследованный участок между двумя соседними пропастями, объединенными одной и той же подземной рекой. В конце экспедиции мы организовали последнюю вылазку в пропасть Раймонды, чтобы добраться до большого стотридцатиметрового водопада и, если возможно, спуститься в него. Но мы слишком переоценили свои силы. Люди были сильно утомлены неоднократными и трудными спусками в разные пропасти системы Тромба, и потому наша попытка потерпела полную неудачу. Спелеологи вернулись, даже не дойдя до водопада.

Сифон грота Гуэй Ди Эр

Однако экспедиция 1958 года не закончилась этим несколько обескураживающим поражением. Трое участников экспедиции еще смогли прославиться в гроте Гуэй ди Эр, где кончалась и выходила на поверхность система Тромба.

С 1956 года опыты окрашивания воды обнаружили, что подземный поток протекает через пропасти Раймонды и Пьера и появляется на поверхности через грот Гуэй ди Эр.

В 1956 году в этой пещере действовали наши коллеги из Парижского спелеоклуба, и доктор Дюфур победоносно преодолел сифон. Мы в то время гротом Гуэй ди Эр не занимались.

В 1957 году мы также воздержались от исследования Гуэй ди Эр. Именно тогда здесь трагически погиб доктор Дюфур. Но в 1958 году парижские спелеологи дали нам знать, что они сюда не вернутся, и мы должны были в свою очередь попробовать пересечь зловещий сифон. Я нырнул в него голым без всякого снаряжения в 1930 году, а затем в 1948 году с неисправным аппаратом «Ле Приер».

4 августа 1958 года сильная группа марсельцев и скаутов из Экса прошла через Гуэй ди Эр и доставила к сифону, расположенному примерно в ста пятидесяти метрах от входа, тяжелое и громоздкое подводное снаряжение.

Точно в пятнадцать часов двадцать пять минут Ги Морель в костюме с аквалангом, поясом со свинцовыми грузилами и герметическим фонарем в руке нырнул под каменистый, погруженный под воду свод. За ним потянулся нейлоновый шнур, которым он был опоясан. От сильных взмахов ласт вода сразу помутнела. Бульканье больших пузырей, лопающихся на поверхности, становилось все реже и реже, а потом и вовсе прекратилось. Это был

верный признак того, что наш человек-амфибия продвигается вперед и воздух, выдыхаемый им, задерживается где-то в верхней части сифонного свода!

С хронометром в руке я ждал условленного сигнала: трех рывков веревки, которые должны были нас известить о благополучном выходе ныряльщика на другую сторону сифона.

Точно через полторы минуты Жикель, державший веревку, почувствовал три рывка. Теперь мы должны были ждать. Морель взял с собой телефонный аппарат в герметической упаковке и протянул за собой, помимо нейлонового шнура, телефонный провод. Ему нужно было время, чтобы распаковать телефон и сделать необходимые подсоединения, прежде чем установить связь.

Раздался звонок: вызывал Морель. Он легко пересек подводный туннель длиной около двадцати метров и подтвердил то, что мы уже знали после первого погружения доктора Дюфура: на другой стороне сифона есть песчаный пляж, а дальше — просторная галерея с очень высокими сводами, по которой струится ручей.

Следующий ныряльщик, Ив Гриозель, был готов присоединиться к Морелю и уже стоял по пояс в воде. Он нырнул, но это оказался ложный старт — мы тут же увидели его снова. Он кашлял и плевался: его плохо пригнанная маска пропускала воду. Гриозель вновь нырнул, энергично работая ластами. Глядя на циферблат часов, я ждал, пока пройдет полторы минуты — столько времени потребовалось для переправы Морелю. Но вот прошла вторая минута, и стрелка на циферблате начала уже отсчитывать третью. Все смотрели на Жикеля, державшего сигнальную веревку. Но взгляд его оставался пристальным, лицо напряженным: веревка не шевелилась. Позвонили по телефону. Ответа не было.

Ужас охватил нас, молчание становилось невыносимым, грозное и тяжелое молчание, полное воспоминаний о прошлогодней трагедии. И еще эта маска, пропускавшая воду... Истекла третья минута... Все еще ничего... Жикель сделал знак третьему ныряльщику, уже стоявшему по грудь в воде.

— Давай, Уа-Уа!

И вот Уа-Уа, он же Жак Паран, погружается на поиски Гриозеля, который непонятно почему молчит и не появляется из сифона.

В ту минуту, когда мой хронометр, переведенный на нуль, показывал минуту сорок секунд, Жикель ощутил три долгожданных рывка: Уа-Уа прибыл. Но где Ив Гриозель?

В этот момент телефон наконец зазвонил, и начался оживленный разговор.

— Где Ив? — нетерпеливо спросил Жикель.

— Как «где»? — ответил Морель. — Ив с нами. Мы ошолбенели.

— Но почему не было сигнала, трех рывков веревки?!

Телефон на несколько секунд умолк, потом послышался голос Ива Гриозеля.

— Простите меня, — сказал он. — Я добрался благополучно, но был так взволнован и так счастлив, что совсем забыл об инструкции. Я ведь пересек первый в моей жизни сифон!

Вот, стало быть, и вся причина молчания, повергшая нас в ужас!

Атмосфера разрядилась, настроение у всех снова повысилось. Каждый хотел поговорить по телефону с храбрыми аквалангистами. Они были на расстоянии всего каких-нибудь двадцати метров, но нас разделял враг «номер один» — сочетание воды и камня, который называется сифоном.

Разговоры окончены. Наши товарищи, сняв снаряжение, должны теперь обследовать неведомую часть пещеры, где каждый шаг приближал их к крайней точке, достигнутой нами в пропасти Пьера.

— Сейчас шестнадцать часов, — сказал Морель. — Условимся, что мы исследуем верховье в течение двух часов. В восемнадцать часов позвоним вам по телефону.

Два часа пролетели быстро, тем более, что это были два последних часа экспедиции, которая длилась уже двадцать пять дней.

В восемнадцать часов сорок семь минут зазвонил телефон, и одновременно от сильных рывков задрожала нейлоновая веревка. Это был Морель. Он сообщил:

— Частью вброд, частью вплавь мы поднялись по течению подземного потока в просторный вестибюль. Мы его называли галереей Доктора Дюфура. Подъем очень незначительный. Мы встретили только один маленький трехметровый водопад. Дальше, через тысячу четыреста метров, нас остановил новый сифон.

Итак, наши друзья славно поработали: они прошли туда и обратно около трех километров, включая водные преграды.

Затем операция по преодолению сифона повторилась в обратном порядке: из воды друг за другом появились Гриозель, Паран и наконец Морель. Как серьезный и сознательный командир отряда, он переплыл сифон первым и покинул его последним.

Через полчаса наш тяжело нагруженный караван вышел на поверхность и остановился перед мемориальной доской, вмурованной в стену у входа в пещеру товарищами доктора Дюфура. После минуты молчания Жикель произнес несколько слов в память о храбром пионере, герое и жертве Гуэй ди Эр.

Хорошо, что эта короткая церемония происходила после погружения, а не до него; учитывая психологические факторы, такое решение не требует пояснений.

Экспедиция 1958 года в Кум-Уарнэд закончилась 4 августа уже в сумерки, и теперь можно было подвести итоги.

В пропасти Раймонды мы не продвинулись ни на шаг. Единственным нашим приобретением были точные сведения о глубине большого колодца с водопадом, то есть колодца Дельтея (130 м), и изучение проблемы будущего спуска в эту пропасть при помощи лебедки.

Открытие пропасти Плесси, несмотря на ее двухсотметровую глубину, было всего лишь небольшим дополнением, так как она оказалась закупоренной и не связанной с соседними пропастями системы Тромба.

Колодец Ветра, наоборот, привел нас почти к самой пропасти Пьера. Вполне возможно, что между двумя пропастями существует сообщение.

В пропасти Пьера экспедиция 1958 года позволила нам проникнуть вглубь еще на двести метров и довольно далеко продвинуться к Гуэй ди Эр. Кроме того, подъем по коридору Жермена сократил расстояние от пропасти Раймонды всего до двухсот семидесяти метров.

И наконец, в Гуэй ди Эр трое аквалангистов продвинулись вперед на один километр четыреста метров по направлению к пропасти Пьера. Неисследованными оставались не более пятисот метров.

Спелеологи и на сей раз поработали хорошо и могли быть удовлетворены полученными результатами.

Изучение и исследование системы Тромба становилось все более увлекательным.

Мы расстались, назначив, с привычным для людей подземелий оптимизмом, новую встречу на Кум-Уарнэдо в июле 1959 года, чтобы, если возможно, покончить с системой Тромба.

Четвертая экспедиция (1959 г.)

Это было чудесным утром 21 июля 1959 года. Словно в день битвы под Аустерлицем, яркие лучи солнца посылали счастливое предзнаменование нашей четвертой подземной экспедиции.

Совершив десять вылетов, самолет «Норд 2.501» с базы воздушно-десантных войск в По сбросил двадцать шесть парашютов. Парашюты приземлились тесной группой близ сигнальных полотнищ и дымовых шапек у тальвега Кум-Уарнэда.

В тот же день на обычном месте началась разбивка лагеря. На следующий день лагерь был готов. Стараниями Андре Магалья — жителя Экса — все было предусмотрено и налажено; удалось даже установить алтарь, на котором Р. П. Фреми, участник экспедиции 1957 года, мог ежедневно служить мессу, если не слишком задер-

живался под землей.

Состав нашей спелеологической группы, в которую входило двадцать пять человек, был, в основном, прежним, хотя кое-кто и отсутствовал. Ги Морель, Максим Феликс, Раймонд Феррандес, Даниэль Леша были призваны в армию. Еще пятерым — Раву, Ребулю, Риспи, Вейдеру и Бувэ — другие обстоятельства помешали принять участие в нынешней экспедиции. Но их места заняли спелеологическая группа Прованса и скауты второй группы из Экса. Новое пополнение состояло из настоящих энтузиастов, решивших блеснуть отличным спелеологическим мастерством. Жикель и Магаль руководили группой из Экса, а Гриозель и Проппо — группой из Марселя. Они с нами — значит, все должно идти как нельзя лучше.

Но на этот раз в Кум-Уарнэде было и нечто новое: в наших рядах стало больше женщин. Мадам Ани Жикель и Раймонда Кастере были постоянными участницами всех походов с 1956 года. Теперь среди нас впервые появились молодожены — чета Проппо и чета Паран, а также мадемуазель Кристофаро и мадемуазель Пласид.

Это не замедлило благоприятно сказаться на пище и ведении хозяйства. Время от времени можно было наблюдать, как на открытом воздухе женщины чинили различные предметы экипировки. Это были главным образом холщовые комбинезоны, нередко превращавшиеся в лохмотья.

Состав пиренейской группы не претерпел никаких изменений. В нее снова входили Дельтей, Бюга с сыном Франсисом и Норбер Кастере с дочерью Раймондой.

Наконец, к нам присоединился иностранец — швейцарец Жорж Брандт; за год до этой экспедиции он зарекомендовал себя как превосходный спелеолог.

К концу второго дня разразилась сильная гроза с градом и резкими раскатами грома. У массива Арба были свои капризы. Через наш лагерь протекал ручей. Часть его вод через многочисленные отверстия стекала в подземную систему Тромба. Внезапно ручей вздулся, и произошло бурное наводнение — красноречивое и тревожное свидетельство подземных возмущений.

Главная цель нынешней экспедиции состояла в том, чтобы добраться до стыка пропасти Раймонды с пропастью Пьера; поэтому все наши усилия надлежало направить на обследование этой пещеры и ее сокровеннейшего уголка — колодца Дельтея.

Нам предстояли серьезные трудности. Надо было перенести оборудование, спускаясь в многочисленные колодцы, преодолевая узкие тектонические трещины и извилины, форсируя в надувной лодке подземные водоемы.

С тяжелым грузом за спиной нашему отряду предстоял пятичасовой путь до колодца Дельтея, где с высоты ста тридцати пяти метров низвергался водопад. А если учесть, что предстояло взять с собой чрезвычайно обременительный груз — лебедку со стальным сто-стопятидесятиметровым тросом, чтобы обеспечить спуск передовых отрядов, то время перехода могло удвоиться.

Все участники экспедиции в несколько приемов переносили оборудование, и лишь к концу шестого дня непрерывной работы нам удалось установить лебедку и рабочем положении, водрузив ее на раму из металлических угольников системы «Дексион», смонтированную в крайне неудобном и опасном положении на краю колодца. Членам отряда приходилось крутить рукоятку, стоя по колено в воде и принимая поистине акробатические позы. Сзади шумел каскад, и их непрерывно обдавало водяной пылью.

31 июля к часу дня группа в составе Макса Парана, Робера Венсана, Ива Феликса и Робера Рапа смогла наконец обновить лебедку, то есть убедиться, что она четко работает и что при помощи ее можно вести глубинную разведку.

Я полагал, что верно определил глубину колодца Дельтея (130 м), и не считал нужным зондировать его ветвь; но меня, как и всех моих товарищей, очень интересовал результат первого спуска, который должен был совершить Робер Венсан, участвовавший в первой экспедиции на Кум-Уарнэде в 1956 году. С общего благословения наш друг получил почетное и сопряженное с величайшей опасностью право испытать лебедку и первым погрузиться в колодец Дельтея. Он надел парашютные лямки и, вооружившись на всякий случай пятимиллиметровым тросом, перешагнул через край колодца и начал медленно спускаться по электроновой лестнице. Располагая телефонным аппаратом, он мог шаг за шагом управлять всей процедурой и сообщать нам обо всем, что видел.

Первые двадцать метров он спускался, касаясь стены, по которой текла вода. На мгновение Венсан встал на крохотный, буквально призрачный карниз. На глубине пятидесяти метров он нащупал еще один карниз, больший, но столь же неудобный. Здесь колодец суживался и стены его тесно сближались; кто знает, может быть, через эту узкую щель сможет пройти лишь разведочный лот?

Слабый свет налобного электрического фонаря и обильные струи водопада совершенно не позволили оценить ни размеров колодца, ни его строения. Но вот Венсан, оторвавшись от нависающего выступа, погрузился в непроглядный мрак величественной бездны. Наверху товарищи медленно вертели рукоятку ле-

бедки и сообщали Роберу, что он погружается все ниже: шестьдесят метров, восемьдесят метров, сто метров...

На глубине ста четырнадцати метров невозмутимый Венсан вдруг закричал, что постепенно вырисовываются очертания дна колодца: оно залито водой, кое-где выступают большие камни. Но тут произошло тревожное событие: оно не может прийти по вкусу человеку, который собственным телом зондирует бездну. Венсан почувствовал, как трос стал неподвижным — спуск прекратился. Бурный протест Венсана не имел успеха — его неумолимо поднимали.

Что произошло? А вот что: люди у ворота, с удовлетворением отметив нормальную работу устройства, верные всем инструкциям и заранее принятой программе, подняли нашего «подопытного кролика». Убедительный эксперимент считался законченным.

Робер Венсан был слишком флегматичен и чересчур дисциплинирован, поэтому он не очень рьяно протестовал против преждевременного и неотвратимого подъема. Но нетрудно понять, как страдала его душа, душа спелеолога, — разочарование было так велико! Увидеть краем глаза дно колодца, куда все мы три года мечтали спуститься, и ощутить, что тебя поднимают, когда ты так близок к цели! Это были поистине танталовы муки!

Теперь наступила очередь передового отряда. Его ждали водные лабиринты пропасти Раймонды. Члены отряда должны первыми коснуться дна колодца Дельтея и вести дальнейшие исследования, опускаясь всё ниже.

Через два часа передовой отряд подошел к вороту. Теперь очередь Ива Гриозеля. Он первым приземлил с я на дне колодца Дельтея. Ему удалось уточнить глубину колодца: она оказалась равной ста тридцати пяти метрам (в 1958 г. грузило моего лота, коснувшись там на дне, показало глубину 130 м).

Спуск Гриозеля проходил при весьма своеобразных обстоятельствах. Все, что он, пользуясь ларингофоном, увлеченно рассказывал нам во время спуска, передавалось по телефону в верхний лагерь, который находился на поверхности, и записывалось там на магнитофон.

Когда-то человек, молча и в одиночку спускаясь в пещеры, не мог и мечтать о подобных средствах. Теперь же мы могли шаг за шагом следить за погружением в колодец разведчика; он же с энтузиазмом и жаром описывал убранство преисподней. Чем глубже проникал он в глубины гигантского колодца, тем больше открывался ему его облик. Многочисленные происшествия с тросом и лестницей, переплетававшимися друг с другом и с телефонным проводом, волнение, звуки речи и усилия человека, который висел и боролся в пустоте, — все это передавалось с большой

точностью. До нас доходил даже шум воды, которая барабанила по его каске и стекала по непромокаемому комбинезону.

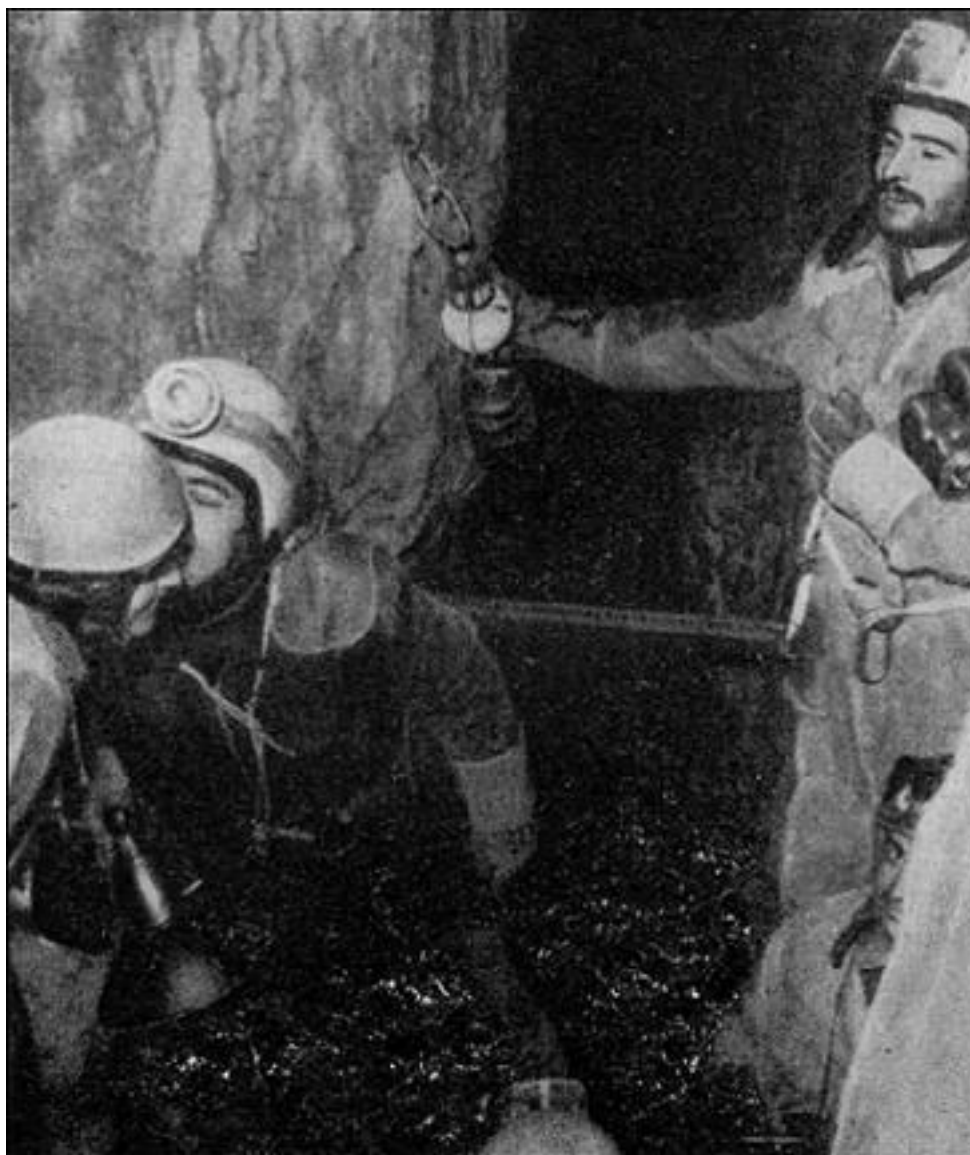
Звуки сочетались и взаимодействовали. Ведь рядом с лебедкой был установлен еще один телефон, и мы слышали дребезжание машины попеременно с голосами людей, вертевших рукоятку.

Все это доносилось из бездны и воспроизводилось наверху, на лужайке; мы сидели вокруг магнитофона, и наш лагерь при свете луны представлял собой пленительное и фантастическое зрелище.

Наконец Ив Гриозель сообщил нам, что видит контуры колодца — круглое озеро и огромные камни. Ступив на дно, он, разумеется, в первую очередь стал искать отверстие, через которое уходил поток воды, сопровождавший его на протяжении стотридцатипятиметрового спуска.[8]

Жерар Пропо (в центре) перед началом подъема из Черного колодца. Справа — Жак Паран, по прозвищу Уа-Уа

Пьер Жикель прощается с женой перед спуском в чудовищную пропасть Пьера

Во время подземного наводка 15 августа 1957 г. телефонная сеть не была повреждена, и Пьер Вейдер вел переговоры с поверхностью

Пьер Жикель, глава спелеологов Экса, в пропасти Пьера, открытой им в 1956 г.

Над Черным колодцем установлена платформа с лебедкой

Пропастъ Пъера. Глубина- 252 м. Пропо и Парам подогревают кофе

В лагере II в пропасти Пьера очень холодно, и Жан Налэн согревается в палатке

Искал Гриозель долго, поиски оказались нелегкими. Им препятствовало все: и грандиозные размеры нижней части пещеры, и туман, в котором скрывалось озеро. Жалкий луч лампы не мог пронизать мрак. Но в конце концов Гриозель нашел водоотвод. Он сулил нам новые возможности и пробуждал новые надежды. Ведь это «водное авеню» тянулось к востоку, то есть как раз в сторону пропасти Пьера, до которой оставалось метров триста. Гриозель поспешно обследовал метров пятьдесят «подземного вестибюля» и убедился, что он продолжается вглубь. Путь для дальнейших исследований был открыт. Гриозель возвратился к озеру на дне колодца Дельтея. Скоро сюда спустились остальные члены передовой группы — Пьер Жикель, Жо Кавалэн и Жерар Пропо.

1 августа 1959 года в два часа ночи передовой отряд форсировал в надувной лодке два озера, спустился на восемь метров вниз по течению каскада. На каменистой террасе, нависавшей над подземным потоком, отряд разбил бивак — две сверхлегкие палатки.

Передовая четверка, развернув телефонный провод и дотянув его до палаток, сообщила нам, что расположилась на продолжительный отдых. Отдых был необходим. Люди сильно устали, а впереди их ждали еще серьезные испытания, хотя даже представить себе, какие неожиданности могут таиться в пещерном мире, невозможно.

Лишь 2 августа (не помню, в котором часу), совершив предварительную разведку в соседней пропасти мы узнали, каков был дальнейший маршрут передового отряда.

Из бивака четверо разведчиков — двое из Экса и двое из Марселя — спустились на десять метров вдоль нового водопада и перебрались на лодке через небольшое озеро. Внезапно они очутились у жерла большого и очень обводненного колодца шестидесятиметровой глубины; в колодец пришлось спускаться, пользуясь лестницей, причем на всем пути разведчиков обдавало холодным душем. На дне колодца спелеологов ожидал сюрприз. Дело в том, что до сих пор они шли к востоку, то есть в направлении пропасти Пьера, от которой их отделяло не более ста пятидесяти метров. Резкий поворот завел, однако, разведчиков на запад, и они отклонились в сторону. Но это был лишь мимолетный эпизод, и вскоре четверка отправилась в путь по бесконечным извилистым ходам. Пришлось спускаться по отлогому коридору, в трех местах встретились каскады, Вода низвергалась здесь с шести-восьмиметровой высоты.

Пройдя дальше, разведчики проникли в песчаный «вестибюль», где ручей терялся в аллювиальных наносах^{919]}.

Исчезновение ручья встревожило разведчиков, они ускорили шаг и внезапно очутились перед «водохранилищем» — глубоким бассейном, который упирался в затопленную водой щель — непроходимый сифон. Сифон этот был тем тупиком, где кончалась пропасть Раймонды.

Когда на пути вставало непреодолимое препятствие, разведчиков охватывала злоба. И на этот раз они, стора от нетерпения, принялись за поиски возможного продолжения коридора; однако надежды их оказались тщетными. Разведчики добрались до конца пропасти Раймонды, одержав над ней полную победу, но, увы! стало ясно, что с соседней пропастью Пьера не было никакого хода сообщения, хотя между ними существовала гидрографическая связь. Об этом свидетельствовали двукратные опыты с флуоресцеином, и мы по праву называли всю подземную систему стока

системой Тромба. Три года мечтали мы открыть связь между двумя пропастями, но туда, куда просачиваются воды ручья, не всегда может пробраться человек. Этому мешала узкая трещина, — через которую уходила вода. Попрощавшись с пропастью Раймонды, Гриозель и Кавалэн нацарапали на стене, где виднелись следы наводнений, свои инициалы и дату — 2 августа 1959 года. Тут же они отметили и достигнутую ими глубину — сорок восемь метров.

Эта цифра напомнила мне о соседней пропасти Хенн-Морт, где в 1947 году мы с Марселем Лубаном встретили такой же непроходимый сифон на глубине четырехсот сорока шести метров. Мне вспомнился исход разведки в пропасти Пьера в 1958 году: там путь преградил сифон на глубине пятисот шестидесяти четырех метров. А вслед за этим в памяти всплыл огромный, лишенный выходного отверстия концевой зал, который на глубине примерно семисот метров запирает пропасть Пьер-Сен-Мартен.

Наша разведывательная группа проявила мужество и упорство, ей удалось добраться до самых сокровенных глубин пропасти, но весть о непреодолимой преграде в недрах Кум-Уарнэда вызвала у всех участников экспедиции глубокое разочарование.

И вот мы принялись за подготовку к тяжелой и грустной работе по подъему на поверхность разведывательной группы, снаряжения, оборудования. Действительно, горько «разоружать» бездну, поглотившую тонны материалов, оборудования, припасов, осветительной аппаратуры.

3 августа в четыре часа утра передовой отряд, находясь на дне колодца Дельтея, связался с нами по телефону. Разведчиков окутывало струями водопада, но даже в этих нечеловеческих условиях они стойко держались четыре дня и четыре ночи.

Говорил Жо Кавалэн: его отпуск истек, и ему нужно было спешно отправляться на стажировку в Железнодорожное ведомство в Страсбург. Мы подтянули стажера к верху колодца, и он первым вышел на поверхность. Жо так торопился, что все говорили: «Ну уж теперь вас непременно назначат начальником станции!»

Затем мы приступили к подъему второго члена отряда, но вдруг из глубины пропасти до нас дошла захватывающая новость. Совершая последний обход ротондообразного основания колодца Дельтея — зала, в котором могли бы поместиться Триумфальная арка, Дом инвалидов или башни и шпиль Нотр-Дам, Ив Гриозель в четырех-пяти метрах над головой обнаружил «слуховое окно». Одержимый любопытством и вдохновением, он вскарабкался туда и проник в обширный зал, посреди которого зияло отверстие внушительного колодца. Склонившись над его краем, Гриозель стал сбрасывать вниз камни. Глубина колодца была, видимо, не

меньше шестидесяти метров.

Новое открытие привело всех в волнение. Ведь это означало, что пропасть Раймонды таила в себе еще одну дренажную сеть. Появилась надежда, что эта сеть сообщается с пропастью Пьера, и это снова вернуло нам радужное настроение.

Однако нужно считаться с крайней усталостью разведчиков, которые после четырех дней изнурительного пребывания под землей не могли идти на приступ нового огромного колодца. Было абсолютно необходимо поднять людей на поверхность и сменить старый отряд новым. Эту роль должна была принять на себя команда поддержки.

Я настоял, чтобы все участники экспедиции для подготовки к следующему штурму расположились на двухсуточный отдых, восстановили силы и починили поврежденное оборудование. Товарищи единодушно приняли это своевременное решение и приступили к его осуществлению. Передовая четверка была доставлена на поверхность. Смелчакам пришлось перенести неслыханные трудности, причем из-за самых разнообразных случайностей: непрерывно путаясь между собой и грозя оборваться, цеплялись за стенку снасти, разорвался телефонный провод, из-за чего надолго прервалось связь, и т. д. Людей из отряда поддержки, то Кореллу, то Пуликена, пришлось высылать на выручку; необходимо было отцепить конец троса от уступа, который находился на глубине пятидесяти метров. А Пьера Лафона мы отправили на самое дно колодца, чтобы найти оборвавшуюся стальную нить и спустить сверху новый телефонный провод.

Первым в пять часов утра поднялся Кавалэн; Жикель, оставаясь последним на дне колодца, вернулся лишь в семь часов вечера. Потребовалось четырнадцать изнурительных и опасных для жизни часов, чтобы из колодца Дельтея извлечь четырех разведчиков и пятнадцать мешков со снаряжением.

Итак, передовой отряд провел под землей пятеро суток.

Два дня отдыха — и с криками «Вперед! На штурм второй подземной сети!» первая группа поддержки приступила к спуску в пропасть Раймонды. Этой шестерке предстояло обеспечить спуск в колодец Дельтея нового передового отряда в составе Гриозеля, Венсана, Рапа, Лафона, Феликса и Пернена. Лихой и неутомимый Ив Гриозель, руководитель первого отряда разведчиков, возглавлял теперь и второй; его энтузиазм и знакомство с колодцем были для спелеологов залогом успеха.

Дельтей (а он на себе испытал все трудности, которые возникали при спуске и подъеме троса) теперь, спускаясь в зияющую бездну, придумал действенное приспособление: металлический бочонок с соответствующим балластом.

Груз увлекал конец троса, и он легко скользил вдоль стенки колодца, не цепляясь за всевозможные выступы.

Серьезный и непредвиденный инцидент прервал спуск передового отряда и помешал двум его членам присоединиться к своим товарищам на дне колодца.

Во время спуска Гриозеля Эмиль Бюга, который с самого начала находился у рукоятки ворота, вдруг испугался и объявил, что с тросом происходит нечто крайне тревожное: он скручивался, сворачиваясь в чудовищные узлы, на нем завязывались «банты». Короче говоря, вконец изношенный трос оказался совершенно непригодным.

Пернен и Феликс должны были остаться наверху, и с обычной осторожностью мы сообщили об этой новости нашей четверке: Гриозелю, Венсану, Лафону и Рапу.

С хладнокровием и философским спокойствием, которые проявляют истинные спелеологи при самых непредвиденных (чтобы не сказать больше!) обстоятельствах, они заявили по телефону, что в «нашем составе все-таки четверо». А потом заверили нас, что пока достают новый трос, им есть чем заняться, ведь предстоит исследовать новую сеть! Вскоре отряд исчез в «слуховом окне», которое только что открыл Гриозель.

Именно тогда некоторые газеты бесстыдно печатали преувеличенно мрачные и зловещие заголовки: «Тревога в Кум-Уарнаде... Четверо спелеологов отделены четырьмястами метрами от поверхности; они остались без продовольствия и без света...»

Даже если допустить, что наша четверка действительно могла временно оказаться в таком положении, то при всех обстоятельствах мы снабдили бы узников бездны съестными припасами и источникам света. Нужный груз можно было просто пустить на веревке или, на худой конец, просто сбросить в колодец.

А вдруг разразится гроза? Передовой отряд попадет в смертельно опасное положение. Об этом думали мы все и, конечно, те, кто был под землей. В случае грозы подземный ручей превратился бы в бешеный поток и отрезал бы путь отступления группам поддержки, так как вода заливал коридоры порой до самых сводов. А каскад в колодце Дельтея? Смешавшись с мощными потоками, он достиг бы апогея своей клокочущей разрушительной силы. К счастью, нас не постигло это бедствие, но оказалось, что мы были на волоске от гибели: гроза, внушавшая столько опасений, разразилась сразу же после того, как спелеологи покинули бездну. Лишь спустя двое суток мы смогли извлечь оставшееся под землей оборудование и снаряжение.

Как только неприятная весть о порче троса дошла до верхнего лагеря, Жикель и Брандт тотчас же отправились пешком к пере-

валу Порте, а оттуда на машине помчались в Тулузу. Из Тулузы они сообщили, что куплен новый стопятидесятиметровый трос. Хотя мы очень спешили, но лишь спустя двое суток группа во главе с Дельтеем достигла колодца, названного его именем, и смогла заняться сменой троса.

Передовая четверка томила в бездне, время там тянулось бесконечно — ведь предпринятая ими разведка, к сожалению, заняла лишь ничтожную часть этого времени.

Безусловно, исследование колодца глубиной шестьдесят метров — задача трудная и опасная. Ведь здесь при спуске все время приходилось балансировать на шатких карнизах, и это очень напоминало работу трубочистов. Но разведка не прерывалась ни на минуту.

Перебравшись через «слуховое окно», Ив Гриозель и Робер Венсан открыли красивый зал; его стены были глухи и крепки, только в одном месте открывалась лазейка — узкий проход с низким сводом. По нему Ив и Робер проползли пятнадцать метров, а затем оказались в полном тупике.

Проточные воды, некогда заполнявшие эту теперь оставленную водой и преданную забвению мертвую систему, отложили в ней мощные слои известкового осадка и образовали многочисленные сталагмиты. Водный путь к бездне Пьера давно был закрыт, и закрыт наглухо. В 1959 году, когда минуло несколько тысячелетий с тех пор, как исчезли древние подземные ручьи, сюда, в этот «медвежий ров», пришли спелеологи. Тщетными, однако, были их труды; спустя несколько дней они снова убедились, что сообщения между пропастями Раймонды и Пьера нет. Один из нас сделал по этому поводу ясное и удачное заключение: «Вместо пропасти Раймонды — Пьера глубиной семьсот тридцать метров существуют пропасть Раймонды глубиной четыреста сорок восемь метров и пропасть Пьера, глубина которой пятьсот шестьдесят четыре метра».

Трудно было сказать лучше и лаконичнее.

Но оставался последний шанс, предстояло обследовать третью пропасть в Кум-Уарнэде: колодец Ветра, который я открыл и окрестил в 1956 году. Крайне любопытно, что колодец этот располагается между пропастями Раймонды и Пьера и отнюдь не исключено, что он связан с ними.

В 1958 году в колодце Ветра на глубине ста метров был обнаружен колоссальный зал. Участники экспедиции, которые открыли его, поразили меня, заявив, что в этом отлогом зале ими пройдено двести пятьдесят метров.

В 1959 году передовой отряд (Ив Феликс, Жорж Брандт, Марк Пуликен и Раймонда Кастере) спустился в колодец Ветра, провел

там тридцать часов и вернулся, обогатив свой спелеологический опыт. Они утверждали, что в 1958 году спелеологам не удалось полностью осмотреть этот зал и что в действительности длина его составляет четыреста метров... И в 1959 году разведчики были не только заинтересованы, но, если так можно выразиться, загипнотизированы громадным залом. Однако они не смогли найти ни одного бокового прохода, который вел бы к большому колодцу (я говорю о колодце, куда из-за недостатка оборудования не удалось спуститься в 1958 г.). До сих пор еще не разгадана тайна колодца Ветра и не изучено его продолжение и возможное сообщение с пропастью Пьера.

Последним объектом экспедиции 1959 года оставался грот Гуэй ди Эр, куда стекают воды системы Тромба. Наши спелеологи-амфибии за год до этого честно потрудились, форсировав первый сифон и пройдя вверх по течению тысячу четыреста метров до второго сифона, обследование которого значилось в программе 1959 года. К несчастью, из-за грозы вздулись подземные ручьи Гуэй ди Эр, и, несмотря на неоднократные попытки, Жак Паран, Пьер Жикель и Пьер Лафон не сумели перебраться даже через первый сифон.

Итак, пропасть Раймонды оказалась закупоренной; в колодце Ветра и в Гуэй ди Эр мы также потерпели неудачи. Кум-Уарнэд в этом году оказался немилостивым, система Тромба упорно сопротивлялась всем нашим попыткам проникнуть в ее пределы.[10]

В 1959 году мне было запрещено участвовать в подземных исследованиях с грузом за спиной, а также в группах поддержки и смены, ибо доктора сочли, что мне отныне противопоказана длительная и изнуряющая нагрузка. По этим, а также более веским причинам я не домогался участия в передовых отрядах. Ведь мое участие в таких работах могло оказаться обременительным — только молодым и неутомимым дано счастье трудиться под землей.

Учитывая мой возраст и пределы моих возможностей, мне поручили обследование верхней части пропасти Раймонды, то есть прохода, который на глубине семидесяти метров сворачивает в сторону и уходит в направлении, противоположном пропасти Пьера и колодца Дельтея. Этот проход для нас никакого интереса не представлял — следуя по нему, я естественно и неотвратимо должен был прийти к глухим пальцеобразным разветвлениям и малопривлекательным тупикам. Все же в глубине души я не терял надежды, что, может быть, мне удастся внести вклад в общее дело. В предыдущем году Максим Феликс пытался подняться по этому коридору; возвратившись, он сообщил мне сведения, которыми я воспользовался при первой же разведке.

6 августа я спустился по лестнице в верхний тридцатиметровый колодец пропасти Раймонды. Вместе со мной были Жорж Брандт и моя дочь Раймонда. Они несли самое необходимое снаряжение (веревку, молоток, кошки), а также тяжелый шест из сырого дерева — шестиметровый ствол молодого ясеня. С этой экипировкой мы пересекли зал, называемый залом Мессы, затем вошли в чрезвычайно тесный лаз, который вел к узкой тектонической трещине глубиной в двадцать пять метров. Ее единодушно опасались все, кому была знакома пропасть Раймонды. На глубине семидесяти метров мы обосновались на груде массивных камней, загромаждавших горизонтальный проход, который вел на восток, к нижним ярусам пропасти. Там, низвергаясь водопадом, ручей протекал к большому колодцу — колодцу Дельтея, а еще дальше, к западу, находился верхний ярус, то есть верховья ручья, к которым мы и направлялись.

Выбравшись из каменного хаоса, мы свободно прошли под высокими сводами коридора, расчлененного несколькими выступами; по пути нам порой встречались бьющие из стен ключи. Свободно пройдя первые сто метров, мы очутились перед крутым нависшим скатом приблизительно шестиметровой высоты; мы взобрались на него, пользуясь шестом, специально взятым для этой цели. Отныне шест будет служить нам для преодоления подобных препятствий. Вот мы в бесформенном зале с крутым полом, заваленным горами камней. По словам Максима Феликса (а он побывал здесь раньше нас), далее встретятся две узкие «трубы», образующие непреодолимые преграды.

Пока Брандт и Раймонда роются то в одном, то в другом уголке зала, я отправляюсь на приступ одной из труб; мне удастся подняться на двадцать пять метров по вертикали, о чем я сужу по нижнему концу веревки, прикрепленной к поясу. До этого места я добрался без особого труда, цепляясь за многочисленные, но не внушающие доверия выступы. Теперь меня останавливают скользкие нависающие камни. Я вспоминаю рассказ Максима Феликса и, следуя его совету, медленно и осторожно совершаю обратный спуск. Сразу же мы все втроем приступаем к штурму второй, почти столь же отвесной трубы, где натеки лунного молока серьезно осложняют восхождение. На той же высоте, что и в соседней трубе, мы встречаем необычайно узкий проход.

К счастью, с нами была гибкая, как сильфида, женщина, которая могла проскользнуть через это отверстие, узкое, словно щель почтового ящика. Двумя метрами выше два небольших каменных мыска образуют, казалось бы, непреодолимую преграду. Долго работали молотком: теперь Раймонда может пробраться между тесно сдвинутыми стенками. Мы сознаем, насколько бесполезны

эти усилия, ведь невозможно пробраться через крохотные узкие лазы, в одном из которых только что скрылась наша спутница, но ждем. Позы наши очень неудобны, мы с трудом цепляемся за стенки, чтобы удержаться. По мере того как Раймонда поднимается все выше и выше, слышать ее все труднее, и скоро до нас едва доносятся слабые звуки: ясно, что Раймонда преодолевает какие-то преграды; затем и эти звуки замирают. Время от времени до нас, скользя и отскакивая от стенок, докатываются обломки камней. Наконец, снова слышится звук; Раймонда спускается, и вот её ноги появляются в щели над нами. Ей с трудом удалось подняться на пятнадцать метров, но пришлось остановиться в небольшом раструбе-тупике.

Теперь нам знакомы обе трубы, которые в прошлом году пытались обследовать Феликс и Гриозель; остается лишь повернуть обратно и спуститься в уже знакомый зал, заваленный горами камней. Мы подобрали несколько раковин улиток и череп белки. Значит, через трещины, непроходимые для человека, в пещерный зал проникли с поверхности представители животного мира. И этот верхний отсек пропасти Раймонды, куда нам уже, конечно, никогда не суждено вернуться, мы по праву назвали залом Белки.

Мы спускались по каменным уступам. Вот Брандт и Раймонда добрались до шеста и сейчас соскользнут по этому «призовому столбу». Задержавшись на несколько метров выше, с компасом и записной книжкой в руках, я делаю схематичный набросок; в последний раз оглядываюсь и тотчас замечая, что в одном месте над полом коридора низко нависает свод. Пора положить компас и блокнот в карман и присоединиться к ушедшим вперед спутникам. До меня доносятся их голоса — они о чем-то совещаются.

Почему-то я снова бросил взгляд на этот небольшой проход, что-то влечет меня туда. Что это — наитие или рефлекс старого, испытанного спелеолога? Не знаю, но ползу, стараясь не угодить в ручеек, который медленно струится под низким сводом. Меня уже заранее охватывает жадное нетерпение, так как у самого прохода в лицо пахнула струя холодного воздуха.

— Алло! Раймонда! Алло! Брандт! Я нашел продолжение!

Этот крик вырвался у меня непроизвольно, и тотчас вслед за дрожащими звуками своего голоса я услышал стремительные шаги — ко мне со всех ног бросились мои спутники.

Я вошел в обширный зал и едва успел встать во весь рост, как они меня догнали. Мы свободно пошли вдоль почти высохшего русла ручья; справа и слева тянулись стены туннеля, высоту их нельзя было определить на глаз.

Теперь к своим «владениям» мы присоединяем верхнюю часть пропасти Раймонды — область отчетливой циркуляции воздушных потоков — и зажигаемся все большим энтузиазмом, по мере того как узнаем этот неприступный уголок подземного мира. Мы прошли пятьдесят метров по туннелю; далее следовал крутой поворот направо, который привел нас к довольно широкому расступу, где капли воды непрерывно долбили камни. Отсюда вверх шла высокая цилиндрическая трещина. Ее зияющая чернота поглощала пучки света от электрических фонарей.

После перемены курса поиски велись уже не в горизонтальном направлении, а вдоль крутого откоса, загроможденного крупными глыбами. Мы снова сворачиваем в сторону, на сей раз огибая нечто вроде поворотного круга. Оказывается, это основание ковшообразного колодца с водопадом. Теперь нам предстоит штурм расщелины. Она почти отвесная. Мы поднимаемся, опираясь друг о друга, на собственные локти, колени и бедра.

Брандт и Раймонда, охваченные заразной страстью к приключениям, опередили меня. Я был возбужден не меньше, но все же заставил себя отыскать в пещере ориентиры, отметить резкие перемены направления, одним словом, набросал топографическую схему. Потом я поднялся, ощупал почву, подтянулся на руках, продвинулся вперед и добрался до нижней части двойного прохода — «двустволки». Затем спросил спутников, в какое отверстие лучше устремиться. «В левое», — закричали они мне в ответ.

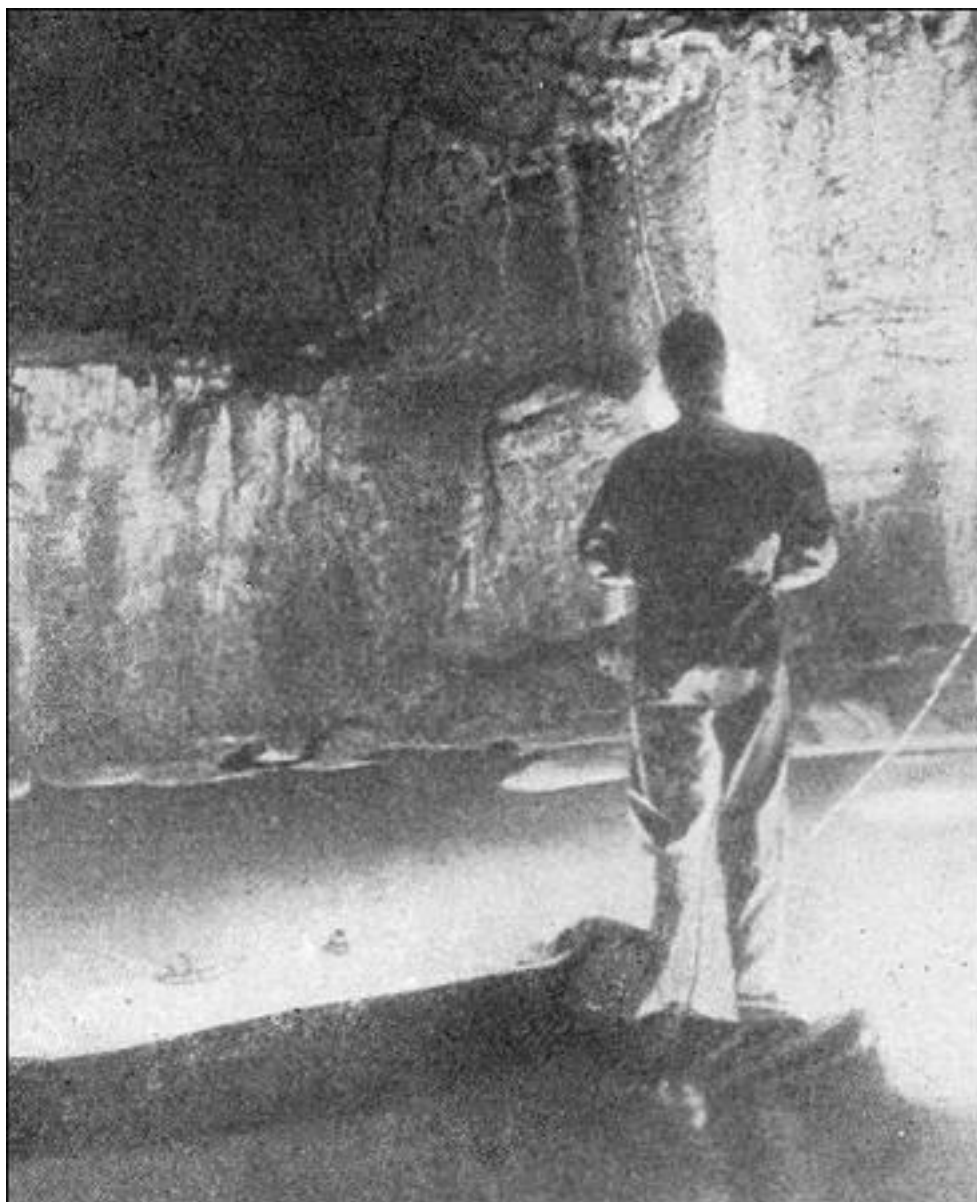
Наконец я присоединяюсь к авангарду. Судя по всему, мы добрались до истоков системы Тромба. Здесь просачиваются воды и бегут ручейки. Они пробуравивали в известняке ходы и трещины, но даже эрозия и коррозия¹, действуя совместно, не смогли прогрызть щелей, через которые в состоянии был бы проползти человек.

Вдруг я замечаю, как Раймонда и Брандт, невзирая на опасность, стремятся проникнуть в простенки между глыбами, словно ящерицы, которые, извиваясь, проползают сквозь отверстия в груде камней, сложенной путевым обходчиком! Новая неосторожность с их стороны — я говорю им об этом, но разве можно их убедить! Они считают, что нужно во что бы то ни стало преодолеть крохотный проход между двумя тесно сдвинутыми глыбами, едва сохраняющими равновесие. К счастью, попытка эта срывается, но, находясь в щели, они уверяют, что далее начинается труба, забитая обломками, и, по-видимому, она тянется на несколько метров. Рискую заслужить обвинение в малодушии и старческом благоразумии, я тороплю их оставить опасное место. Наконец вижу, что они поворачивают назад. У меня вырывается вздох облегчения. Я сам познал когда-то этот безумный пыл, сам

совершал подобные же отчаянные поступки, причем начал с наилучшего и совершенно непростительного: в одиночку отправился на подземные поиски. Но все это по неопытности, оттого, что не осознавал опасности. Суровые уроки не прошли даром. Я понял: есть разница между мудрой отвагой, законной и достойной похвалы, и слепым безрассудством, в высшей степени опасным и недопустимым.

Бивак передового отряда в пропасти Раймонды. Глубина — 360 м. Жикель говорит по телефону с товарищами, оставшимися на поверхности

Дно колодца Дельтея (диаметром 30 м) заполнено озером

Август 1959 г. Робер Венсан проходит последние метры в пропасти Раймонды

Маневр на глубине 400 м. Спуск надувной лодки

Жикель выходит из сифона Гуэй ди Эр

Фургоны телевидения в гроте Бедейак готовы к передаче на глубине 300 м

В коридоре грота Бедейак. Тяжела девяностокилограммовая камера

Съёмки с камерой № 3. Слева направо: Норбер Кастере, Жорж де Кон, Жозе Бидикен, Жозеф Дельтей

Оба спутника, связанные со мной веревкой, вернулись на поверхность вполне удовлетворенные подземным пребыванием, обследованными участками пещеры и проделанной гимнастикой. Лично я оценил также и их порыв, несколько парадоксальный для спелеологов, ибо он увлек Раймонду и Брандта не в глубину, как это обычно бывает при исследовании пещер, а в высоту.

Но, что особенно важно, у меня в записной книжке теперь были кое-какие наброски, и на следующее же утро я взял компас и, отсчитывая шаги, отправился от отверстия пропасти Раймонды к предполагаемому внешнему выходу разведанной накануне трубы. Под покровом леса сильно пересеченной местности я попытался проследить подземный маршрут, пройденный вчера.

Из-за досадной ошибки в дирекционном угле, допущенной по ту сторону зала Белки, я не смог проложить топографические кроки дальше этого зала и сложил здесь каменный тур. Поскольку в зале Белки на дне одной почти вертикальной трубы мы нашли раковины улиток и череп грызуна, мне показалось, что на поверхности могло существовать какое-то неизвестное отверстие. Его-то я и принялся отыскивать. Лишь на третий день упорных

поисков я удостоверился, что всего в семнадцати метрах от моего тура имеется узкая щель, через которую пробивается слабый поток воздуха. Щель скрывали роскошные заросли, какие можно встретить только в Кум-Уарнэде. Не стану описывать, как я молотком и зубилом расширял эту дьявольскую расщелину; мне все же удалось протиснуться метров на семь и остановиться. Далее стенки расщелины сближались настолько, что в отверстие не проходила даже голова. Пришлось прибегнуть к помощи другого участника экспедиции. Он обладал двумя превосходными качествами — всегда можно было к нему обратиться, и потом он лучше всех мог проползать через самые невообразимые лазейки. Это был Франсис Бюга, двенадцатилетний мальчик, хранивший верность Кум-Уарнэду. Сюда он приезжал с отцом уже три года подряд. В нем, очевидно, жил беспокойный спелеологический «микроб», к тому же он обладал особыми склонностями или задатками, позволявшими ему проскальзывать в норы и трещины, недоступные взрослым.

В данном случае его помощь была особенно ценной, и два дня подряд связка Кастере — Бюга (одному шестьдесят два года, а другому двенадцать) покидала основной лагерь и поднималась до места, уже названного мной с несколько преждевременным оптимизмом колодцем Елей. Товарищи провожали нас любопытными и слегка ироническими взорами.

На второй день вечером мы вновь спустились в лагерь. Наши лица излучали победную улыбку. Кувалдой и зубилом нам удалось расширить лаз настолько, что Франсис, изловчившись, проник в него и убедился, что колодец действительно уходит вниз. Спустя час мы форсировали его, и, воспользовавшись веревкой, спустились до глубины двадцати пяти метров на «балкон». Сбрасываемые нами камни падали по крайней мере метров на сорок ниже достигнутого уровня. Следовательно, здесь был глубокий колодец, и, если я не ошибся в топографических расчетах, представлялось вероятным, что колодец Елей сообщался с верхней полостью пропасти Раймонды.

Через два дня я собрал ветеранов пропасти Раймонды и колодца Ветра; Раймонда, Эмиль Бюга с сыном Френсисом, Ив Феликс отправились со мной в колодец Елей, захватив веревки и лестницы. Нас сопровождала группа молодых девушек из местного летнего лагеря Шатору. Девушкам очень хотелось посмотреть, как работают спелеологи. По правде говоря, они не увидели ничего особенного, всего лишь крошечное отверстие, в которое мы быстро погрузились, скрывшись из виду.

Так началось исследование колодца Елей. Эмиль Бюга, которому мешало увечье, полученное в пропасти Раймонды, остановил-

ся у маленького отверстия на глубине семи метров; проявляя редкое самоотречение (ведь мы за это время спустились еще на 20 м и добрались до промежуточного выступа), он долго и неустанно работал молотком. Эмиль старался расширить отверстие. Град камней, падавших в колодец, который зиял у наших ног, убедил Раймонду и Ива, что мы не преувеличивали, говоря, что у колодца Елей где-то имеется пасть. Спустив двадцатиметровую лестницу и как следует обвязавшись, я приступил к штурму черной и сырой каменной трубы, на стенках которой обломки, стремительно низвергнувшиеся в бездну, только что прочертили ясные следы. Я полагал найти при спуске какой-нибудь карниз или уступ. Но вот добираюсь уже до последней ступеньки двадцатиметровой лестницы, а его нет; я раскачиваюсь в пустоте.

Свистком даю команду остановиться и требую еще один сверток лестницы. Мне его передают, привязав к концу страхующей веревки. Развернул новую лестницу, прикрепляю ее к концу первой и продолжаю спуск. Оказывается, и этих сорока метров все еще мало! Под ногами у меня труба значительно расширяется, и, наклоняясь, я вижу метрах в семи-восьми под собой выступ, заваленный глыбами камней. Акустика здесь плохая, и мне приходится кричать во весь голос. Я спрашиваю, не могут ли мои спутники, находящиеся метрах в десяти выше меня, передать еще одну лестницу? Они тотчас спускают ее на веревке, и это позволяет мне встать на выступ. Переводя дыхание, я внимательно рассматриваю, что находится подо мной, и бросаю вниз камни. Они перескакивают от уступа к уступу. Освободившись от веревки, я делаю несколько шагов и задаю себе вопрос, не вступил ли я на верхнюю галерею пропасти Раймонды. Но ничто не напоминает мне знакомых мест, и я, конечно, первый, кто рассматривает этот торжественный и величественный подземный храм. В какую же неизвестную сеть, в какие таинственные недра проник я? Как теперь отнестись к топографическим изысканиям и красивым умозаключениям? Вдруг мысли мои как будто остановились. Под ногами я заметил три шарика из фольги и полусожженную спичку.

— Алло, алло! Установлена связь с пропастью Раймонды! — Машинально во весь голос прокричал я эту новость моим друзьям наверху, и, словно гулкое эхо, вторил мне их ответ: «Браво, браво, ура!» Остатки фольги и огрызок спички! Ведь это мы — Брандт, Раймонда и я — бросили их здесь несколько дней тому назад. Мы тогда остановились на несколько минут в зале Белки, прежде чем приступить к штурму крутого ската, съели три плитки шоколада, и Брандт зажег трубку.

Итак, я очутился в том же зале Белки, но не узнал его так как не взбирался сюда снизу по беспорядочным уступам, а проник через «слуховое окно» в выступе, заваленном глыбами камней. Об этом незаметном отверстии мы не могли и подозревать, еще недавно проходя здесь.

Окликая Раймонду, я велю ей спускаться, и она с азартом устремляется ко мне. Лестница дрожит и ударяется о стенки колодца. Слышны свистки, сигналы, и спустя несколько минут на лобный фонарь моей дочери освещает «слуховое» отверстие. На его фоне вырисовываются голова и плечи Раймонды. Теперь она осматривает зал Белки и узнает памятные места. Она спрашивает меня, может быть, карниз, на который я сейчас взгромоздился, и есть тот же самый уступ, где мы несколько дней тому назад ели шоколад. Я отвечаю ей утвердительно и предлагаю убедиться в этом самой, прежде чем мы все сойдемся вместе. Но моя дочь разумно возражает, говоря, что если мы оба отправимся к низовьям и вновь пройдем по пропасти Раймонды, то Ив Феликс, оставшись наверху, будет испытывать большие трудности, особенно при переноске лестниц, которые беспрестанно цепляются за многочисленные неровности подземелья.

Она была права, ибо, несмотря на энергичные усилия Ива, во время подъема пришлось с большим трудом проталкивать снаряжение; его то и дело «заедало» у выступов.

Я бы, очевидно, смог, да и должен был немедленно сам подняться и помочь товарищам, довольствуясь тем, что теперь действительно установлена связь между колодцем Елей и пропастью Раймонды. Но моя дочь ничего не желала слышать и торопила меня.

Это был, откровенно говоря, любопытный и необычный путь; без спешки, но с увлечением пробирался я по лабиринтам громадной пещеры. В зале Белки я постепенно спускался, пользуясь ясеневым шестом, с одного гигантского яруса на другой. Затем я прошел по монументальной верхней галерее. Дойдя до основания отвесной двадцатипятиметровой трещины, я позволил себе несколько минут отдохнуть и поразмыслить, прежде чем предпринять тяжелое восхождение. Это препятствие, однажды побежденное, теперь далось мне с трудом. Просовываясь в последнюю лазейку, я попал в отсек, подобный готическому залу. Мы называли его залом Мессы еще в 1957 году, когда Р. П. Фреми перед тридцатью спелеологами справил подземную службу, а спелеологи из Экса и Марсея сделали мне сюрприз, отпраздновав мое шестидесятилетие и юбилей подземных исследований.

Сейчас, когда я снова в этом зале, все вновь проходит в памяти передо мной, и я искренне признателен моим друзьям. Я иду

молча, в одиночку, по тем местам, где когда-то тридцать шумных, ликующих людей справляли мой день рождения. Чтобы вызвать более яркий приток воспоминаний, я задержался на несколько минут в центре этого подземного храма, там, где на камнях мы некогда водрузили алтарь. С тех пор здесь стоит крест из двух связанных палок, и у его основания лежат несколько высохших стеблей: это остатки цветов, которые в соседнем лесу нарвал юный Франсис, чтобы украсить алтарь.

Все это произошло два года тому назад, за два дня до праздника успения. Я не могу не вспомнить, что сегодня тоже 13 августа, а 15 будет успение. Значит, с тех пор прошло ровно два года. Какое любопытное совпадение и как быстро идет время! Мне вспоминается несколько меланхолическая фраза из моей речи. Я вскользь сказал тогда, что мне придется все реже участвовать в подземных походах, такова уж моя неотвратимая участь. И даю слово, я, убеленный сединами спелеолог, сегодня чувствовал себя счастливым. Сознание, что меня еще не настигла старческая дряхлость, что я вновь нахожусь в этих памятных и волнующих местах, придавало мне бодрость. Дельтей, мой верный друг, свыше двадцати лет сопровождающий меня в подземных походах, как-то сказал: «Вы до сих пор продолжаете ваши старые штучки!»

Собираясь подняться на крутой откос осыпи, которая находится за пределами зала Мессы, я вдруг на полу пещеры замечаю... стройную шеренгу бутылок. От них еще не отклеились позолоченные ободки этикеток известной марки шампанского... Еще несколько минут — и я добрался до основания тридцатиметрового входного колодца пропасти Раймонды. Дальше идти я не смог. Сел на сырой камень и, вытянув шею, стал смотреть на маленькое окошко высоко над головой, через которое проглядывал кружок голубого неба.

Было шесть часов вечера, и я принялся терпеливо ждать, когда придут меня извлечь отсюда. Из-за холода и сырости ожидание становилось долгим и непривлекательным, но надо было терпеть — я был счастлив, я был во власти пережитого дня. Разве я не овладел пропастью Раймонды и не добился у нее секрета таинственной связи с этим крохотным каналом, названным мной колодцем Елей? Разве я, таким образом, не осуществил переход через этот стык? Это был, конечно, скромный, но неожиданный и поучительный результат. Так, в последний раз я взял реванш за неудачу при прохождении другого стыка, стыка между пропастями Раймонды и Пьера, куда, к сожалению, не смогла ступить нога человека.

Дрожа от холода на дне колодца, я испытывал своеобразное опьянение. Мне вспоминались последние часы, проведенные в

пропасти Раймонды, которую я когда-то открыл, и я принялся напевать арию из «Маленького герцога»: «Ах, как бывает хорошо, когда бывает плохо!»

Наконец у входа зашумели. Товарищи узнали, что мне удалось пройти стык, и к семи часам вечера я услышал голос. Это звал меня Пьер Лафон, милый «маленький Пьер». Он спустил мне тридцатиметровую лестницу и веревку. Так я поднялся наверх.

Сказывались двадцать восемь суток непрерывной вахты; я испытывал большую потерю сил, но не опускал рук.

Так прошла эта экспедиция 1959 года в Кум-Уарнэде, которая закончилась неожиданным успехом.

Человек — существо ненасытное, и спелеологи, побуждаемые природным любопытством, любят докапываться до сути вещей. Открытие связи между пропастью Раймонды и колодцем Елей, конечно, подтвердило мои выводы и увенчало все труды; но этот успех неминуемо должен был поставить передо мной еще одну проблему: как продолжать поиски?

Я считал, что колодец Елей является лишь вехой; он позволил нам окинуть взором верхнюю часть пропасти Раймонды. Разумно предположить, что еще выше, у самых истоков системы Тромба, мы найдем и другие колодцы. Они, вероятно, соответствуют почти отвесным трубам, на которые недавно взбирались Брандт и Раймонда.

Я снова открыл блокнот. Кроки мои не были безупречными. Сопоставив внутрипещерную и поверхностную топографию, я попытался под покровом леса наметить вероятное расположение вертикального отверстия, ведущего в пропасть Раймонды.

Затем я отметил это место, собрав крупные камни и сложив из них тур. Однако окружающий подлесок, кустарник и перегной не выдавали никаких обнажений, в которых могли быть трещины, щели или отверстия колодцев. И все-таки метров через двадцать меня привлек островок, сложенный бесформенными глыбами известняка. Среди них возвышалось старое дерево. Это дерево приковало мое внимание. Оно похоже было на тис, породу весьма редкую на массиве Арба.

Взбираясь по камням, я подошел ближе и убедился, что это действительно тис. У его подножия я заметил узкую и неглубокую расщелину, каких так много в этих карровых известняках.[11] Я просунул голову в эту расщелину, стараясь рассмотреть и «прослушать» ее.

Ничего не слышу, а на глубине четырех метров вижу лишь горизонтальное дно, заваленное булыжниками и листьями деревьев. Однако здесь чувствуется едва ощутимое дыхание. Что это? Иллюзия или в самом деле слабое дуновение? Я потер стенку,

пробуя стереть с нее пыль высохших лишайников. Как мне показалось, эта пыль летела вниз несколько быстрее, чем легкий порошок. Значит, в этой расщелине имеется небольшая тяга.

Еще через несколько минут мне удалось, насколько позволяли размеры тела, спуститься в эту дыру. На четвереньках дополз я до тупика, где отсутствовало движение воздуха. Нелегко было возвращаться; я окинул взглядом другой край дна. С этой стороны расщелина оказалась еще уже, и я даже не смог просунуть в нее голову. Для очистки совести бросаю туда небольшой булыжник и с удивлением слышу, как он падает на несколько метров. Бросив пять-шесть камней, я подсчитал, что на глубине порядка десяти метров они останавливаются, отскакивают от сходящихся, по-видимому очень близко, стенок и глухо ударяются о землистый грунт.

Наверху у корней тиса я оставил рюкзак и ледоруб, поэтому теперь приходилось делать большие усилия, чтобы выбраться из щели и тотчас вновь спуститься, вооружившись необходимым снаряжением. Прежде всего я запасся электрическим фонариком; теперь я смог осветить места, где до сих пор блуждал в полутьме. Затем при помощи ледоруба удалось обломать несколько небольших каменных выступов, и это позволило мне немного просунуться в щель, держа в вытянутой руке лампу. Пока я проделывал это, случилась небольшая неприятность. Я заметил, как у меня из нагрудного кармана выскользнул компас. Он упал в темноту. А вниз мне было видно лишь на два метра. Но и этого было довольно, чтобы утверждать: по ту сторону узкой каменной горловины колодец расширяется и становится доступным. Соорудив нечто вроде лота, я привязал к бечевке булыжник и начал зондировать эту полость. Камень упрямо останавливался на глубине десяти метров. Что же это было: дно или всего лишь карниз?

Должен признаться: те скудные сведения, которые я смог сообщить вечером моим товарищам, возвратившись в лагерь, отнюдь не вызвали сенсации. Правда, все были слишком возбуждены лихорадкой отъезда, ибо экспедиция закончилась, участники деловито упаковывали оборудование и снимали палатки, собираясь в путь. На следующее утро марсельцы и эксинцы спустились к перевалу Порте и оттуда отправились к себе в Прованс, одни на собственных автомобилях, другие на катере, третьи на попутной машине.

Так как до моего дома было недалеко, я твердо решил вернуться и завершить исследование колодца Тиса. Но удалось мне это лишь спустя пятнадцать дней, 28 августа, вместе с Раймондой. Она тоже была заинтригована и не меньше меня проявляла нетерпение. Ей хотелось узнать, что же это за новая «дыра».

А дыра прежде всего готовила нам длительную и нелегкую работу молотком и зубилом. Ведь горло было необычайно узким, и Раймонде удалось его форсировать ценой невероятных усилий. Она вытягивалась и скользила, словно змея. Бросив конец веревки в пустоту, она спустилась на глубину десяти метров. Здесь останавливались брошенные нами камни.

Неподвижно и беззвучно, словно приговора, жду я результата осмотра дыры. Слышу, как Раймонда шагает взад и вперед и, видимо, по кругу.

— Ну, как? — спрашиваю я, дрожа от нетерпения.

— Что же, — спокойно, словно зная, о чем я хочу ее спросить, отвечает мне дочь. — Это не цилиндрический колодец; я стою на дне трещины. С одной стороны она закупорена, а с другой — зев ее как будто ведет дальше. Сейчас я отвяжу веревку и отправлюсь на разведку.

— Хорошо. А куда же ведет этот зев?

— Кажется, к юго-востоку.

— Очень хорошо. Значит, именно туда, куда надо. Особенно не рискуй, будь осторожна.

Раймонда отправилась в путь, и теперь я слышу слабые звуки катящихся обломков и стук ее башмаков по камню; потом все смолкает, и воцаряется тишина.

Мой пыл не ослабевает. Я снова берусь за работу, пробивая стену, словно заправский камнемелом. Энергично стучу, вгоняю клинья, но лишь изредка снимаю нечто вроде забавной каменной чешуи. Да, работать приходится в неудобных, необычайно трудных положениях. Время от времени я останавливаюсь и прислушиваюсь. Громко зову дочь. Никакого ответа.

Если хотите, это хороший признак, но я нахожу, что уже прошло много времени, и тишина начинает меня беспокоить.

Еще раз отмечаю вечное противоречие между поверхностью земли и недрами. Если на поверхности человек пассивен, думая о тех, кто работает, спустившись в глубины, то в недрах человек проявляет живость. Здесь он идет навстречу открытиям, и ему не кажется, что время тянется медленно, поэтому он часто забывает о тех, кто остался на поверхности, и удивляется потом, что причинил им беспокойство.

Снова стучу молотком и снова передышка. Вслушиваюсь. Раймонда, конечно, забыла мои предупреждения; молю бога, чтобы с ней не произошло несчастья. Случись авария, я ведь ничего не мог бы сделать, ничем не сумел бы помочь, ведь только расширять проход пришлось бы несколько часов.

Снова изо всей силы кричу и, к счастью, слышу ответ. Приглушенный голос Раймонды доносится издалека, но мне ясно — она

уже пустилась в обратный путь. При подъеме ей предстоит немало трудных акробатических упражнений, разговор поддерживать некогда. Теперь голос ее доносится со дна колодца; делая одно за другим резкие движения, я протискиваюсь в глубь отверстия.

— Что тебя остановило?

— Большой камень. Он загораживает проход, почти примыкая к стенке, но я проскользнула; дальше отвесная щель, нужна лестница.

— Как ты думаешь, до какой глубины ты спустилась?

— По крайней мере метров на двадцать пять.

— А в каком направлении?

— Кажется, все время по прямой к юго-востоку.

— Очень хорошо.

Прошло три часа, а я все еще как безумный колотил молотком стену, увеличивая лазейку. Пока мне удалось лишь немного расширить ее у самой поверхности, но через это узкое жерло я не мог пробраться. Не позволяла грудная клетка — единственная часть тела, не поддающаяся сжатию.

На дне каменного мешка Раймонда, дрожа от холода (температура была 4°) и стуча зубами, долго искала компас, но так и не нашла его.

Наконец спустив дочери лестницу и веревку, я устремляюсь в ловушку; ударившись грудью о камень и расцарапав спину, я, словно шомпол в дуле винтовки, со стоном начинаю протискиваться вниз; ведь калибр моего тела значительно крупнее этого горлышка.

Если бы можно было увеличить гибкость бедер! Я, наверное, не дошел бы до полного изнеможения. Наконец удается протиснуться. Благополучный спуск по лестнице, и вот я рядом с Раймондой. Она счастлива видеть меня и, не давая опомниться, зовет дальше.

Все, что она рассказала мне о своей разведке, полностью подтвердилось. Мы быстро спускаемся по крутым уступам в высокий вестибюль, где, шлепая по грязи, идем вдоль русла ручейка. По дороге беспрестанно задеваем стенки, покрытые непривычно густым слоем творожистого лунного молока. Вдруг на нашем пути вырастает остановивший Раймонду камень. Эта огромная, отделившаяся от стены плита почти полностью загораживает проход. Внизу под нами пустота. Привязав к каменному выступу лестницу, мы спускаемся, желая обосноваться в этой необычайно крутой спиралеобразной трубе. Она напоминает американскую горку. Как удачно! Внутренние размеры ее таковы, что при нашем росте мы могли спуститься враспорку до дна, а потом тем же способом подняться обратно. В этой изъеденной эрозией трубе низвергается небольшой каскад. Воды его устремляются все глубже, словно

бросая вызов спелеологам.

В том месте, где мы сейчас находимся, ручей обрушивает свои воды с высоты нескольких метров. Это заставляет действовать обдуманно и осторожно. У нас нет больше лестниц, остается лишь веревка, но на этих гладких, будто отполированных стенах ее не за что прицепить. Держимся друг против друга, опираясь то на правую, то на левую ногу. Я обеими руками ухватился за гладкую веревку, по которой до самого подножия водопада соскальзывает Раймонда.

Вот она спускается по наклонному коридору; первые десять-двенадцать метров она находится в моем поле зрения, а потом скрывается за поворотом. Вслед ей я шлю напоминания об осторожности. Сейчас я уже нахожу нашу авантюру несколько рискованной, а методы отнюдь не ортодоксальными. Но вот силуэт Раймонды; она возвращается к подножию каскада, приближаясь ко мне.

— Там, в глубине, где начинается этот подъем, меня остановил вертикальный уступ; он поворачивает направо, и дальше ничего не видно.

Так завершилось это первое обследование колодца Тиса, который, как мы опасались в начале поисков, мог оказаться всего лишь одной из трещин. Теперь выяснилось: он открыл для нас пропасть сорокапятиметровой глубины, и мы горели желанием поскорее исследовать ее продолжение, храня тайную надежду в один прекрасный день вступить в верхнюю часть пропасти Раймонды. Ведь на эту возможность, казалось, указывало столько признаков!

Предварительное обследование колодца Тиса происходило 28 августа, но вернуться сюда мы смогли лишь 7 октября, пригласив также Жозефа Дельтея и Эмиля Бюга, наших старых друзей и коллег. И на этот раз вновь собралась пиренейская группа, четыре года работавшая в Кум-Уарнэде. Снова у вершины перевала Порте мы оставляем свои автомобили под присмотром супругов Мартэн, преданных и обаятельных людей, владельцев гостиницы «Перевал». Всякий раз, приступая к очередной экспедиции, мы пользуемся их радушной гостеприимностью.

Итак, в это прекрасное осеннее утро мы снова совершаем восхождение к ущелью Перелет (удачное название: сегодня над ущельем целый день совершают перелеты дикие голуби). Меньше чем за два часа через выгоны, где еще и сейчас, поздней осенью, пасутся овцы, и дальше через лес, которого уже коснулись осенние краски, мы добираемся до колодца Тиса, и наши друзья удивляются необычно малым размерам его отверстия.

Опять приходится расширять его, чтобы проникнуть в бездну со снаряжением. Бюга и Дельтей, по очереди работая молотком, откалывают несколько глыб и через час объявляют нам, что наконец проход достаточно широк. В колодец разворачивается лестница; Раймонда, Бюга и Дельтей спускаются на «минус два метра» (пользуясь подходящим профессиональным выражением). При помощи веревки я передаю им багаж — рюкзаки, лестницы, веревки, без которого невозможно будет продолжение спуска, и, оставаясь снаружи, слышу уже далекий приглушенный голос. Он возвещает, что наше трио, оставив позади основание первого колодца, опускается еще ниже.

Я остаюсь снаружи и меланхолически усаживаюсь на краю отверстия; сил у меня немного: за два дня до этого я отравился и еще не был вполне здоров. Так что большего, к сожалению, я сделать не мог.

Подозревая о существовании колодца Тиса, я тщательно разыскивал его, пока наконец не обнаружил. Отверстие колодца я собственными руками расширил и спустился на глубину сорока метров. И вот сегодня мне предстояло, не испытывая никакого удовольствия, празднично сидеть и размышлять у входа в колодец; а тем временем мои друзья вот-вот «поставят премьеру», то есть обнаружат стык с пропастью Раймонды.

Я заметил, что было четырнадцать часов, когда трое исследователей в последний раз окликнули меня из-под земли. Теперь, ожидая, я размышлял. Воздух был теплый, солнце сияло, в безоблачном небе время от времени пролетали дикие голуби, певчие дрозды и кочующие с места на место воробьи. Надо мной озабоченно кружится пара ястребов-перепелятников; они подстерегают голубей. Голуби поднимаются к ущелью Перелет, и ястребы, пикируя, камнем падают на их стаю. «Вокруг густая и разнообразная растительность», — отмечаю в записной книжке. По почету и место: прежде всего это тис, который внезапно, словно фонтан, вырастает из колодца, затем буки, сосны, ивы, орешник, бузина, можжевельник и еще какое-то странное, неизвестное мне дерево. Здесь также есть заросли смородины, кусты малины, ежевики, оленьи языки, рододендроны, травянистая бузина и множество других растений, вплоть до грибов — оранжевых лисичек, устилающих землю живописным ковром.

Наблюдая за птицами, растениями и, конечно, за горными породами (ибо я обосновался на дне желобка известнякового карра, где таится колодец Тиса), я смог отвлечься и убить время. Но вот издалека еле слышный крик, напоминавший голос гнома, оповестил меня, что Раймонда, возвращаясь наверх, только что подошла к основанию первого колодца. Спустя несколько минут я уже

тянул веревку, помогая ей взбираться по лестнице. Вскоре за ней последовали Бюга и Дельтей. Наше трио спелеологов отсутствовало три часа.

Главное я уже знал, так как со дна колодца Раймонда кратко, но ясно прокричала мне победную весть. Это были всего два слова: — Стык пройден!

Мои надежды оправдались.

Как это произошло? Поскольку в тот день я был не у дел, передам слово участнице спуска. Первое слово принадлежит ей тем более по праву, что именно она, Раймонда, вместе со своими спутниками, спустилась в колодец Тиса, стремясь проникнуть в «свою» бездну.

Быстро, насколько позволял наш обременительный груз, мы пробирались в узком улиткообразном горле, многочисленные ступеньки которого привели нас ко второму колодцу. Не теряя времени, группа развернула лестницу и опустила конец ее в пустоту. От основания колодца мы продолжали спуск в глубину. Теперь один за другим попадаем на нечто вроде горки для катания на санках. Спускаемся по выступам, пользуясь простой гибкой веревкой, оставляя в резерве две последние лестницы, так как впереди нас ждут два весьма внушительных колодца.

Вот наконец мы все трое оказываемся у конечной точки, достигнутой 28 августа, где меня остановил отвесный обрыв. Ни единого каменного мыска, никакой выпуклости, за которую можно было бы прикрепить лестницу. Но, побывав здесь, я смогла предвидеть эту трудность. Поэтому в лесу мы отломили ветвь бука. Друзья мои прочно закрепили ее поперек обрыва и прицепили к ней гибкую лестницу. Таким образом, спуск проходит без происшествий. У основания этого колодца метров двенадцати глубиной я замечаю перемену направления. Именно этот локтеобразный сустав помешал мне в свое время рассмотреть, что находилось дальше. Что же теперь откроется нам впереди? Несмотря на нетерпение, у меня хватает сил, оставаясь на месте, ждать своих спутников. Они в это время предаются весьма занимательному упражнению, которое я созерцаю с увлечением и легкой иронией. Бюга и Дельтен борются с длинной, вконец запутавшейся нейлоновой веревкой. Напрягая усилия, они пытаются размотать ее. Наконец они добираются до конца веревки и, как всегда, с рюкзаками за спиной мы погружаемся в узкое, извилистое, обращенное вниз отверстие, где эта самая веревка служит нам поручнем и придает уверенность. Благодаря узким плечам и тонкой талии я без труда прохожу между тесно сходящимися стенками, тогда как мои спутники, весьма широкоплечие мужчины, вынуждены искать иного прохода. Все так же враспорку они

взбираются выше, так как кверху трещина расширяется. Стенки становятся круче, и вдруг мы снова оказываемся на верху вертикального выступа. Пользуясь веревкой и преодолевая множество уступов, один за другим мы встаем на балкон, возвышающийся над хаотически заваленным и весьма внушительным залом.

Достигнув первого обрыва и согнувшись над пустотой, я вновь чувствую, как мне слегка сжимает сердце. Поистине, сильные впечатления не проходят бесследно. Доберемся ли мы до верхней галереи пропасти Раймонды? Разве это не те же камни, которые загромаждают зал Белки? Бюга и Дельтею не знакома эта часть пропасти, и они не подозревают, какие мысли волнуют меня. Оставляя их в неведении, я не осмеливаюсь высказать им свои соображения. Мои спутники осматривают пропасть, взгляд их скользит к ее дну, и они восторгаются обширным залом, который вырисовывается внизу. Торопясь завершить поиски, я намереваюсь закрепить за глыбу последнюю лестницу, но здесь вмешивается Дельтей:

— Этот камень сидит непрочо, сейчас я его свалю. Бюга и я обмениваемся удивленными и недоверчивыми взглядами. Даже совместными усилиями нам никогда не сумеет докатить эту глыбу до края бездны! Но с Дельтеем трудно спорить. У него вполне сложившийся замысел, и в течение получаса мы являемся свидетелями того, насколько непосильную задачу взял он на себя. Вооружившись тяжелым молотком, он силился отбить или, точнее, отколоть эту неподдающуюся глыбу.

В пропасти дул ветер, и, оставаясь в бездействии, окоченев и дрожа от холода, я умоляю: «Дайте мне спуститься, я почти уверена, что мы в пропасти Раймонды».

Мое предложение Бюга подкрепляет своими доводами; он спорит с Дельтеем и добивается своего: молоток водворяется обратно в чехол, и к ненадежному камню мы прикрепляем лестницу...

Спуск прошел быстро, я встала на груды камней, и мои сомнения тотчас же рассеялись. Я, безусловно, попала в зал Белки, а стало быть, стык пройден. Чтобы доказать это моим спутникам, оставшимся наверху, я ищу здесь какой-нибудь след нашего августовского посещения. Прыгая с глыбы на глыбу, я пытаюсь хоть что-нибудь найти, и наконец луч моего фонаря ловит какой-то отблеск: это обрывок фольги — обертки шоколада или сигарет. Счастливая сознанием того, что стык обнаружен вторично в той же пропасти и в том же зале, я стала размахивать этим обрывком фольги. В самом деле, в нескольких метрах над нашим балконом виднеется еще одно отверстие: это нижний зев колодца Елей. Спустя еще полчаса мы с Бюга добрались до этого балкона, с трудом протиснувшись через узкий проход, (ведь за спиной у нас

были рюкзаки со снаряжением), и здесь нас пригвоздил к месту знакомый шум. Услышав его, мы стали дико хохотать. Дельтей не отказался от своего замысла, не капитулировал; снова взявшись за молоток, он принялся с удвоенной энергией долбить по «ненадежному камню»!

Так в 1959 году окончилась седьмая экспедиция, проведенная спелеологами из Прованса в Пиренеях (три экспедиции были проведены в урочище Сигалер и 1953–1955 гг. и четыре в Кум-Уар-нэде в 1956–1959 гг.).

В верхнегароннском массиве Арба, ничего не давшем спелеологам со времени исследования Хенн-Морт в 1947 году, подземные поиски открыли нам пропасти первой величины и позволили проследить от начала до конца два гидрогеологических бассейна: систему Хенн-Морт и систему Тромба. Вначале была обнаружена пропасть Марсея Лубана, расположенная перед Сарратш дет Мене, глубиной двести тридцать метров, сообщающаяся с пропастью Хенн-Морт. Шаг за шагом были открыты и исследованы колодец Ветра (глубина 200 м) и пропасть Плесси (той же глубины); затем пропасть Пьера, самая глубокая из всех (564 м). Наконец, последовало открытие и изучение пропасти Раймонды и ее придатков — колодца Елей и колодца Тиса. Все это входит в систему, названную нами системой Тромба, которая теперь полностью изучена.

Массив Арба все еще считается наиболее богатым пещерами и, в частности, таит в себе три глубочайшие бездны нашей страны. В этом легко убедиться, посмотрев список крупнейших пропастей Франции.

1. Пропасть Берже: (департамент Изер) глубина 1128 м
2. Пропасть Пьер-Сен-Мартен (департамент Нижние Пиренеи) 680 м
3. Отверстие Гласа (департамент Изер) 603 м
4. Пропасть Пьера (департамент Верхняя Гаронна) 564 м
5. Пропасть Раймонды (департамент Верхняя Гаронна) 492 м[12]
6. Пропасть Каладер (департамент Нижние Альпы) 487 м
7. Пропасть Хенн-Морт (департамент Верхняя Гаронна) 446 м
8. Пещера-пропасть Люир (департамент Дром) 413 м

Таким образом, наши итоги свелись, как видите, лишь к цифрам, записям и замечаниям. Однако описание научных результатов наших исследований выходит за рамки настоящей работы.

Невозможно отрицать, впрочем, что спортивная сторона подземных исследований играет важную роль для спелеологов. Они заражены, естественно, профессиональной страстью к особой обстановке, сопутствующей опасным проникновениям на большую глубину. Эти походы и экспедиции отвечают их вкусу к приключениям и риску.

Но ведь сердца спелеологов охвачены и страстью к научным проблемам и загадкам, с которыми они всегда сталкиваются, оказываясь в необычном и таинственном мире пещер.

Что же касается человеческой стороны вопроса, можно сказать: поскольку подземный мир крайне своеобразен, исследование пещер — великолепная школа хладнокровия, выдержки, мужества, и нигде лучше, чем под землей, не проявляются такие качества, как преданность, взаимопомощь и сплоченность. Именно эти качества создают и укрепляют глубокую, настоящую дружбу.

Глава II

Радио- и телепередача из-под земли

*Все, что один способен
вообразить, другие могут
осуществить.*

Жюль Верн. Письмо отцу

Так как нам довелось участвовать в первой радиопередаче, а позже и в первом телевизионном репортаже из пещеры, мы можем вписать маленькую страничку в историю применения двух великих изобретений. Немало забавного и экзотического связано с этими двумя «премьерами».

27 мая 1942 года диктор радиовещания Пьер Бовуд и его ассистент Паже отправились на автомобиле в грот Гаргас (департамент Верхние Пиренеи). С собой они прихватили и меня, желая получить подземное интервью для радиопередачи.

Сценарий был очень прост и состоял в том, что в зале Летучих мышей мы должны встретиться с владельцем грота Бернаром Сюффраном. В центре зала установили микрофон, от которого к выходу, где находилась записывающая аппаратура, тянулся телефонный провод.

Сеанс начался с записи «звона Гаргаса». Звонил старый гид Теофиль; он стучал длинной деревянной колотушкой по сталактитам и гулким каменным драпировкам свода. Вслед за этим в тишине пещеры записали дикие крики — голоса доисторических людей! Затем раздался шум моих шагов. Из глубины грота я приближался к микрофону; эта тяжелая торжественная поступь должна была имитировать шаг пещерного человека. У микрофона я произнес несколько слов, соответствующих обстановке и духу передачи. В заключение последовали звуки удаляющихся шагов, но в марсельской студии артисты Национального радиовещания украсили запись своими дополнениями.

В записи звучал прозрачный, как кристалл, голос волшебницы Тибираны, легенда о которой связана с гротом Гаргас; раздавался грубый голос чудовища Блез Ферража. Блез Ферраж — «лицо» историческое: он жил в XVIII веке в этой пещере, где пожирал утаскиваемых им женщин. В конце передачи приводился отрывок о гроте Гаргас, взятый из моей книги.

Этот оригинальный репортаж прошел не без успеха, и Пьер Бовуа, войдя во вкус, вскоре заявил мне, что желает организовать еще одну подобную передачу, но на этот раз не из доступного публике грота, а, как он выразился, ему хотелось порадовать людей «первым радиорепортажем, записанным в настоящей пропасти».

Несмотря на многочисленные трудности того времени, я счел возможным уступить его желанию, и 23 июня в десять часов утра лаборатория радиовещания, смонтированная на легком грузовом автомобиле, остановилась у обочины департаментской дороги, ведущей из городка Эш в Баньер-де-Бигор. Вокруг простиралась холмистая местность Барони, и неподалеку была пещера Эспаррос, которую я совместно с женой и нашим другом Жерменом Гатте открыл и исследовал в 1938 году.

Сейчас в пещере Эспаррос находился Жермен Гатте, а вместе с ним и другой наш друг Марсель Лубан — будущий герой и жертва пропасти Пьер-Сен-Мартен.

Взвалив на себя свернутые в трубку лестницы и другое снаряжение, мы помогли техникам Клотту и Петею развернуть телефонный кабель длиной двести метров; кабель этот мы протянули до заросшего кустарником входа в пещеру. Пьер Бовуа, следуя за нами, нес телефонный аппарат, катушку провода, микрофоны и другие принадлежности. Пьер был озабочен и явно взволнован — ведь ему впервые предстояло спуститься в пропасть, а вид входного отверстия вызвал у него шок — он звучно выругался. Впрочем, как нам показалось, это окончательно освободило его от груза опасений. Теперь он невозмутимо помогал опускать в пустоту тонкие лестницы, спокойно проверял, прочно ли они закреплены. Пьер облачился в старые отрепья, которые мы ему одолжили (в 1942 г. текстильные изделия были в дефиците, и у нас не нашлось ничего, кроме изношенных комбинезонов). Вооружившись необходимыми аксессуарами, мы приступили к первой записи на краю бездны.

Когда была записана вводная часть, в ходе которой Пьер Бовуа по очереди предоставлял нам слово (при этом он протягивал к нам микрофон), мы начали спуск.

Наступила торжественная минута; в пропасти впервые должен был появиться микрофон, и радиослушателям предстояло вни-

мать звукам подземного мира.

Наш великолепный и обаятельный диктор старался изо всех сил. Он проделывал гимнастические пируэты на гибкой лестнице, в то время как один из нас, оставаясь наверху, держал его «на привязи», а другой спускался впереди, предупреждая обо всех препятствиях, и ставил ноги диктора на ступеньки и карнизы.

Так мы добрались до глубины двадцати пяти метров в первый зал, откуда и должны были нестись в эфир звуки, призванные передать всю соль репортажа: шум шагов, шуршание одежды и вздохи спелеолога в те минуты, когда он, напрягая силы, пробирался по узкой лазейке или ползком преодолевает тесный проход.

Перед тем как форсировать эту лазейку, мы прошли через широкий проем, напоминавший слуховое окно. По этому случаю (ну а кроме того, я стремился вызвать необходимый шумовой эффект) я стал отчаянно долбить молотком грубые сталагмиты, обращая их в порошок. В одном из таких коротких туннелей мы втроем разыграли маленькую инсценировку, дабы довести до слушателей очарование и радость подземного спорта к внушить им уважение к спелеологии. Когда перед нами открылось еще одно вертикальное отверстие, мы стали швырять туда обломки каменных глыб, чтобы вызвать впечатление подземного обвала. Потом мы все четверо спустились метров на двадцать вглубь и сделали передышку.

Очутившись в пещере, Бовуа (он, вероятно, не обладал достаточным воображением) заставил нас хором затянуть «Горцев», мелодию, так хорошо знакомую пиренейцам. Затем мы пустились в обратный путь.

Несмотря на неудобства, причиняемые тяжестью страхующей веревки, провода, микрофона, телефонного аппарата, металлической каски и других всевозможных приспособлений, наш новообращенный спелеолог вел себя очень мужественно. Заботясь прежде всего о своем репортаже, он ухитрялся говорить безостановочно. Ни один провал, ни одна пауза не прерывали потока его красноречия. Он рассказывал все, что видел и ощущал. Тот, кто знает, сколь изнурительны и как затрудняют дыхание упражнения на гибких лестницах (эти лестницы все время раскачиваются и скручиваются), поймет, почему мы восхищались профессиональной добросовестностью Пьера Бовуа. Ему удалось проделать обратный подъем, ни на миг не отрываясь от микрофона, и при этом он проявлял поразительную словоохотливость. Но запас энергии у Пьера Бовуа был не безграничным, и к концу передачи он пыхтел, как кузнечные мехи: казалось, что его настиг сильнейший кризис астмы!

Пластинки с такой точностью воспроизвели прерывистое дыхание, вздохи, удушье и икоту, что эффект оказался поразительный. Едва ли эти пластинки сохранились в архивах радио; они, вероятно, потеряны. Да, впрочем, их невозможно было бы использовать, так как в 1942 году их изготавливали из тонких алюминиевых дисков, покрытых столь же тонким слоем воска. Такие пластинки изнашивались очень быстро; их можно было проигрывать всего лишь несколько раз. Потеря эта не столь уж серьезна, хотя пластинки в общем были любопытные.

Во всяком случае с тем первым памятным сеансом звукозаписи в пропасти, в котором мы участвовали в качестве актеров, была связана серия забавных неожиданностей, а Пьеру Бовуа этот сеанс доставил немало досадных минут. В самом деле, через несколько дней после записи, сопряженной со столькими трудностями и достойной всяческой похвалы, мне довелось встретить одного приятеля, который прослушал весь радиорепортаж. — Я отчетливо понял к концу передачи, — сказал он, — что все это было подделка. Ваш диктор явно преувеличил мнимые трудности, которые он испытывал, и его неумеренная одышка убедительно доказывала, что постановка — сплошной трюк. Чувствовалось, что ваша подземная экспедиция действовала в студии!

В 1958 году, шестнадцать лет спустя после описанного сеанса, мне позвонили из Парижа. Представитель Французского радиовещания и телевидения сообщал, что его сотрудники готовы осуществить первую телевизионную передачу из глубин пещеры. Меня просили оказать должное содействие и помочь советом — указать наиболее удобную для этой цели пещеру. Мне сразу же показалось, что подобный проект вызовет значительные затруднения. Но, осведомившись о деталях операции и о необходимом оборудовании, я категорически заявил о невозможности осуществить эту идею.

В самом деле, техник сообщил мне, что подъедет к входу в пещеру на грузовике. Эта передвижная пятнадцатитонная лаборатория могла предоставить в наше распоряжение не более двухсот метров электрического и телефонного кабеля. Кроме того, надо было предусмотреть установку специального трансформатора, проводку электрической линии напряжением в пятнадцать тысяч вольт и, наконец, в нужных местах расставить шесть камер, весом восемьдесят два килограмма каждая.

Все это показалось мне невыполнимым, и, повторяю, я категорически отверг предложение. Я заявил, что нельзя найти пещеру, в которой удалось бы разместить такое тяжелое, громоздкое и хрупкое оборудование. Тщетно пытался я убедить собеседника, что даже в настоящей пропасти при помощи простой двухсот-

граммовой камеры и двухкилограммового магнитофона можно заснять звуковой фильм. Мы не могли найти общего языка, так как техник ответил мне, что его нисколько не интересует передача фильма, и что только непосредственный репортаж будет представлять подлинный интерес.

Тут я вдохновился и вспомнил, что есть в Пиренеях (во Французских, конечно) один-единственный грот, отвечающий всем требованиям телепередачи. Я указал на грот Бедейак в департаменте Арьеж.

Бедейак — гигантский грот, который тянется в горизонтальном направлении на восемьсот метров; а шириной это подземное авеню восемьдесят метров. Было еще одно исключительное обстоятельство: пол длинного трехсотметрового преддверия этого подземного дворца вымощен цементом и представляет собою гладкую однородную поверхность площадью более гектара. Эту работу провели в 1944 году немцы; они намерены были превратить грот в подземный завод, укрытый от бомбежек. Их усилия были прерваны победой союзников. Теперь грот Бедейак, некогда населенный людьми каменного века и отведенный немцами для размещения подземного самолетостроительного завода, должен был принять на несколько часов аппаратуру Французского радиовещания и телевидения. По мере того, как я описывал грот Бедейак, моего телекорреспондента охватывал все больший и больший энтузиазм, и он сообщил мне, что собирается предпринять поездку по маршруту Париж — Пиренеи и непосредственно на месте оценить обстановку.

Эта поездка состоялась; немало техников посетило грот, сочтя условия для осуществления проекта благоприятными. Передачу назначили на двадцать часов тридцать минут 27 августа 1958 года.

Предстояла предварительная подготовка, установка оборудования, испытание акустики и освещения. В Бедейак прибыл знаменитый пятнадцатитонный грузовик и еще несколько машин. Осветив фарами грот, они доехали до конца зацементированной площадки и остановились в трехстах метрах от входа. Техники установили трансформатор, окружили его красным барьером и снабдили щитом с надписью: «Опасно для жизни». Тем временем монтеры Французской электрической компании из соседнего городка Амье повесили на столбах провода с напряжением в пятнадцать тысяч вольт.

У площадки, где остановились грузовики, почва имела первобытный вид — немцам не хватило времени разравнять ее бульдозером и залить цементом.

Здесь были хаотически нагромождены огромные каменные глыбы, груды песка и монументальные сталагмиты.

Именно это бугристое пространство стало тем плацдармом, на котором пятьдесят два техника радио и телевидения развернули телефонные кабели, соединили их с огромными камерами на треножниках и многочисленными прожекторами и юпитерами, предназначенными для освещения грота.

Другие специалисты в это время около входа в пещеру устанавливали радиостанцию. Она имела вид огромного металлического параболоида, ажурного как шумовка. Обращена она была прямо к выемке перевала Порте, находящегося от нас километрах в двадцати. На вершине перевала была еще одна радиостанция в форме параболоида; ее установили и ориентировали к вершине Пикдю-Миди-де-Бигор, которая находилась от нас в ста десяти километрах по воздушной линии. Оттуда передающая телевизионная станция должна была ретранслировать передачу для всей Франции и даже для Англии.

Потребовалось много дней сложных и кропотливых подготовительных работ; велись они в сумраке подземелья, что было весьма необычно для людей, привыкших к парижской студии на улице Конъяк-Жей.

Нужно было создать и прорепетировать расписанный по минутам и продуманный до мелочей сценарий так, чтобы совпали заснятые кадры и звуковые титры, и, кроме того, избежать на протяжении получасового сеанса «наплывов» и «провалов» — ведь кино требует плавной последовательности!

С этого момента я работал вместе с руководителем передачи Пьером Баделем, его ассистентами Казановой и Мешек, диктором Жоржем де Кон и группой спелеологов. Состав этой группы поручили подобрать мне, что сделать было совсем нетрудно: стоило лишь обратиться к друзьям и неизменным спутникам Жозе Бидегену из По, Жозефу Дельтею из Фуа и Жоржу Лепине из Баньер-де-Бигор.

Снова, в который уже раз, собрался наш квартет; еще во времена экспедиции в пропасть Пьер-Сен-Мартен парижские журналисты окрестили нас (право, мы в этом не повинны!) четверьмя мушкетерами. Поскольку представители радио и телевидения выразили желание видеть в наших рядах женщину, я решил уговорить мою дочь Раймонду присоединиться к нашей группе. Так и было сделано.

Когда мы преодолели трудности перевозки шести камер на соответствующие места и установили прожекторы, пришла пора начать, строго по плану, съемку. Около шести часов вечера мы приступили к последним приготовлениям. Неожиданно прибы-

ли два английских репортера; они попросили провести вне программы прямой десятиминутный радио-телерепортаж для Англии.

Дополнение к программе решили сделать и отснять перед камерой № 1, установленной у выхода из узкого каменного горла. Трое из нас — английский диктор, Бидеген и я — легли ничком; надлежало провести десятиминутную беседу, причем передвигаясь в это время ползком под всевидящим оком регистрирующей камеры.

Чтобы выходной костюм англичанина не нарушал пещерного колорита, его поспешно снабдили комбинезоном и каской. Бидеген, естественно, будучи знатоком английского языка, должен был ответить на вопросы диктора и изложить суть науки о пещерах. Меня наметили в качестве третьего участника коллоквиума — я недавно возвратился из лекционного турне по Англии, Шотландии и Ирландии.

Установили следующий порядок выхода из лаза: англичанин, я, затем Бидеген. Мы вытянулись в цепочку друг за другом и в весьма неудобном положении ожидали сигнала; его нам должен был подать оператор, который в свою очередь ожидал команды с грузовика-лаборатории.

Внезапно у лаза появился жандарм, прибывший на мотоцикле из Тараскона на Арьеже; у грота Бедейак техники указали ему, где мы находимся. Он привез Бидегену телеграмму и передал ее англичанину, англичанин перебросил ее мне, а я дал ее моему другу.

Я не спускал с него глаз, пока он распечатывал и читал телеграмму. Затем я робко задал традиционный и, как обычно, совершенно неуместный вопрос: «Ничего серьезного?» Не говоря ни слова, он протянул мне бланк, и в глаза бросились ужасные слова: «В вашей семье тяжелый несчастный случай...» Я знал, что трое детей моего друга проводят каникулы в Гетари на баскском берегу, и мне нетрудно было представить себе ход мыслей отца, получившего такую телеграмму; ведь именно сейчас, в августе, газеты полны сообщений о несчастных случаях на воде.

Англичанин стоял впереди, он ничего не подозревал и ожидал лишь светового сигнала. Сигнал внезапно вспыхнул. Я машинально последовал ползком за диктором; вот он появился в поле камеры у выхода из лаза и начал пролог для телезрителей Англии. Все также машинально я присел возле него на корточки и увидел, как следом за мной выполз Жозе Бидеген и приступил к описанию картин подземного мира. Он говорил по-английски о ледниковом периоде (Айс эйдж), о образовании пещер, об обитавших в них зверях, о людях каменного века, избравших пещеры

своим жилищем. Он говорил с усердием, временами подыскивая нужные специальные термины или малоупотребительные названия каких-нибудь доисторических животных. Тысячи телезрителей слышали, как Бидеген рассуждал о давних временах и пещерах, но никто из них не подозревал о душевном состоянии убитого горем человека. Перед ним, вероятно, разворачивались кошмарные картины, но он сохранял полное самообладание и вел передачу, ничем не выдавая своего волнения.

Я украдкой приглядывался к нему и всякий раз замечал, что Бидеген не обнаруживал никакого смятения. Голос его ни разу не дрогнул. Лишь на лбу и на висках выступили крупные капли пота; я знал: этот пот вызван был не жаром юпитеров — ведь в сырой пещере он совсем не чувствовался.

В 1954 году я имел случай оценить мужество Бидегена, когда в пропасти Пьер-Сен-Мартен он совершил истинный подвиг и со сверхчеловеческой силой преодолел все трудности и опасности. С риском для жизни он извлек из вертикальной скважины глубиной триста сорок шесть метров тело несчастного Марселя Лубана. Но право же, на этот раз ему потребовалось больше самообладания и усилий воли, чтобы держаться перед камерой, когда так безумно колотилось его отцовское сердце.

Наконец, когда оператор и его помощники знаками показали нам, что передача окончена, Бидеген сорвал с головы каску. Стремительно поднявшись, он вышел из грота и на своей машине помчался к телефону в Тараскон.

Только теперь я сообщил моим спутникам и руководителю передачи Пьеру Баделю о полученной телеграмме. Мы тотчас переменили места, чтобы перестроить группу и возместить отсутствие нашего друга; мне поручили коротко рассказать о доисторическом искусстве.

До начала нового сеанса оставался еще час. И все, воспользовавшись перерывом, отправились перекусить в ближайшую деревню. В гроте остались лишь мы с дочерью. Мы наблюдали, как в гнездах под высокими сводами подземелья протекает жизнь ласточек и стрижей, но ни на минуту меня не покидала мысль о телеграмме из Гетари.

Перерыв подходил к концу, и постепенно к гроту стали съезжаться машины. Еще издали я разглядел автомобиль Бидегена. Вздыхая облака пыли, он мчался по ухабистой дороге, и вскоре Бидеген был с нами. Нашему другу удалось поговорить с семьей. С одним из его ребят действительно произошел несчастный случай, но опасность оказалась не так велика — в тревожной телеграмме краски были сгущены. Четырехмесячному ребенку не угрожала смерть, хотя он и был укушен бешеным животным.

Короче говоря, Бидеген успокоил нас и, прежде чем мчаться к семье, вновь собрался занять место в следующей части передачи. Глядя добрыми лучистыми глазами, он дружески похлопал меня по плечу. Как я был рад, что все обошлось! Ведь я тоже пережил горестные минуты, зная, какое несчастье выпало на долю моего друга, когда жандарм передал ему эту злополучную телеграмму.

Не прошло и часа, как мы снова вошли в наш лаз, чтобы в соответствии с планом приступить к прямой телепередаче.

На этот раз вести интервью с нами предстояло известному публике диктору Жоржу де Кону, с которым мы познакомились в 1953 году в пропасти Пьер-Сен-Мартен.

Снова передвигаясь ползком, мы заняли места в условленном порядке: впереди был де Кон, затем следовали Кастере, Бидеген и Дельтей. Но обстановка, к счастью, разрядилась, и сеанс проходил куда веселее, чем накануне. Обмениваясь шутками, мы ждали условленного времени. В двадцать часов тридцать минут по световому сигналу нам предстояло выползти из своей берлоги и начать «номер» перед первой камерой.

Со своего поста за нами наблюдал в видеоискатель оператор Зиглер. Вдруг ровно в двадцать часов двадцать семь минут он передал нам в шлемофон новость, только что полученную им из передвижной лаборатории. Пьер Бадель сообщил: «С камерой № 3 произошла авария...»

На наших часах минутная стрелка бежит ужасно быстро, всех одолевает беспокойство — хватит ли оставшихся трех минут, чтобы ликвидировать аварию. Увы! Три минуты истекли, а сигнала нет. Неужели из-за злополучной неисправности камеры сорвется передача, подготовка которой стоила стольких трудов? Нет, остается еще одно средство, одна надежда. Зиглер держит нас в курсе дела. Бадель, сообщив по телефону в Париж о технической неполадке, получил сорок пять минут. Телестудия, оказавшись в цейтноте, начала трансляцию спектакля, записанного в мюзик-холле; по программе спектакль должен был идти вслед за репортажем из грота Бедейак.

Мы слышали гул, топот, голоса, аварийные свистки и прочие звуки — несомненно, монтеры делают все возможное, чтобы обнаружить и устранить злосчастную аварию. Пока одни электрики выслушивают и демонтируют камеру, другие бегом разворачивают новый двухсотметровый кабель, протягивая его от грузовика к сломанному аппарату.

Вообразите! Телезритель, удобно усевшись перед экраном и наблюдая спектакль из мюзик-холла, даже не подозревает о лихорадочном возбуждении, которое царит в эти минуты где-то далеко в Пиренеях, в глубине грота Бедейак!

Чтобы скрасить все неудобства томительного ожидания (ведь мы находимся в сыром глинистом лазе, и де Кон утверждает, что нам угрожает насморк), наш диктор рассказывает несколько забавных историй и пародий. И лишь один Дельтей (он привык к пещерам, и, право, можно сказать о нем, что он любитель неудобств) мирно спит; прелесть пародий до него не доходит. Время идет. Уже полчаса, как спектакль «Путь к звездам» занимает экраны телевизоров, и вот наконец Зиглер возвещает нам: камера № 3 снова вступает в строй. Выяснилось, что на нее роковым образом повлияла сырость подземелья; неисправность вызвала ничтожная избыточная концентрация влаги.

Четверть часа спустя мы «выходим на сцену». Иными словами, мы оставляем лаз и, оправившись от судорог, появляемся перед камерой. Де Кон представляет нас публике. Затем, растирая поясницу и имитируя одышку, он спрашивает меня, какие, по моему мнению, спортивные качества необходимы, чтобы стать хорошим спелеологом. Вопрос подготовлен заранее, и это позволяет мне обстоятельно перечислить все качества. Хороший спелеолог должен обладать теми же данными, что и хороший альпинист. Вдруг де Кон взволнованно прерывает меня:

— Но я не вижу ни Лепине, ни вашей дочери. Почему их все еще нет с нами?

— Не волнуйтесь, — успокаиваю я его. — Они отправились по другому пути и сейчас взбираются по отвесной стене в поисках верхнего яруса.

В этот миг наше изображение исчезает с экрана, и начинает работать камера № 2. В двадцати метрах над нами появляются два маленьких силуэта, вцепившихся в неподатливую стену. Это Лепине и моя дочь. Чтобы легче преодолеть подъем, они подставляют друг другу спины и оказываются на головокружительной высоте. На узком карнизе, приклеившись к стене, как мухи, они осторожно продвигаются вперед, толкая ногами неустойчивые камни. Камни срываются в пустоту и, отскакивая от препятствий, с грохотом падают на дно пропасти. Освещение превосходное, звук передается хорошо, эпизод проходит успешно. Оператор Муликара отлично передал на экране спортивное мастерство спелеологов. Во время этого эпизода мы не оставались без работы. Нам нужно было срочно, оставив камеру № 1, пересечь обширный зал, заполненный хаотическими нагромождениями камней, и войти в поле действия новой камеры, которая ждала нас в зале Ла-Фонтен.

С тех пор как Лепине и Раймонда исчезли за стеной, камера № 2 прекратила работу; вместо нее оператор Мансьон включил камеру № 3 и все шесть прожекторов. Они ослепили нас в тот момент,

когда мы дошли до маленького озера, куда с массивного сталактита капля за каплей стекала вода. Прямо над озерком установили микрофон, прикрепленный к концу длинного и тонкого металлического шеста, и записали музыку этих капель, падение которых мы все четверо наблюдали с самым мудрым видом.

Затем де Кон нарушил тишину, всем своим видом показывая, что вдохновлен. Он осведомился о роли подземных вод, потом спросил, как образуются сталактиты и сталагмиты, навел справки об архитектуре древних пещер и потребовал разъяснить, как ведут себя подземные реки и каково действие эрозии.

Пока я отвечал на все эти вопросы, глаз камеры обследовал для телезрителей гигантские своды и стены, на фоне которых видны были сталактиты, огромные колонны, несущие тяжесть сводов, зияющие трещины, беспокойная поверхность озера. Время от времени камеру направляли на нас, крупным планом показывая экипировку: шлемы с налобными фонарями, наручные компасы, скальные крюки и кошки, пристегнутые к поясным ремням.

Но вот во мгле издалека слышится продолжительный свисток. — Что это? — удивленно спрашивает де Кон.

— А! Узнаю свисток Лепине, — отвечаю я, — должно быть, они начали спуск.

Бассейн Ла-Фонтен исчезает с экрана, уступая место паре Лепине — Раймонда, которую снимает камера № 2, вновь вступившая в строй. Теперь ее направили на высоко расположенный балкон, на котором можно рассмотреть две движущиеся тени.

— Что они делают? — слышится голос де Кона, но его самого теперь уже не видно. Не видно и Бидегена, но слышится его ответ.

— Вы же видите, им удалось добраться и обследовать труднодоступный верхний ярус. Сейчас они приступят к вертикальному спуску.

— Что значит вертикальный спуск?

На второй вопрос де Кона ответа нет. Точнее говоря, ответ дает развертывающаяся на экране сцена.

Лепине, присев над пустотой, разворачивает тонкую лестницу, укрепляет ее за небольшой выступ и обвязывает страхующей веревкой Раймонду, которая переступает через край балкона и начинает проворно спускаться по зыбким и тонким, как паутина, стальным ступенькам (лестница эта системы Жоли, погонный метр ее весит всего лишь пятьдесят граммов). Камера неотступно следует за маленьким силуэтом. Раймонда раскачивается в пустоте, спускаясь вдоль вертикальной стены. Величественная тишина прерывается лишь короткими фразами, которыми, не прекращая работу, обмениваются спелеологи.

— Все в порядке? — спрашивает Лепине. Наклонившись над пустотой, он «успокаивает» свою партнершу.

— Да, в полном порядке, — отвечает Раймонда, продолжая спускаться быстрыми и гибкими движениями. Передача велась даже чересчур быстро. Пьеру Баделю очень хотелось вмешаться и упросить оператора снизить темпы, чтобы зритель мог прочувствовать все трудности спуска. Но в прямой передаче с места событий невозможно было ни изменить что-либо, ни, тем более начать заново.

А мы во время молниеносного спуска Раймонды спешно покидали зал Ла-Фонтен; нас ждали у камер № 4 и 5, которые находились в двухстах метрах. Здесь неожиданное обстоятельство осложнило наше продвижение. По техническим причинам надо было уменьшить яркость налобных фонарей, иначе на экранах телевизоров они давали бы световые кольца. Пришлось вымазать их глиной. Мощные прожекторы освещали лишь пространство вблизи камер: все остальное было покрыто мраком. Теперь наши затемненные лампы испускали не больше лучей, чем бледные светлячки; в пути мы испытывали немалые трудности и легко могли опоздать.

Брар, оператор камеры № 4, очень волновался, так как в ходе передачи чуть было не случилось заминки. Впрочем, в крайнем случае он мог заснять нас в момент, когда мы появились вдалеке между двумя гигантскими колоннами. Телевизионная передача из грота — не увеселительная прогулка! Подойдя к операторам, мы остановились в нескольких метрах от них, а в это время у нас над головой заколыхался длинный, как ствол телескопа, стержень с микрофоном.

Сейчас вопросы де Кона касаются в основном доисторического прошлого. Он спрашивает, посещали ли этот грот в каменном веке наши далекие предки. И я начинаю подробный рассказ о хорошо известных мне вещах.

— Пещерный человек населял не только грот Бедейак, но и многие другие, — говорю я, — здесь нашли многочисленные очаги первобытных жилищ, различные кремневые орудия и инструменты. На стенах грота видны картины, нарисованные рукой доисторического человека. И я указываю на силуэт большого черного бизона, который тотчас был запечатлен камерой.

Далее следует очередь Дельтея. Он объясняет де Кону, что некоторые дикие животные — медведи, львы, гиены — иногда попадали в пещеру и что сюда же, в пещеры, люди волокли животных, убитых ими наверху. Под землей находят также кости бизонов, мамонтов, лошадей, северных оленей, каменных баранов. Увлечшись, Дельтей протягивает де Кону (де Кон проявляет при этом

все признаки живого интереса) огромный череп пещерного медведя, рога северного оленя, плечевую кость бизона. Он передает также образцы каменных орудий: массивные ручные рубила, каменные топоры и маленькую лошадиную голову из кости, служившую примерно тридцать тысячелетий тому назад украшением изящной ориньянке.[13]

Камера № 5 (ее обслуживал тот же Брар) эти предметы фиксирует на близком расстоянии, чтобы зрители могли их подробнее рассмотреть. Продолжая беседу о доисторическом прошлом, де Кон спросил, нет ли к Бедейаке еще каких-нибудь первобытных рисунков. Ему отвечает Бидеген. Он объясняет, что грот, где мы находимся, не богат наскальной живописью и лучше посмотреть это древнейшее искусство в соседней пещере Нио. На экране аппарата № 5 крупным планом наплывает вереница силуэтов — бизоны, олени и каменные бараны; это снимки, сделанные в гроте Нио, чистейшие шедевры искусства мадленцев[14] -анималистов. По мере их появления Бидеген дает комментарии и для сведения публики подчеркивает, что среди рисунков есть проколотые изображения беременных самок (что должно было искупить вину в случае попадания в них и благоприятствовать плодovitости и воспроизведению вида); на других картинках нарисованы израненные стрелами животные (магические символы охоты, которые должны были помочь поймать и убить желанную дичь). Вдруг пояснения Бидегена прерываются далеким зовом.

Кто это кричит? — спрашивает де Кон.

— Это Лепине, — отвечает Дельтей и издает при этом крик, напоминающий дикое ржание.[15] Так Дельтей призывает Лепине и Раймонду, которые должны искать нас.

Бидеген, заканчивая свой экскурс в область доисторического искусства, показывает последний документ: каменное панно, изрешеченное красными черточками и точками. Это первые идеограммы и, может быть, первые опыты и зачатки письма. В этот момент к нам присоединяются Лепине и Раймонда. Техник-оператор приказывает сомкнуться — все шестеро должны уместиться на экране, что отнюдь не легко!

Лепине и Раймонда кратко рассказывают об открытии верхнего яруса грота. Впрочем, наше исследование не закончено, и я объясняю, что профессиональным спелеологам присущи природная любознательность, жажда все видеть и привычка докапываться до корня явлений.

— Ну хорошо, будем докапываться, — заявляет Дельтей. И, трогаясь в путь, группа выходит из поля камеры.

Но де Кон удерживает меня за руку, желая узнать еще кое-что, и мы с ним на экране остаемся наедине.

— Каковы цели спелеологии? — спрашивает он меня в заключение.

Этот краткий вопрос требует подробного ответа, но я, приступая к объяснению, уклоняюсь от многих деталей. Я рассказываю, что спелеология изучает явления, которые относятся к самым разнообразным и увлекательным областям науки — геологии, минералогии, гидрологии, биологии, физики, химии, истории первобытного общества и палеонтологии. В спелеологии загадок хоть отбавляй!

Но наша пленительная наука является также образцовой школой дисциплины, ибо в своеобразной, необычной и опасной обстановке она рождается и выковывается долгими годами глубокой дружбы. В суровом подземном мире воспитываются подлинные качества взаимопомощи, преданности и даже самоотречения.

Человек сталкивается лицом к лицу с ситуациями, требующими необычайной физической и моральной выносливости. Короче говоря, прекрасный девиз Французского клуба альпинистов: «За родину, в горы», можно, внеся небольшое изменение, превратить в девиз спелеологов: «За родину, в пещеры»...

Де Кон, кажется, удовлетворен полученными сведениями и (радио и телевидение обязывают к оперативности и краткости) знаком велит мне присоединиться к спутникам, собравшимся у камеры № 6, при помощи которой Гапай приготовился заснять последнюю сцену передачи.

Эта завершающая сцена будет немой, какой и подобает ей быть в подземном мире. Все шестеро идем гуськом. Спускаясь вниз по склону, отходим все дальше и наконец исчезаем в глубине грота. Сцена эта была бы лишена оригинальности и своеобразия, если бы не огромные тени на стене, шагавшие с нами «в ногу». Какой разительный контраст между ничтожно малыми размерами людей, затерявшихся под землей, и гигантскими тенями (достигающими метров десяти высоты!), которые буквально подавляют этих пигмеев! И в тот момент, когда крохотные фигурки спелеологов исчезли во мраке, а вместе с ними рассеялись и их громадные тени, слышится звонкая и неумолчная мелодия, уже звучавшая в передаче: это серебристая песня капель, падающих со сводов пещеры. Лишь она, сливаясь воедино из тысячи едва слышимых звуков, нарушает вечное безмолвие подземного мира.

Часть вторая

Воспоминания о подземном мире

*И мы в безмолвной тишине
услышим шепот тайн природы.*

Анри де Ренье

Мир безмолвия, уединения и мрака

Зорко одно лишь сердце.

Самого главною глазами не увидишь.

А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц
Когда говорят, что пещеры представляют собой царство вечно-го, непроницаемого мрака, то кажется, будто эта истина не требует доказательств.

Тем не менее нам приходилось встречать людей, которые сомневались в этом; по неведению или по недоразумению они полагают, что дно самых глубоких гротов всегда озарено неким тусклым сиянием, уверяют также: между гротами и пещерами различие, тогда как на самом деле такого вовсе нет. Именно они пользуются забавным гибридом «подземные гроты», не замечая, что допускают отъявленную тавтологию.[16]

Мы утверждаем: помимо некоторых не очень интересных природных углублений с широким наружным отверстием, все пещеры и пропасти абсолютно черны и пребывают в вечном мраке. Слегка освещены лишь то верхние горизонты, куда скупо проникает дневной свет.

Огромное большинство людей испытывает инстинктивный страх перед темнотой, поэтому легко объяснить немалое их отвращение к пещерам. Разумеется, говоря о пещерах, мы не имеем в виду те должным образом оборудованные и электрифицированные, которые обычно посещаются туристами.

Боязнь ночи, ужас мрака, по-видимому, столь же древни, как и само человечество. Это атавистическое чувство, вероятно, унаследовано от наших доисторических предков. В те далекие времена в ночную пору человек перед лицом опасности был безоружным; он не мог отражать нападения диких зверей.

Ночью малейший шум кажется подозрительным, тревожным, угрожающим. Хорошо известно также, что ночью человек куда более мнителен, страхи овладевают им в большей степени, чем днем.

Почему темнота пугает детей?

Совсем маленьким детям темнота, видимо, не внушает страха, но и они все же предпочитают ей свет. Младенцы кричат и плачут, если их надолго оставить в темноте.

Однако по мере пробуждения ума и рассудка ребенок начинает проявлять панический страх перед темнотой; темный чулан,

крысы, волки, страшилища, рассказы о разбойниках и «трубочистах» приводят его в ужас. Нужно отметить, что всем этим реквизитом взрослые нередко злоупотребляют, и такие излишества не остаются без последствий. Действие подобных угроз оказывается подчас весьма длительным, ибо именно у детей укореняется боязливость, и от этого чувства уже бывает трудно избавиться и в зрелом возрасте. Что было бы с ребенком, если бы ему никогда не внушали страх перед темнотой и не рассказывали о ведьмах, оборотнях и колдуньях?

Может быть, эффект был бы таким же, как и в случае с моей четырехлетней дочуркой: я умышленно оставил ее одну в гроте и совершенно серьезно объяснил ей, что кое-что забыл наверху и скоро вернусь. Затем я вышел из пещеры и спустя четверть часа неторопливо возвратился.

Четверть часа одиночества в пещере при тусклом свете огарка в тишине показались бы слишком долгими многим взрослым, наделенным хотя бы небольшим воображением. Но у моей дочери Мари было перед взрослыми то преимущество, что она обладала воображением ребенка четырех лет от роду, никогда не слышавшего вздорных историй. Ей никогда не говорили, что ее «съест большая крыса», «злая собака», «серый волк», если она пойдет, куда ей не разрешается, не будет слушаться или будет сосать палец.

Короче говоря, она пребывала в полнейшем равновесии — ничто не волновало ее, никто ее не обманывал. Она ждала меня доверчиво и спокойно — все было вполне нормально и не вызывало поэтому никакого восхищения. «Храбрость» Мари в данном случае была детской отвагой; она вызывалась тем непониманием опасности, которое проявляют маленькие дети, лаская свирепого быка, пугливую лошадь, злую собаку или даже льва сквозь стальные прутья клетки.

Но, увы! Я думаю, что в восьмилетнем возрасте Мари уже не обладала бы ни прежней безмятежностью, ни прежней неустрашимостью. Почему? Потому что в эти годы разговоры, чтение, кино — все и вся вселило в нее идею страха. И вот в восьмилетнем возрасте рыжеволосая дочурка испытывала неудержимый страх, когда в сумерках должна была идти в сад запирать курятник...

Надеюсь, читатель меня простит, но приведу еще один пример из личного опыта. Пещеры я начал посещать в одиночку с одиннадцати лет, и первое время меня очень пугали мысли о волках — ведь в начале нашего столетия рассказы на «волчьи» темы были в большой моде. Впоследствии я неоднократно испытывал страх под землей, но должен сказать, что тревоги эти, пусть даже необоснованные, носили практический характер: я боялся заблудиться.

диться, опасался, что может погаснуть свет, страшился углекислого газа, обвала, несчастного случая; не скрою, однако, иногда меня волновали и различные необъяснимые явления.

Что же пугает в темноте взрослых?

Одним страшно оставаться в одиночестве, другие, наоборот, боятся, что во мраке «кто-то» может притаиться... Третьи страшатся зверей (не отдавая себе отчета, каких именно), но непременно каких-то «зверей». Боятся также разбойников, убийц. И, наконец, многие во тьме пещер испытывают страх перед духами, призраками, привидениями, чертями и даже — право, я не шучу — колдуньями. К счастью, лично я (а моя жизнь частично проходит под землей) свободен от этих страхов, но мне нетрудно понять тех, кто испытывает подобные страхи, чувствует себя ужасно в недрах земли.

Мартель со времени одного из своих походов по подземельям Пиренеев в 1908 году не брал с собой басков. Баски народ смелый и отважный, но по ночам в пещерах они боятся ламиаков — так они называют подземных духов, которых ни в коем случае не следует беспокоить в их обители мрака.

В 1934 году мне пришлось наблюдать те же предрассудки и страхи у берберов Атласа. Этих преданных и не знающих усталости людей не смущали долгие переходы с тяжелым грузом за спиной под палящими лучами солнца. Но стоило им подойти к входу в пещеру — и весь их пыл и преданность резко угасали. Инстинктивная боязнь подземных духов и иных джинов, которыми воображение населяло земные недра, обезоруживала этих горцев, и они не могли следовать за нами.

Помимо страха, который порождается в пещере одиночеством и различными суевериями, на психику человека оказывают влияние и оптические явления; порой они вызывают галлюцинации; утомленное зрение и усталый мозг не выдерживают испытания тьмой.

В 1946 году два молодых человека — Марсель Монеьер и Роже Жакен — потерпели крушение на подземной реке Верна (департамент Изер). Надувная лодка, зацепившись за острый камень, распоролась и пошла ко дну, и оба спелеолога вынуждены были плыть в полном мраке, ориентируясь на осязание. Им удалось взобраться на узкий каменистый уступ, примостившись на нем, они ждали помощи. На берегу подземного озера, в тысяче метров от дневного света, эти люди оказались в отчаянном положении.

На разные голоса журчали ручьи, сбегавшие в озеро, и, так как нервы двух смельчаков были напряжены до предела, в звуках этих им слышались далекие призывы и обрывки речи. Крайняя усталость и холод вызывали зрительные и слуховые галлюцина-

ции. Марсель и Роже попали под власть миражей.

«Нам казалось, что где-то появлялся совсем слабый, едва различимый свет. Затем он становился все сильнее, переходил в ослепительное зарево и разом исчезал. Этот мираж непрерывно повторялся, и всякий раз в шуме водопадов нам чудились человеческие голоса».

Так продолжалось двое суток, пока людям, которые отправились на лодке спасти юношей, не удалось найти их.

«Вдруг вдалеке раздался крик, истинный крик. Не говоря ни слова, мы взялись за руки и буквально завывали от радости. Это было неопишное мгновение: нас захлестнул бурный поток мыслей. Мы были до такой степени ошеломлены, что задали приближавшимся спасителям идиотский вопрос: „А свет у вас есть?“»

Можно представить себе страшные часы тревоги, пережитые этими молодыми людьми. А какова могла быть участь человека, который при подобных обстоятельствах оказался бы в одиночестве?

В 1954 году такие испытания выпали на долю Луи Манзона. Изнуренный многодневным заточением в пещере Сигалер (департамент Аръеж), оглушенный шумом пятидесяти двух водопадов, низвергавших ледяную воду, дойдя до полной потери воли и сил, он оказался во власти подлинных галлюцинаций. Луи уверял нас, что повсюду видел огоньки и даже маленькие ярко освещенные дома.

В том же, 1954 году нечто подобное пришлось испытать и мне, хотя я не дошел до такой степени изнеможения. Это произошло в глубине пропасти Пьер-Сен-Мартен, где я провел несколько дней. Помню оргию пестрых и непривычно ярких огней. Я ясно осознавал, что это был результат зрительной усталости, но, даже закрыв глаза, я видел ослепительные фейерверки. Я лежал в палатке, разумеется, в непроглядной мгле, утратив чувство времени. Я видел яркие и многоцветные ткани, их окраска и тона менялись непостижимым образом. Если бы я был живописцем или декоратором, то обязательно бы использовал эти восхитительные образцы.

По любопытному совпадению мой друг и спутник Жозеф Дельтей, лежавший рядом со мной в палатке, тоже «видел» отливающие разными цветами ткани и блеск изумительных украшений. Но он спал, и все это являлось ему во сне.

Подобные миражи — а они, несомненно, вызываются крайним утомлением — порой бывают столь острыми, что создают иллюзию полнейшего правдоподобия; тогда вступают в единоборство рассудок и болезненное воображение, и вполне нормальный человек оказывается во власти оптических иллюзий.

Аналогичный случай произошел и с моим другом Жаком Эрто в 1949 году на подземной реке Падирак. Проведя несколько дней в пещерных глубинах, он приблизился к подземному лагерю — палатке, поставленной на каменной плите, выделяющейся на общем фоне. В тот момент, когда до него донеслись голоса товарищей по экспедиции, произошло необыкновенное событие. «Мне открылось, — говорит Эрто, — удивительное и при этом вполне реальное зрелище: метрах в двадцати от меня на нежно-зеленой лужайке, подобной английскому газону, стояла палатка; за палаткой виднелась невысокая розовая стена, над которой зеленели кроны деревьев. То были каштаны. Дивное весеннее утро, идиллический экскурсионный лагерь — таково было впечатление, которое создавала эта картина. На мгновение я остановился как вкопанный; я был в плену одной из тех галлюцинаций, которые мне однажды уже пришлось испытать в пропасти Хенн-Морт. Я закрыл глаза, но тщетными были все мои попытки избавиться от этого наваждения. Когда до лужайки осталось лишь несколько метров, все изменилось и приняло истинный вид: розовая стена оказалась серой, а деревья превратились в камни причудливых форм. Многим еще предстоят подобные галлюцинации; одни „увидят“ знамена, другие — цветы либо ковры; причем краски бывают яркие и живые. Мы полагаем, что причина кроется в чрезмерной усталости глаз в многочасовом воздействии одноцветной тьмы».

В самом деле эти явления всегда сопутствуют неумеренно долгому пребыванию в пещерах, крайней усталости организма и в особенности глаз. Казалось бы, следует предполагать и опасаться вредного воздействия темноты на организм, и все же легко убедиться, что без нее нельзя обойтись. Человеку темнота необходима так же, как и свет, и ее отсутствие смертельно.

Значит ли это, что человеку нужен густой вечный мрак пещеры? Разумеется, нет. Но ведь в природе известен не только мрак подземных миров; на нашей планете всякий раз после захода солнца сгущается тьма. Безусловно, ночи на земле не абсолютно темные, так как землю освещают луна и звезды. Но нередки и безлунные ночи. Часто облака скрывают от нас «туманный свет, проливаемый звездами».

Хотя большинство людей и страшится тьмы, именно ночь обеспечивает условия, необходимые для нормального существования. И человек не только «терпит» ночной мрак, а стремится усилить его. Он впускает ночь к себе в дом — ведь, засыпая, он гасит свет.

В первые годы жизни ребенок спит по крайней мере от двенадцати до четырнадцати часов в сутки. Взрослый спит в среднем

девять часов. Отсюда следует, что из шестидесяти лет, прожитых человеком, двадцать три года отданы сну.

Но человек спит меньше, чем прочие живые существа. Посмотрим на окружающий нас мир. Выражаясь условно, птицы отходят ко сну и засыпают с заходом солнца. Пробуждаются они с очередным появлением дневного светила. Следовательно, в зависимости от времени года они пребывают в темноте от семи до пятнадцати часов в сутки.

Домашние животные: лошади, коровы, свиньи, овцы и т. д., а также домашние птицы не только спят всю ночь, но и дремлют днем, причем по несколько раз, нередко довольно долго.

Напротив, большинство диких животных, называемых дневными, по существу являются ночными. Таковы волки, лисы, барсуки, кролики, зайцы, олени, кабаны и т. д., которые живут и передвигаются преимущественно ночью. Из хищников львы, тигры, пантеры, шакалы и гиены также охотятся ночью, а спят преимущественно днем. Совершенно очевидно, что подобные животные знают и любят ночь больше, чем день. Их ночные навыки и дневная спячка показывают, что большая часть их активной жизни протекает в темноте, а не при свете.

Эта особенность еще ярче подтверждается на примерах подлинно ночных представителей насекомых, земноводных и бесчисленных мелких млекопитающих: ласк, каменных куниц, хорьков и ежей, всевозможных крыс, обычных и лесных мышей, сонь, землероек и кротов. Существуют и такие насекомые, которые бодрствуют и работают в темноте, как, например, муравьи, термиты и пчелы.

Известно, кроме того, что рыбы и все подводные животные двигаются и охотятся больше ночью, чем днем. Люди знают, но часто забывают или просто им не приходит на ум, что существуют необозримые просторы, где всегда царит абсолютная и вечная тьма. Это подводное царство, и оно превосходит по площади всю поверхность суши.

Мы приводим подобные примеры совсем не для того, чтобы доказать парадоксальный тезис. Нам просто хочется привлечь внимание к реальным фактам, которыми так часто пренебрегают.

Кстати, отметим, что слепые бывают отнюдь не столь несчастны, как это мыслится зрячим. Слепые не страдают от отсутствия света и зрения: темнота не давит на них, особенно на слепорожденных.

Авторы книг о слепых берутся за крайне сложную тему и с уверенностью высказывают ложные суждения, свойственные всем зрячим.

Увлекается этой проблемой, например, Жорж Дюамель. Он пишет: «Зрячему мир слепого кажется сплошной и мучительной загадкой. Эту загадку часто пытаются разрешить народные легенды, поверья, литературные произведения; такие попытки принимаются с добрыми намерениями, они вызывают искреннее сочувствие к слепым, но лишены экспериментальной основы, одним словом, свидетельствуют о непонимании сути дела. Имеется немало разумных и добросердечных людей, которые чуть ли не ежедневно или, точнее, еженощно задают себе вопрос, что бы с ними случилось, они вдруг потеряли одно из чувств, на котором основано их познание мира?»

В книге «Жизнь слепых» автор, слепой Пьер Анри, обращаясь к зрячим, приводит следующие истины и откровения:

«Обычно люди легко представляют себе слепого горестным существом, обиженным судьбой, удрученным самым жестоким из недугов. Но следует договориться, что же имеется в виду, когда говорят о великом страдании слепоты. Для незрячего от рождения слепота — природное состояние, а не случайность; слепота его вовсе не удивляет, она естественна, и предосторожности, принимаемые иногда, чтобы скрыть от слепого ту преграду, которая его отделяет от других людей, кажутся ребяческими и бесполезными. В лучшем случае слепорожденным зрячие приписывают душевное спокойствие.

Обычно слепым часто приходится слышать банальную фразу: „Какое несчастье! Особенно, если он раньше видел“. Но зрячие совершенно не сознают, что не только слепой от рождения, но и потерявший зрение совершенно забывает о своей слепоте, если ближние, общаясь с ним, не напоминают ему о его несчастье. Вечное сожаление об утраченной возможности видеть свет, тоска по прекрасным закатам солнца и широким просторам, раскинувшимся до горизонта, — все эти общие места в книгах вызывают улыбку на лицах слепых, всего лишь несколько месяцев назад утративших зрение. И без всего этого можно обойтись, если обладаешь чувствительной душой».[17]

Эти строки, принадлежащие перу слепого, дают нам право с еще большей уверенностью утверждать, что можно жить в той темноте, где мы пассивно и почти бессознательно проводим значительную часть жизни. От этой темноты мы не в состоянии уйти, от нее нельзя освободиться; да и надо сказать, что мы не смогли бы всегда жить при свете.

В противоположность наказанию темным карцером в некоторых тюрьмах применялась утонченная и адская пытка: узника помещали в камеру, где яркий свет электрических ламп не гаснет ни днем, ни ночью.

Естественно, отсутствие зрения вырабатывает у слепого явное преимущество перед зрячим, это преимущество особенно проявляется в тех случаях, когда зрячие лишены возможности видеть, то есть в темноте.

Слепой обладает чувством ориентировки и ощущением близости препятствия, которое мало знакомо зрячему. Большинству слепых, несомненно, свойственна способность принимать сигналы, предупреждающие о препятствиях.

Это могут быть препятствия, которые приближаются к ним, или преграды, к которым они подходят сами. Предлагались разные объяснения: различие перемены давления, звучности и т. д. И что любопытно и еще не нашло объяснения, очаг этих ощущений находится в области лба и висков; здесь, однако, не удалось обнаружить никаких специализированных органов.

Нам приходит на память случай, который произошел примерно в 1950 году в гроте Норе в районе Пуатье. Я посетил этот оборудованный и электрифицированный грот с группой туристов под руководством гида. Гид, скромный, обаятельный молодой человек, вел нас по пещере и рассказывал, как образуются сталактиты. Подолгу он останавливался в маленьких залах, то есть в тех местах, где стены пещеры образовывали раструбы; потом, закончив свои пояснения, он вел нас дальше, не забывая при этом протянуть руку к выключателям, чтобы погасить свет в пройденных отсеках и осветить те залы, куда нам предстояло войти.

Как-то раз, выпустив нас из зала после очередного объяснения, гид погасил свет, но не осветил прохода в следующие залы; мы остались во мраке. Однако наш гид безостановочно шел вперед! Из предосторожности наша маленькая группа приостановилась. Мы думали, что он направился к электрическому щитку. Но свет не загорался; гид, удаляясь от нас, все время предупреждал, где надо наклониться, чтобы не удариться о низкий свод...

Стоило нам слегка оправиться от неожиданности, как последовала общая шумная реакция; голоса слились в оживленный гомон, и все, смеясь, запротестовали и потребовали, чтобы был включен свет.

Гид (он успел значительно нас опередить) быстро вернулся. Найдя в темноте щиток и нажав кнопку, он вернул нам свет. Затем он извинился за свою оплошность и объяснил, что он слепой!

Впоследствии я задавал себе вопрос, не был ли этот акт заранее обдуман нашим гидом, не желал ли он позабавиться при виде изумленных туристов; ведь это было действительно незаурядное зрелище — в подземном мраке зрячим указывал путь слепой!

Больше всего нас поразило — и это впечатление незабываемо, — что совершенно слепой юноша знал свой грот наизусть и ориентировался в нем безошибочно и при свете и во мраке; он шел не наталкиваясь на выступы стен, не ударяясь о низкие своды и сталактиты. Ни одному зрячему не удалось бы пройти с таким мастерством.

Писать зрячему о слепых — дело нелегкое, но случай в гроте Норе позволяет нам приоткрыть завесу, которая скрывает пещерный мир, мир животных, приспособленных к вечному и беспросветному мраку. Эта пещерная фауна представлена главным образом насекомыми, но включает также червей, моллюсков, ракообразных, рыб, земноводных, нескольких млекопитающих и одну птицу. Невольно, изучая всех этих животных, называемых троглобиями, мы вспоминаем о слепорожденных; ведь троглобии никогда не видят дневного света и у них либо атрофированы, либо вовсе отсутствуют органы зрения.

Можно ли ясно представить себе жизнь в подземном мире?

Нелегко постичь все особенности этой необыкновенной среды, столь непохожей на ту обстановку, в которой мы живем. Чтобы лучше познать ее, нужно представить себе состояние человека, который родился и прожил глубоко под землей, в пещере, и никогда не выходил на поверхность. Такой человек, живущий в абсолютной тьме, не нуждался бы в органах зрения. В пещерах отсутствуют свет, тепло, холод, ветер, дождь, мороз; температура всегда постоянная — около десяти градусов Цельсия — и вечная пронизывающая сырость. В пещерах день не сменяет ночь, нет неба, солнца, звезд. Не чередуются времена года, нет растений,[18] не поют птицы, не воют звери; там царит безмолвие. Что увидел бы такой отшельник, воспользовавшись фонарем? Лишь камень, глину да воду — такова эта внушающая отчаяние картина.

Однако в пещерах есть жизнь, и мы легко сможем убедиться, что обитатели пещер нисколько не страдают от мглы, от атмосферы, насыщенной парами воды, и от прочих бед подземного мира, ибо они приспособлены к нему. Доказано, что достаточно подвергнуть пещерное существо воздействию солнечного света и внешней температуры, и оно будет убито.

О великолепной приспособленности этих животных к пещерной жизни свидетельствует любопытнейший факт — большая часть их реликты мезозойской эры. Стало быть, им насчитывается примерно двести миллионов лет,[19] и специалисты справедливо называют этих представителей пещерной фауны живыми ископаемыми.

Все пещерные существа избегают света, даже очень слабого; подобное явление называют отрицательным фототропизмом. Но

как же воспринимают свет слепые животные?

Доктор Рене Жанель, крупнейший авторитет в области биоспелеологии, в своей работе о живых ископаемых пещер предлагает следующее объяснение. «Ощущение света есть основное свойство живого вещества, которое предшествовало эволюции, оптического аппарата. Общая чувствительность к свету, несомненно, опережала развитие глаз, и эта чувствительность должна была ослабляться по мере того, как световосприятие локализовалось в постоянно развивавшихся специальных зрительных органах.

Отсюда следует, что пещерные животные должны были унаследовать от своего родоначальника способность ощущать свет, независимо от органов зрения».

Во всяком случае, бесспорно, что обитатели пещер немедленно устремляются в зону мрака. Это общая постоянная отрицательная реакция на свет. Тот же доктор Жанель утверждал, что, даже прожив четырнадцать лет в полутемном аквариуме, протей[20] не проявляют никакой приспособленности к свету.

Биоспелеология одна из наиболее молодых отраслей естественных наук. Тем не менее изучено уже немало проблем, связанных с жизнью пещер.

Особенности расположения глаз, а подчас и отсутствие их у представителей пещерного мира обусловили особую восприимчивость других органов чувств. Наблюдениями было установлено, что у пещерных животных великолепно развиты органы слуха и обоняния. Что же касается органов осязания, то у обитателей пещер имеются крупные и высокочувствительные усики, всякого рода щупальца и волосяной покров.

Особым представителем пещерной фауны, поистине исключительным по своим свойствам и поведению, выработанному в ходе длительной адаптации и эволюции, является летучая мышь. Несмотря на отсутствие обычных органов чувств, она обладает удивительной способностью не просто передвигаться, а летать с поразительной легкостью; при этом летучие мыши безошибочно ориентируются в пещерном мраке.

В самом деле, это животное обладает неким подобием радиолокатора. Но в отличие от человека, который лишь недавно изобрел радар — систему с многотонным оборудованием и целой армией специалистов, летучая мышь обладает особыми локационными органами и пользуется ими миллионы лет.

Приблизительно в 1940 году американские физики и биологи Гриффин и Гэйлэмбос[21] открыли и доказали, что во время полета летучая мышь испускает ультразвуки частотой порядка пятьдесят тысяч колебаний в секунду. Волны этого диапазона абсолютно не воспринимаются человеческим ухом; известно, что

верхний порог слышимости — двадцать тысяч колебаний в секунду.

Источником ультразвуков у летучих мышей является относительно широкая и снабженная мышцами гортань. Ухо летучей мыши регистрирует эхо, когда звук, который испускается ее голосовыми связками, отражается от препятствия; таким образом, животное избегает выступов и сталактитов — бесчисленных преград темного подземного мира, в котором оно проводит всю свою жизнь.

Летучая мышь, несомненно, наделена органом, подобным радиолокатору, если понимать этот термин в общем смысле, как средство восприятия отраженных волн. Таким образом, можно утверждать, что летучая мышь снабжена звуколокатором. Ничтожно краткое мгновение, от момента подачи звукового сигнала до возврата эха, несет спасение животному; именно поэтому оно с такой ловкостью и быстротой летает между препятствиями и никогда не сталкивается с другими летучими мышами, а ведь тысячи этих животных вихрем носятся в непроглядной мгле.

Поистине, летучая мышь — самое удивительное и, вероятно, наиболее творчески одаренное животное пещерного мира; ведь она может легко и успешно летать и в ярких солнечных лучах, и при свете луны, и во тьме погребов или чердаков, и в полнейшем мраке глубочайших пещер.

Вернемся к поведению человека в подземной среде. Спрашивается, может ли человек без ущерба для себя жить в безмолвии, уединении и мраке?

Выше уже говорилось, что такие условия часто вызывают душевное расстройство — клаустрофобию, галлюцинации, оптические и акустические иллюзии.

Заслуживает упоминания очень любопытное и трудно объяснимое явление, связанное с оценкой времени. Мы имеем в виду время пребывания в пещерах. Казалось бы, в недрах Земли человек осужден на однообразное существование, скуку, неудобства, что там он испытывает неуверенность, страдает от холода и сырости и что все эти невзгоды способны минуты пребывания под землей превратить в долгие часы. Действительно, в подобных условиях быстро теряется представление о времени, но, как ни парадоксально, время в пещерах течет быстрее, чем на поверхности. Еще Мартель, основоположник спелеологии, отмечал эту любопытную особенность, описывая свои первые подземные экспедиции.

«Надо самому принять хоть сколько-нибудь активное участие в этих в высшей степени волнующих исследованиях, — пишет он в своей книге „Пропасти“, — чтобы осознать всю их притягатель-

ную силу, чтобы познать, насколько жажда неизведанного подавляет всякое другое чувство, чтобы постичь, сколь велико непреодолимое, магнетическое влияние, которое оказывает страсть к открытиям, восторг, глубокий мрак, вся эта таинственность, безмолвие, забвение солнца и неба, одним словом, полный отрыв от внешнего мира».

И далее он добавляет:

«Впрочем, физического утомления мы не испытывали; это была усталость, вызванная острыми впечатлениями — восторгом и удивлением, и если это феерическое путешествие длилось бы дольше, состояние перевозбуждения могло бы оказаться роковым, и мы утратили бы и представление о времени, и желание возвратиться на поверхность. Выходя из грота Даржилян в глухую ночь, мы всякий раз удивлялись, устанавливая, что уже прошел целый день, тогда как под землей нам казалось, что минуло всего лишь несколько часов».

Эти строки стали классическими именно потому, что подобное чувство испытывают все спелеологи; причину его они приписывают «лихорадке открытий». Возбужденность, восторженное состояние духа и прочие факторы, упоминаемые Мартелем, объясняют, по-видимому, и погрешности в оценке времени. И всякий раз такие погрешности бывают весьма значительными — ведь время особенно стремительно бежит в часы опасных схваток с подземным миром, в обстановке, где нередко разыгрываются тяжкие трагедии.

В ноябре 1951 года в подземельях Юры внезапным притоком воды был блокирован доктор Мерей. Поток унес и поглотил шестерых его спутников. Судорожно уцепившись за каменный выступ, прижав голову к низкому своду, погружившись по шею в ледяную и мутную от грязи воду, он не сдавался. Мерей не потерял хладнокровия, не испытал галлюцинаций; но как только начался отлив, оцепеневший от холода и обессилевший исследователь добрался до выхода из грота и увидел дневной свет, он был ошеломлен — спасители его сказали, что пытка эта длилась двадцать семь часов. Ему же казалось, будто он находился в воде всего лишь несколько часов.

В 1947 году в пропасти Хенн-Морт были ранены Марсель Лубан и Клод Морель, и лишь ценой бесконечных усилий и опасных маневров (особенно тяжелых для пострадавших) нам удалось поднять смельчаков с глубины двухсот сорока метров. Когда наконец мы выбрались на поверхность, удивление наше было безмерным: мы никак не могли взять в толк, что эта изнурительная операция, которая велась без отдыха и без «заправки» пищей и водой, длилась тридцать два часа. Нам казалось, что не прошло и двенадца-

ти часов.

Очень любопытны и поучительны эксперименты, проведенные недавно в Соединенных Штатах Америки для изучения реакции человека, оставленного в полной темноте и абсолютной тишине на несколько дней. Именно таковы условия межпланетных путешествий. Итоги этих опытов подтверждают изложенные здесь выводы.

Профессор Джек Э. Верной на четыре дня запирает студентов Принстонского университета в небольшие одиночные свето- и звуконепроницаемые камеры. Эти подопытные «кролики» располагали ложем, санитарными принадлежностями, съестными припасами и напитками.

Были получены удивительные результаты. В частности, отмечалось притупление вкусовых восприятий. Даже у самых отъявленных курильщиков исчезало желание курить. Что же касается оценки времени, то надо отметить — эти люди, по собственной воле подвергнувшиеся «заточению», были крайне изумлены, когда им сказали, что опыт продолжался четверо суток. Они были убеждены, что прошло всего лишь часа два.

В триединстве подземного мира, триединстве безмолвия, уединения и мрака, мрак — элемент неизменный.

Мрак — это отсутствие света, безмолвие — отсутствие шума.

Только человек способен рассеять подземную тьму; тишину же нарушают и человек, и животные, и потоки воды, и порывы ветра.

Само собой разумеется, что проникновение в пещеру группы спелеологов резко нарушает ее тишину. Шум шагов, голоса, звуки сигналов, свистки — все это пробуждает эхо — образное и весьма уместное выражение, когда речь идет о гротах — царстве гулких раскатов, акустических резонансов и звуковых интерференции. Нередко и сами животные делают это. Пещеры оглашаются писком летучих мышей, пристанища которых обычно устраиваются как можно дальше от наружных выходов. Временами летучие мыши поднимают немалый шум. Всем спелеологам знаком таинственный и столь устрашающий непосвященных гул рукокрылых; они летают под самыми сводами, и поэтому так искажается и усиливается шуршание их перепончатых крыльев.

Обратившись к временам доисторического прошлого, нетрудно мысленно восстановить прежнюю картину пустынных и безмолвных уже в течение тысячелетий гротов, где некогда раздавался грубый гортанный голос пещерного человека, отважного первобытного охотника.

Ориньякцы и мадленцы Дордони и Пиренеев множество раз слышали под землей ворчание чудовищного пещерного медведя

и жуткий рев его собрата — пещерного льва. Многочисленные кости и целые скелеты этих животных, которые обнаруживают в наиболее глубоких пещерах, свидетельствуют, что логовища их находились под землей. В те далекие времена — в эпоху наибольшего расцвета крупной пещерной фауны — безмолвие гротов часто и резко прерывалось звериным воем. Но человек и животные нарушают «великое черное безмолвие» довольно редко и сравнительно ненадолго. Гораздо чаще и на более продолжительное время в тишину врываются, подчас полностью ее вытесняя, шум и грохот, порождаемые различными естественными факторами; разумеется, в ряду этих факторов особенно важную роль играет вода.

Тот, кто слышал грохот подземного потока Рекка под сводами грота Сан-Канциано (Югославия) или шум паводка в пропасти Раймонды, нашествие вод, низвергающихся со стотридцатиметровой высоты, легко может представить себе, как взрывается безмолвие земных недр, как мертвая тишина мгновенно сменяется оглушительным подземным гулом. В недрах все рокошет, вибрирует, и звук стократно усиливает вездесущее пещерное эхо.

Особый характер и необычная интенсивность этих мощных голосов подземной природы, среди которых первое место принадлежит воде, подавляют и приводят в трепет человека, туманят его воображение.

Но не всегда беснуются подземные воды. Их звуки могут и умиротворять исследователя, поглощенного тайнами недр. Под землей порой слышится журчание ручьев и шепот струй — звуки, которые вносят жизнь в крошечную тишину. Время от времени раздаются мелодичные всплески капель, которые сочатся из сводов и, падая на зеркальную поверхность воды или на сталагмиты, испускают кристально чистые прозрачные звуки.

Но в пропастях слышатся не только звуки воды; порой срывается каменная глыба, обваливается шаткий карниз. Столетия разрушительной работы природных сил предшествуют этим обвалам, и в итоге создается тот необозримый и величественный хаос, который так характерен для подземного мира.

Обычно именно спуск спелеологов в пропасти вызывает камнепады, а нередко и огромные, разрушительные обвалы.

Всем, кому пришлось испытать подобную канонаду (а при этом, спасения ради, вы «вжимаетесь» в стену, либо забираетесь под узкий уступ, либо судорожно втягиваете голову в плечи, цепляясь за веревочную лестницу), хорошо известно, какой тяжкий осадок остается затем на душе — долго, порой всю жизнь, вас будут преследовать воспоминания о пережитом, и они особенно горьки для тех, кому падающие обломки нанесли увечья.

Звуки бегущей воды, этой великой нарушительницы подземного безмолвия, сочетаются с разноголосым пением ветра. Он шепчет под высокими сводами, зловеще завывает в каменистых проходах, свистит, прорываясь сквозь трещины и обращаясь в бурю. Ветер гудит и рычит в окнах, названных ветровыми отдушинами, до которых трудно добраться спелеологу, причем вооружившись только электрическими лампами. В ветровых отдушинах в лицо бьют мириады песчинок, вы чувствуете себя как в пустыне во время самума. Все спелеологи знают, как легко принять гул ветра за рокот воды. Эта «классическая» ошибка настолько обычна, что человек, до которого доносится грохот водопада в пещере, невольно спрашивает себя, не ветер ли вызвал такие звуки. Подобной путаницы никогда не бывает на поверхности земли.

Если забыть о каскадах воды, о воздушных потоках и падающих камнях, то можно согласиться с тем, что в подземном мире, как правило, царит полнейшая тишина, и она тягостно отражается на спелеологе-одиночке.

Трудно переносить «молчание камня», и поэтому спелеолог, оставаясь наедине с собой где-нибудь на выступе, нависающем над пустотой, или на перекрестке галерей, почти всегда что-либо напевает или насвистывает; он стремится не «слушать» тишины, ибо в этих глубочайших преддвериях ада особенно четко звучат шумы: биение сердца, хрипы в легких, хруст суставов и шейных позвонков.

В конце концов тишина есть небытие, и никакое описание ее не стоит того благодного чувства, которое наступает, когда она прекращается.

От картин мрака и безмолвия перейдем к описанию трагедии одиночества; сделать это не так просто, ибо в отличие от тьмы и тишины одиночество нельзя считать природным явлением. Это состояние, которое меняется в зависимости от случая, обстоятельств и внутренней настройки самого человека.

Устраняется ли это чувство журчанием струй пещерного каскада? Думается, что нет; оно, видимо, влияет на душевное состояние не более, чем свет фонаря или шум собственных шагов спелеолога.

Надо сказать, что все подобные шумы более или менее действуют на наш слух, но они в весьма слабой степени помогают избавиться от того чувства отрешенности, которое испытывает человек, оказавшийся в одиночестве.

Доктор Бомбар во время бури, когда его лодку швыряли волны Атлантики, испытывал такое же чувство полного одиночества, как и в час отдыха в тихую лунную ночь. А разве проплывавшие

мимо него медузы или моллюски смягчали чувство одиночества? Конечно, такой вопрос следовало бы задать непосредственно доктору Бомбару, но мы полагаем, что ответ на него вряд ли был бы положительным. Любой спелеолог, остающийся один на один с неизвестным миром, скажет, что вид летучей мыши или какого-нибудь пещерного насекомого не способен ослабить чувства отрезанности. Но право же, повстречался бы спелеологу медведь — и такое чувство как рукой бы сняло! Очень убедительные соображения на этот счет приводит доктор Бомбар. Помните его рассказ о злонамеренных акулах и меч-рыбе, которые едва не погубили хрупкое суденышко? Чувство одиночества сразу же исчезло у Бомбара; оно уступило место страху. Отсюда следует, что ощущение изолированности обратно пропорционально размерам и намерениям неожиданно появляющегося зверя и его месту в иерархии животного мира.

Как бы то ни было, можно утверждать, что подземное одиночество — это чувство совсем особого рода. Подобных переживаний нельзя испытать на поверхности земли. Над лесами, над горами, над морем, над знойными пустынями и полярными льдами всегда нависает небесный свод с солнцем, звездами или плывущими вдаль облаками; ветер колышет деревья и шумит в траве; снуют и кричат животные; летают, поют и щебечут птицы, стрекочут насекомые. Всепоглощающее подземное одиночество сродни сплошному мраку и безмолвию. Они неразрывны и усиливают друг друга. Мы упоминали, что в пещерах спелеологи обычно говорят, поют. Доктор Бомбар признается, что в многодневном своем плаваньи, желая нарушить тишину, он вступал в беседу с маленькой куколкой, которую ему подарили друзья накануне отплытия с Канарских островов. «Она превратилась для меня почти в живое существо, — пишет он, — я смотрю на нее и уже заговариваю с ней, сначала односложно, а потом во весь голос, рассказывая ей обо всем, что собираюсь делать. Ответа я не жду: пока это еще не диалог. Отвечать она начнет мне позднее»[22]

Но одиночество вызывает порой не только желание говорить, но и обратную потребность. На некоторых людей уединение оказывает сильное воздействие и порождает страх. Опасаясь заявить о своем существовании, они стремятся избежать любых шумов и пребывают в молчании и оцепенении. Они страшатся звуков собственного голоса.

Как-то раз мне пришлось взять с собой в один большой грот майора английских военно-воздушных сил Арчибальда У. Комбера. Он был страстно влюблен в доисторическое прошлое, но имел слабое представление о пещерном мире. На этого человека, который неоднократно совершал кругосветные путешествия и пере-

жил множество приключений, произвели глубокое впечатление не только доисторические рисунки, высеченные на стенах пещеры, которые я ему показал, но и вся подземная обстановка. Она оказалась для него откровением.

Мы отправились в глубь пещеры. Отойдя приблизительно на полкилометра от входа, мы собрались уж было повернуть обратно, и тут он поведал мне о своем желании провести несколько минут в абсолютной темноте и тишине, чтобы, как он выразился на своем несовершенном французском языке, «знать одиночество». Так и было сделано. Чтобы создать «одиночество», мы отошли друг от друга метров на тридцать и затем, погасив ацетиленовые лампы, начали вслушиваться в полную тишину. Опыт длился минут пять-шесть, после чего майор чиркнул спичкой и вновь зажег свой фонарь. Я сделал то же самое и пошел ему навстречу. Он сидел на камне с таким сосредоточенным видом, что я проникся уважением к его безмолвным размышлениям. Наконец он встал и очень просто, но вместе с тем торжественно и убежденно заявил: «Теперь я понял...» — затем он снова погрузился в размышления.

Мы молча пустились в обратный путь и шли, не говоря ни слова, до тех пор, пока луч света не возвестил о близости выхода. В сущности он мне так и не поведал своих впечатлений, а так как расспрашивать англичанина — задача весьма деликатного свойства, мне не удалось узнать, что же, собственно, он «понял». Некоторое время спустя я снова очутился в том же гроте Лабастид-де-Нест. На этот раз, желая составить репортаж о доисторических гротах Пиренеев, меня сопровождала швейцарская журналистка. Как и майор Комбер, эта молодая швейцарка, обладавшая спортивными навыками, прежде никогда не посещала других гротов, кроме доступных для широкой публики и освещенных электричеством. Она, казалось, с удовольствием осматривала настоящую «дикую» пещеру. Когда, пройдя грот, мы добрались до тупика, я не преминул рассказать своей спутнице об эпизоде с майором и его желании «знать одиночество»; мне показалось, что мое сообщение не заинтересовало журналистку и не внушило ей никаких соблазнов. Однако на обратном пути, проходя через небольшой подземный зал, она внезапно остановилась.

— Каково сейчас расстояние до выхода? — спросила она меня.

— Примерно триста метров.

— А дорога к выходу не очень трудная?

— Нет, мы здесь в единственной галерее; есть, конечно, повороты, раструбы, но никаких разветвлений и смежных галерей.

— В таком случае, мсье Кастере, я хочу остаться здесь одна и провести ночь.

Это было крайне неожиданное и необычное заявление, и я, конечно, не мог дать согласия. Я немедленно запротестовал, призвав на помощь все доводы о своей ответственности за ее судьбу. Мне пришлось напомнить, что сейчас всего лишь шесть часов вечера и что ночь покажется ей бесконечной, тем более, когда нет ни пищи, ни карбида и, следовательно, фонарь не может светить всю ночь. Предупредил я ее также, что, находясь так долго в пещере, она продрогнет от холода и сырости.

Но решимость журналистки оказалась непреклонной, и на все мои возражения она находила ответы. В сумочке у нее были бисквиты и шоколад; она говорила, что погасит лампу и будет экономить свет, ибо желает остаться в темноте. От холода она надеялась спастись соответствующими гимнастическими упражнениями. Короче говоря, эта неустрашимая и настойчивая швейцарка, несомненно, заранее обдумала свой замысел, и мне стало ясно, что решение ее было бесповоротным. Пришлось прекратить ее разубеждать, и мы расстались.

Когда я выходил из грота, шел через деревню и ехал в машине, меня преследовало нечто вроде того чувства, которое испытывает проводник в горах, возвращаясь в долину без экскурсантов. Но, тем не менее, я знал, что моей-то «экскурсантке» не угрожала никакая опасность, а сознание, что я участвовал в редком и ценном опыте, давало мне тайное удовлетворение. Я принял крайнюю меру предосторожности, попросив одного из старожилов, в случае если эта новоявленная исследовательница не выйдет из пещеры до восьми утра, навестить ее.

Мне не приходилось больше встречать эту энергичную женщину, случайно оказавшуюся отшельницей, но я узнал, что около пяти часов утра она явилась в деревню и попросила обогреться; выглядела она вполне удовлетворенной своим опытом.

Не все люди обладают любознательностью майора Комбера и отвагой швейцарской журналистки; по крайней мере некоторые не принимают никаких необходимых мер, чтобы вкусить и испытать ощущения и волнения одиночества.

Как-то один энтузиаст поведал мне о своем недоумении. «Ваши книги, — сказал он, — вселили в меня желание побывать под землей. Мне захотелось почувствовать то, что чувствуете и переживаете вы. Я обошел пещеры, которые исследовали вы, чтобы увидеть там те же картины, ощутить ту же атмосферу; но должен признаться, меня ни разу не охватывал тот восторг, о котором вы говорите».

Надо сказать, что этому моему коллеге, президенту одного из спелеоклубов, присуща чрезмерная склонность к массовым посещениям пещер; там он появлялся не иначе, как во главе огромных

партий экскурсантов; порой в этих дружинах насчитывалось до шестидесяти участников! Не случайно поэтому не испытывал он трепета и лишен был радостей, которые переживает исследователь-одиночка! Было бы удивительным, если бы он познал эти чувства! Разве может пассажир трансатлантического парохода пережить те же ощущения, которые, например, выпали на долю Алена Жербо? Ведь вокруг Жербо в океане не было ни единой души!

Я знаю испытанных спелеологов, которые никогда «не вживались» в мрак, безмолвие и уединение, потому что они постоянно работали шумными, большими группами. И мне жаль их: им не дано насладиться уединением, познать таинство сосредоточенного безмолвия.

Правда, некоторые очень восприимчивы и мало подготовлены к суровым и резким эмоциям подземного пребывания, и поэтому, даже находясь в составе хорошо подготовленной группы, такие люди испытывают неудобства.

В 1953 году юный член нашей группы, смелый испанец спортсмен, изъявил желание спуститься в пропасть Пьер-Сен-Мартен. Не рассчитав своих сил, он оказался в весьма незавидном положении. Спуск на стальном тросе на глубину триста сорока метров (самое глубокое из известных вертикальных отверстий) вызвал у него головокружение и тошноту (обусловлено это было главным образом резкими вращательными движениями), а невообразимый хаос огромных подземных залов вызвал особую реакцию, сочетавшую все симптомы кризиса клаустрофобии.

В конце концов, чтобы облегчить страдания смельчака, ибо он был в очень тяжелом состоянии, его пришлось поднять на поверхность, и там приступ сразу же прошел. Это доказало, что виной всему была подземная среда.

Клаустрофобия, как и головокружение, связана, видимо, с органическими явлениями и нисколько не указывает на недостаток мужества; она произвольна, мучительна и непреодолима.

В 1949 году экспедиция, исследовавшая подземную реку Падирак, оказалась чрезвычайно трудной и особенно длительной: это было сплошное четырехсуточное пребывание под землей. В этой эпопее принимал участие один первоклассный альпинист — он не был профессиональным спелеологом, но желал изучить технику пещерных исследований. Он оказался жертвой подобного же резкого и внезапного приступа клаустрофобии. Позже он откровенно и объективно описал пережитые им ужасы.

Приступ настиг его на биваке, на расстоянии свыше двух километров от выхода, в тот момент, когда участники похода, предельно усталые, собирались заснуть. Огни были погашены. Над лаге-

рем воцарилась «мертвая» тишина. И лишь один человек не мог уснуть, его давил свод гигантской пещеры.

«Я помню все подробности этого первого этапа подземных странствий, — писал он. — Среди своих воспоминаний о путешествиях по горам я никогда не мог найти подобных ощущений. Меня, как и моих спутников, утомил двадцатичетырехчасовой переход, и усталость, должно быть, послужила главной причиной упадка сил.

Пока лагерь оглашался шумом голосов, морально я чувствовал себя сравнительно неплохо. Вы все, ветераны пропастей, не испытывали такого сильного воздействия пещеры. Я же, новичок под землей, оставивший озаренные светом вершины, чтобы получить представление о спелеологии, был охвачен волнением.

Оправившись, я постарался заснуть, но безуспешно. Сперва я подумал, что всему виной насыщенный витаминами шоколад. Но сразу же сообразил, что дело было не в этом; я взял лампу и отправился в глубь пещеры к палатке Тромба и его спутников. Испытывая потребность говорить, чувствовать людей рядом с собой, я вполне искренне поведал им о своей тревоге. Мне ответили, что все это вполне естественно и, больше того, для первого случая даже не так страшно. Де Жоли, на счету у которого было, вероятно, свыше семисот подземных экспедиций, тоже сказал мне несколько ободряющих слов. Тогда в более спокойном состоянии духа я вернулся к нашей палатке.

Однако спокойствие мое было кратковременным. Доктор Кламажиран дал мне снотворное, но оно лишь усилило возбуждение. Едва вытянувшись, я снова вернулся в состояние полного бодрствования, сон упорно уходил от меня. Как я завидовал вам, спящим!

Мне казалось, что в палатке было очень жарко. В поисках сна я решил выйти на воздух и устроиться на дне резиновой лодки. Еще одна попытка. Снова неудача. Теперь уже все спали. Замогильная тишина нарушалась лишь храпом де Жоли; он спал возле палатки второй группы. Тогда я решил побродить. В темноте я нашел свою электрическую лампу. При помощи этого дурацкого приспособления (насколько надежнее свеча!) я отправился в путь, рассчитывая обнаружить кого-нибудь бодрствующим. Зрелище было мало утешительным: Джокки скрючился, словно воин, подкошенный автоматной очередью; доктор Кламажиран, скрестив руки, лежал на спине; Тромб, наоборот, лежал на животе; а де Жоли, словно его собирались четвертовать, распластался в резиновой лодке, свесив руки и ноги и прикрыв платком лицо. Меня охватил страх, и, вернувшись к нашему пристанищу, я ощутил весь ужас одиночества, затерянности на громадном, бес-

конечном Падираке. Безмолвие вызывало резкую боль в ушах. Я задыхался. Теперь я говорил себе: „Расхлебывай“. Очарование первых часов уступило место кошмару, тем более ужасному, что переживал я его наяву.

Я снова поднялся и направился к озеру. Пучок лучей моей лампы освещал поразительно прозрачную воду. Сидя на берегу, я повторял: „Я сойду с ума, я просто сойду с ума“. Мне казалось, я больше не смогу выдержать, нужно немедленно на поверхность. Тогда у меня явилась мысль, а не попросить ли Жана Дедона вывести меня на свет? В конце концов разве не он был виновником всего этого? Разве не он предложил мне отправиться на Падирак? Но нет, было бы нечестным просить его, ведь я знал, как хотелось Жану продолжить исследования.

И все же я намеревался разбудить его лишь хотя бы потому, что не с кем было поговорить в этой пустыне. Жан до сих пор еще стоит перед моим взором. Его большие, синие, как море, глаза пристально смотрят на меня. „Со мной что-то неладное, — говорю я ему, — я схожу с ума“. Он вскакивает. „Ах, так вот оно что“. Следует долгое и неторопливое нравоучение...

Тогда, словно маленький провинившийся ребенок, я опустил глаза и вернулся в лодку. Еще раз посмотрел на часы. Через несколько часов надо будет отправляться назад. Обмякнув всем телом, как надломленный паяц, на пределе напряжения, я уснул».

Эта чрезвычайно интересная исповедь показывает, что может случиться с человеком, даже если он не одинок, в состоянии характерного кризиса клаустрофобии. Разве можно без содрогания представить себе, что могло бы случиться, если бы этот же человек при подобных обстоятельствах очутился один?

Клаустрофобия, вероятно, распространена шире, чем мы себе представляем. Но мы с ней мало знакомы, ибо, помимо спелеологов — а они ей не подвержены, — немногие проникают под землю, оставаясь там достаточно долго, чтобы почувствовать ее симптомы и свойства.

Ведь столько людей проявляют боязнь пещер; они заранее уже твердят, что им там будет беспокойно, они боятся задохнуться, их пугают угрожающие низкие своды, они страшатся неприятного ощущения темноты — можно в самом деле подумать, что клаустрофобия и подобные ей недуги случаются весьма часто.

Следует сказать также, что современная жизнь с ее бурным ритмом представляет полную антитезу трилогии мрака, безмолвия и уединения.

Высокие темпы роста населения, промышленности и транспорта неизбежно сопровождаются возросшей занятостью, вторжением в жизнь шума и больших скоростей. Спокойствие, уединение

и безмолвие стали уже чем-то нереальным, неосуществимым.

Ведь современная жизнь протекает в век света, шума и возбуждения, которые не только воздействуют на человека, но и кажутся ему необходимыми. Люди теряют покой, терпят значительные неудобства, но в конечном итоге они сами их поддерживают и бессчетно умножают. Современному человеку внушает ужас не только темнота, но и продолжительная тишина; она кажется ему необычной, длительной и, больше того, невыносимой.

Что касается уединения, то теперь люди уже не пребывают в изолированности от мира, свойственной давним временам. Сейчас, говоря «одиночество», мы представляем себе либо заключенного (но современные тюрьмы напоминают муравейники), либо пастуха (но этот «цех» находится в стадии исчезновения), либо монаха (но среди них исчезли анахореты[23] и остались одни лишь сенобиты[24]).

Человек двадцатого столетия — существо стадное, общественное, которое не желает и не может уединяться и не способно жить в одиночку. Его повергает в ужас не только мысль об одиночестве, но даже непродолжительное уединение, ведь от этих опасностей его надежно ограждает современная жизнь. Да и сам он стремится избавиться от одиночества, его влечет к массовым сборищам: спортивным и театральным представлениям и всевозможным, поистине бесчисленным, зрелищам. Даже в четырех стенах своего дома современный горожанин борется с тишиной и уединением — впрочем, весьма относительными, — ибо эти стены содрогаются от грохота городского транспорта. До него доносятся шум и суета у соседей; он изгоняет дух уединения из своего дома, включая радиоприемник или телевизор, перелистывая многочисленные журналы, в которых содержится больше фотографий, чем текста.

И уж, разумеется, ему не чужды все шире входящие в употребление магнитофоны, полупроводниковые и другие портативные приборы, звуки которых слышатся ныне повсюду и главным образом на пляжах, где люди некогда внимали дыханию моря; на чистом песке пляжей сейчас тьма-тьмущая радиоприемников; их звуки то воркующие, то подобные чахоточному хрипу, наполняют воздух. Все эти приборы, специально рекомендуемые для «отпускных экскурсий и туристических походов», должны, видите ли, «очаровывать слух и обогащать мозг», подобно «производственной музыке», функционирующей в цехах, на заводах, в крупных магазинах и даже... в стойлах; ведь музыка в хлеве благотворно воздействует на коров и облегчает их доение!

Вечером современный человек выходит на улицу. Он идет в театр, в цирк, на бал, на матч боксеров или в кино; в последнем

случае он становится жертвой фильма, который «нельзя пропустить». Поздно ночью, вернувшись домой, он читает в постели или засыпает под звуки джаза, которые в любой час суток щедро разливает радио. Городской житель сознательно или бессознательно терпит все это, мечтая об отпуске, который принесет ему избавление.

Когда приходит пора летних отпусков, человек колесит по стране в поисках какого-нибудь прибежища, где можно отдохнуть и развлечься, но часто такое место оказывается жужжащим, шумным, как улей, пляжем, курортом, столь же беспокойным, как и тот город, который является постоянной резиденцией отпускника.

Я не мизантроп, но право, иначе, как плачевным, нельзя назвать такое положение вещей. Приходится сожалеть, что так много людей лишено физического, а стало быть, и душевного спокойствия.

Увы, вряд ли это положение можно исправить, утверждая, сколь благотворно одиночество, и настойчиво доказывая, что пещерное одиночество благотворно воздействует на разум и душу. Я рискую вызвать улыбку на лицах недоверчивых читателей, но право же, подобное уединение можно рекомендовать как целебное средство, которое способно «ввести в разум» всех, страдающих от переутомления и прочих вредных воздействий современной, оглушительно шумной жизни.

Пещеры, если их не бояться, приносят полное умиротворение и идеальный отдых. Мне не раз приходилось слышать от моих коллег-спелеологов, что стоит лишь им очутиться под землей, и они полностью забывают о своих заботах и беспокойствах, кажется, будто все свои невзгоды они оставляют у входа в пещеру, и в меру этого забвения очень быстро теряется и чувство времени. Я и сам многократно испытывал нечто подобное.

Жермен Гатте, мой друг и участник многих подземных исследований, часто в конце недели навещал меня. Он казался усталым и озабоченным, и это было вполне понятно — он руководил важным промышленным предприятием. Но как только Жермен облачался в землисто-серый, покрытый заплатами комбинезон и водружал на голову каску, как только он входил в пещеру или ставил ногу на перекладину электронной лестницы, спускаясь в очередную пропасть, он моментально обретал увлеченность, энергию и хорошее настроение. Наиболее беспокойные и трудные часы подземной страды всегда оказывали на него благотворное физическое и моральное воздействие. Нередко упорные головные боли, которым он был подвержен на земле, под землей проходили бесследно.

Пятнадцать лет блуждали мы с женой, исследуя подземелье Пиренеев. В этих бесконечных скитаниях мы всегда воздерживались от неуместных проявлений чувств, от каких бы то ни было восклицаний. «Никакой лирики под землей» — таков был наш уговор. Мы передвигались безмолвно, чтобы не нарушать торжественную тишину и величавое шествие чудесных видений, которые открывались нашему зачарованному взору. Мы общались полупонамеками, полужестами, взглядами. Нам достаточно было легкой улыбки, мы ведь понимали друг друга без слов — этому научили нас незабываемые годы поисков в таинственных недрах. Мы выбирались на свет грязные, жалкие, в изорванной одежде; наш вид вызывал сострадание или насмешки, но, несмотря на физическую усталость, мы чувствовали себя юными, души наши обновлялись, мы были полны боевым задором и готовы были тут же приступить к новым походам. Недавно, найдя забытый блокнотик, я перечитал несколько любимых изречений, написанных рукой моей дорогой жены. Все они созвучны нашим общим склонностям, хотя, несомненно, ни один из этих авторов никогда не занимался спелеологией.

«В уединении я нахожу тайную сладость»

Лафонтен

«Тишь! Мгла! Торжественная пара, величественное дитя античной ночи!»

Юнг

«Всегда найдется достаточно уединения для тех, кто достоин его»

Барбей д'Орвилли

«Тишина, подруга отдохновения, наполняет уединение»

Десман

«Он вступил в черную необъятность, неся перед собой, как факел, свое сердце»

Леон Блуа

«И мы в безмолвной тишине
Услышим шепот тайн природы»

А. де Ренье

«В непроглядной мгле не гаснет надежда увидеть свет»

Доктор А. Каррель

«Сильна лишь тишина, все остальное — слабость»

А. де Виньи

Мрак, Уединение и Безмолвие в самом деле, кроме физической пользы, приносят сосредоточенность, прилив воспоминаний о пережитых опытах и размышлений о поучительных уроках.

Подземный мир больше, чем что бы то ни было, предрасполагает к созерцанию, неумолимо поражая воображение торже-

ственностью и величием...

Кастель-Мурлон, Сен-Годан (Верхняя Гаронна)

Декабрь, 1959 года

Примечания

1

В книге Н. Кастере «Тридцать лет под землей» (М., Географгиз, 1959) фамилия этого исследователя пещер дана в транскрипции «Лубен». — Прим. ред.

2

Mondmilch (лунное молоко) — термин немецкого происхождения. Так называют вязкую, иногда почти текучую известковую массу, насыщенную водой; эта масса порой обволакивает внутренние стенки пещер и колодцев, особенно в горах, где воздух в этих пустотах весьма холодный.

3

Тальвег — наиболее углубленная часть долины, по которой постоянно или периодически (при ливне, снеготаянии) пробегает вода. — Прим. ред.

4

Сколопендриум (*Scolopendrium vulgare*) — вид папоротника с ланцетовидными листьями, листовник. — Прим. ред.

5

Активная система — система подземных галерей, которые продолжают расти вследствие растворяющей и размывающей деятельности текущих по ним водных потоков. — Прим. ред.

6

Электрон — общее название группы сплавов на основе магния, содержащих, кроме него, алюминий, цинк, марганец и некоторые другие элементы. — Прим. ред.

7

Гур — подземное озерцо, окаймленное известковым валиком или бордюром, продуктом осаждения из водного раствора — Прим. ред.

8

Запись спуска Гриозеля была осуществлена репортером Люксембургского радио Эложем Буассоннадом. Он выехал из Парижа в четыре часа утра и прибыл к перевалу Порте после полудня, а путь этот немалый — более 800 км. Тотчас, не снимая выходного костюма и обуви, он поднялся к Кум-Уарнэду и записывал спуск Гриозеля, не смыкая глаз до часу ночи. Затем несколько дней подряд Буассоннад работал в различных местах и даже спускался с отрядом поддержки в пропасть Раймонды до глубины 160 м. Снаряжение он одолжил у нас, а с магнитофоном не расставался ни на миг. К несчастью, на обратном пути в Париж Элож Буассоннад попал в автомобильную катастрофу, получил тяжелые увечья и два месяца провел в постели. Взятые им с собой записи погибли во время катастрофы. Этот репортер, чья отвага делает честь его профессии и вызывает восхищение, снискал симпатии всех спелеологов в Кум-Уариэде. Еще за год до этого он посетил нас и вместе с нами спускался в пропасть.

9

Аллювий — отложения текущей воды. — Прим. ред.

10

Установлено, что не может быть связи между пропастями Раймонды и Пьера, но следует ли здесь говорить о неудаче? Ведь и альпинисты и спелеологи считают: победа одержана, если человек достиг желаемой вершины или спустился па дно пропасти. И всякий спелеолог был бы удовлетворен, добравшись до глубины 448 м, пройдя в один прием 253 м. А ведь именно так было в 1959 г. в пропасти Раймонды.

11

Карры — борозды, щелевидной и другой формы углубления на поверхности голых выходов известняка, возникающие в результате его растворения дождевыми и талыми снеговыми водами. — Прим. ред.

12

Выше говорилось о глубине пропасти Раймонды — 448 м. Здесь глубина дана от устья верхнего колодца — колодца Тиса. — Прим. ред.

13

От слова «ориньяк» — названия одной из эпох палеолита, то есть древнего каменного века (ориньяк — первая эпоха верхнего палеолита). — Прим. ред.

14

Мадленцы — первобытные люди мадленской эпохи, последней в палеолите. — Прим. ред.

15

L'anilhet — на местном наречии ржание — крик арьежских пастухов и горцев, приблизительный баскский эквивалент которого l'irrintzina.

16

В нашей спелеологии понятие «пещера» значительно шире, чем понятие «грот». — Пещера — это подземная полость или система галерей, колодцев и залов любой формы; а гротами называют просторные пещерные полости, иногда лишь такие, в которые проникает дневной свет. Французские же спелеологи называют

гротами пещеры, начинающиеся от входа горизонтально, в отличие от пропастей, уходящих вертикально вглубь. — Прим. ред.

17

Пьер Анри. Жизнь слепых, серия «Что я знаю».

18

Это утверждение не совсем точно. Зеленые растения проникают довольно глубоко внутрь пещер, довольствуясь таким небольшим количеством света, которое не воспринимается человеческим зрением. В глубинных частях пещер существуют грибы и бактерии. — Прим. ред.

19

Цифра эта завышена. Конец мезозойской эры отстоит от нас примерно на 60 млн. лет, начало — на 170. Кроме того, само представление автора о такой глубокой древности пещерной фауны также, по-видимому, преувеличено, хотя несомненно, что пещерная фауна отличается большей древностью в сравнении с наземной, и, судя по зоогеографическим данным, возраст многих обитателей пещер восходит к палеогену, а иногда и к более древним периодам. Точное определение возраста пещерной фауны встречает большие затруднения. — Прим. ред.

20

Протеи (Proteidae) — семейство хвостатых земноводных. — Прим. ред.

21

В русском переводе книги Н. Кастере «Тридцать лет под землей» (1959) фамилия этого ученого была дана в транскрипции «Галамбос». — Прим. ред.

22

А. Бомбар. «За бортом по своей воле». М., Географгиз, 1959, стр. 126.

23

Анахорет — человек, живущий в уединении, избегающий общества; пустынник, отшельник. — Прим. ред.

24

Сенобит — обительный монах, живущий в монастыре. — Прим. ред.